

ЛАРИСА
РОМАНОВСКАЯ

УДАЛИТЬ
ЭТУ
ЗАПИСЬ?

Вере четырнадцать, она ненавидит школу, учительницу английского, а еще когда ей напоминают про ГИА. Вера ведет блог про то, о чем хотелось бы помнить и о чем мечтает забыть. Всё, что случилось однажды, остается не только в памяти, но и в записях.

Что происходит с лучшей подругой Лилькой? И почему в самый сложный момент мама обращается за помощью к тому человеку, которого Вера терпеть не может?

Всё это вместе — год жизни, год, когда закончился девятый класс.

Лариса Романовская окончила Литературный институт им. Горького, но работала по десяти совершенно другим специальностям. Как и главная героиня повести, ненавидела английский язык в школе и была уверена, что никогда в жизни не станет его учить (но все-таки выучила). За проникновенную и искреннюю повесть «Удалить эту запись?» получила третье место в литературном конкурсе «Книгуру» в 2016 году.

12+

ЕАС

ISBN 978-5-91759-575-7

9 785917 595757 >

Серия
Встречное
движение

ЛАРИСА
РОМАНОВСКАЯ

Удалить эту запись?

Москва 2017 Самокат

УДК 82-311.1=161.1(02)

ББК 84-44(2Рос)-44

Р69

Серия «Встречное движение»

Романовская, Лариса.

Р69 Удалить эту запись? : [для среднего и старшего школьного возраста] / Лариса Романовская. — М. : Самокат, 2017. — 256 с. — (Встречное движение). — ISBN 978-5-91759-575-7.

Вере четырнадцать, она каждый день пишет новую заметку и выкладывает запись с тегом — это флешмоб «100 дней счастья»!

Сначала кажется, что 365 дней в году можно считать счастливыми сразу, если уволится нелюбимая учительница и все разом перестанут твердить про ГИА. Но к концу учебного года некоторые посты хочется удалить уже не только из блога, но и из жизни — от них становится грустно или стыдно, всё то, что Вера записала раньше, уже как будто мысли другого человека...

Лариса Романовская окончила Литературный институт им. Горького, но работала по десяти совершенно другим специальностям. Как и главная героиня повести, ненавидела английский язык в школе и была уверена, что никогда в жизни не станет его учить (но всё-таки выучила). За проникновенную и искреннюю повесть «Удалить эту запись?» получила третье место в литературном конкурсе «Книгуру» в 2016 году.

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Романовская Л., текст, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом “Самокат”», 2017

ISBN 978-5-91759-575-7

*Леше Романовскому,
отцу моего сына*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Август: «Сто дней счастья»

9

Сентябрь: «Дорогие девочки и Паша»

23

Октябрь. Рыба Вера

48

Ноябрь. Все мы — персонажи

68

Декабрь. Осторожно, злая Вера!

76

Январь. Без комментариев

100

Февраль. Внук Мороз и его открытка

114

Март

170

Апрель. Мандариновые слезы

171

Май. Дерево моего счастья

221

Июнь. Самое дорогое

247

Август: «Сто дней счастья»

Еще один новый дневник. Добро пожаловать в мой маленький сумасшедший дом.

Меня зовут Вера. Я сова. Я люблю собак (свою особенно!), кататься на метро, черный мятный чай, молочный шоколад с карамелью. Гелевые ручки.

Я ненавижу английский!!!!

Ненавижу смывать тушь.

Ненавижу, когда меня называют «Верунчик». Где тут блюющий смайл? Сто смайлов.

Menia zovut Vera. И мне лень переключать раскладку.

* * *

Лилька осалила меня флешмобом «100 дней счастья». Надо каждый день находить что-то хорошее в своей жизни. Фоткать или писать про него. С отдельным тегом.

«100 дней счастья»: До конца каникул еще неделя! А потом — «первый раз в девятый класс». Дорогое мироздание, сделай так, чтобы ВМ уволилась из школы!!!! Это будет 365 дней счастья. Или 250 с чем-то еще дней счастья, если из 365 вычесть 92 дня летних каникул. Выходные не вычитаем, — я добрая и все равно в выхи приходится делать уроки. А делать уроки, но не думать про то, что завтра ВМ меня вызовет и опять будет унижать перед всей группой, — это тоже почти счастье!

Семь дней! У меня есть кусок каникул размером с целые обычные каникулы. Именно эта неделя всегда получается самой лучшей. Потому что впереди несвобода. Как подумаю, что через неделю в это время уже начало третьего урока, а сейчас я сижу в ночной рубашке и не завтракала, и Марсик меня еще на улицу не вытащил, сразу так хорошо.

В каникулах самое ценное, всегда, — это ленивые утра. Но к середине июня от них звереешь, а в июле не можешь переключиться на человеческий режим и утром еще только ложишься спать. А в конце августа каждый день каникул уже почти последний, но не совсем.

Лилька кинула сообщение, гуляем!

Мы с Л гуляли с М.

Я иногда делаю такие записи, что сама потом не могу догадаться, о чем шла речь. Особенно инициалы. КД, например. Или Л. Или ИБ. Или ВМ. Или Ч. Хотя Ч — это обычно «Чувак». МЧ — мой чувак. Заведу МЧ и буду про него так писать!

Мы с Л гуляли с М. Л — это Лилька, моя лучшая подруга. М — это Марсик. Собаконька моя любимая. Старенькая, ушастенькая, слюнявенькая. Он Марс, потому что коричневый, как шоколадка. А сейчас уже седой. Сперва у него уши поседели, потом брови. Теперь бока. Мам говорит, что Марсик с сединой как шоколадка с плесенью. Тьфу, меня тошнит от мысли про плесень!

Мы с Лилькой и Марсиком гуляли за синими домами у сберкасы. Там куст, а на нем два мужских ботинка надеты. Ношенные. Но не рваные. Просто ботинки. Их выкинули, наверное, прямо из окна.

Л: Куст сожрал мужика!

Я: А ботинки выплюнул!

Сфоткали куст и так подписали фото. В комменты к Лильке сразу пришла Сончита и запостила анекдот про жену и любовника на балконе. Лилька смеялась над анекдотом, а я — над нашей шуткой.

До сих пор смешно, не могу.

«100 дней счастья»: «Куст сожрал мужика, а ботинки выплюнул».

* * *

«100 дней счастья»: МЧ написал мне, что жить без меня не может. Как мило. Даже если это неправда.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

«100 дней счастья»: Ничего такого сегодня не было.

Я все время вру. Мне кажется, это нормально. Потому что в школе иначе не выжить. Это даже не вранье, это самооборона. Форс-мажорные обстоятельства. Но мне еще самой по себе нравится врать. Мне от этого вкусно. Язык сладким становится. Честно. Наверное, я псих.

Как, кстати, будет «псих» женского рода? Может, «психичка»? Как-то по-учительски: химичка, историчка, психичка. Значит, психологию ведет. Нет, я просто честный псих.

* * *

«100 дней счастья»: Когда я счастливая, я не верю, что счастье может закончиться. А еще я в этот момент обязательно делаю фотку. Не селфи, а то, что прямо в эту секунду вижу. У меня есть свое счастливое дерево. Я однажды шла мимо него и думала про то, какая я счастливая. И теперь есть дерево имени моего счастья. Во дворе у Лильки, за футбольным полем.

* * *

Десять фактов обо мне (еще один флешмоб):

Мне четырнадцать лет.

Я живу в Москве.

У меня есть мама и собака. Это моя семья.

Я люблю врать.

Я не люблю КД. Я его больше не люблю!

Иногда мне снится, что я — это совсем другой человек.

У меня и у моей мамы одинаковая фамилия.

С меня еще три факта! Или два?

У меня и у моей мамы одинаковая фамилия. Вообще так почти у всех бывает, но моя мама никогда не выходила замуж. И всю жизнь живет в одной и той же квартире. И я хожу в ту же школу, в которой она училась. В начале это было не важно, учителя младших классов часто увольняются. А предметные учителя многие те же самые. В нашей школе работают по тридцать лет. (В два раза больше, чем мне сейчас. Это нереально представить.) И с пятого класса они мне задают один и тот же вопрос: «А Элла П — это твоя мама?»

Я по-разному отвечаю. Географичке я вдруг наврала, что мама моя сестра. Сама не ожидала, что навру. Географичка такая слушала, слушала, а потом: «Зачем ты врешь? Я же Элю видела недавно». А я ей всю перемену рассказывала про меня и маму. Так интересно врала, что сама жалела, что мама мне не сестра. Было бы здорово. Хотя не знаю.

Вот Лилька у себя в семье старшая сестра. И она жутко бесится от того, что у нее есть Алсушка и Динарка. Что у нее нет своей комнаты, а сестры все время лазают

к ней в письменный стол, в сумку, в шкаф и в телефон!
Я бы убила бы!

Но если бы моя мама была мне сестрой, она бы меня любила бы все равно. Три «бы» в одном предложении зачем-то.

Еще один факт: я «ранний ребенок». С «ранним развитием». Мама меня родила на третьем курсе и потом приносила на лекции в институт. И приводила. Все нормальные дети ходили в детский сад, а я — в деканат. Вот честно! Ну, не каждый день, но ходила. Не вру!

А теперь мама мне такая: «Ты должна была английский выпитать с молоком матери». Ага, два раза! Ненавижу англ яз! У меня его ВМ ведет. (Может, в этом году все-таки не она????!!) А ВМ у мамы не вела. Хотя маму помнит. Ее все помнят. Потому что моя мама наполовину негритянка. Мулатка. Кожа шоколадная, а волосы рыжие.

Это я вру. Просто мою маму зовут Элла. Как Эллу Фицджеральд. Элла — редкое имя. Поэтому учителя и помнят. Если бы я была похожа на маму, можно было бы кому угодно говорить, что мы сестры. Но я — в биологического отца.

У мамы вправду рыжие волосы. Некрашенные. А у меня непонятно какие. Темно-русые. Мам говорит, что это

самый удобный цвет, чтобы перекрашиваться в любой другой. Если бы я была парнем, мам бы меня так же утешал? Или, наоборот, говорил бы, что темно-русый — это так ужасно круто, что прямо тошнит.

Еще факт обо мне: до прошлого Нового года я не знала, как зовут моего биологического отца. Потому что по документам я Владимировна с прочерком. Мам тоже Владимировна!

Все, десять фактов набралось.

Все-таки десятый: когда я люблю маму, я называю ее «мам». «Мам у меня добрый».

* * *

Молоко

Яйца

Корм для Марсика

Сах. песок

Помидоры

Можно ли помидоры макать не в соль, а в сахар? Или варенье из них варить? По-моему, все равно выйдет борщ. В смысле лечо. Лечо, которым не лечат. Кажется, это болгарское блюдо. Если бы я была мелкой, спросила бы: «А «лечо» — это по-болгарски «доктор»?» Или еще какую-то такую же смешную муть (тег: «смешная муть»).

Яблоки желтые с полосками

Раст. масло

Гречка. С зеленой картинкой! С красной не брать!

Стир. порош. НЕ автомат!

Колготки

Зайти на сайт школы, узнать, когда нам выдадут учебники!

* * *

«100 дней счастья»: Кошка, женщина и мальчик. И Мой Брелок!

Марсик опять хрюкает до рвоты. Я сейчас водила его к ветеринару. Мы долго ждали в очереди.

Там еще сидели люди с кошкой. Наш Марсик к кошкам хорошо относится. Весь в обеих хозяек. Больная кошка тихо лежала в пластмассовой дырчатой коробочке. (Переноска! Я тогда забыла это слово.) Ее принесли женщина и мальчик. У женщины был айфон. А мальчик держал в кулаке ключи от машины. И всем говорил: «Дыр-дыр-дыр». Стрелял из ключей. Я в его возрасте в деканате стреляла из старинного дырокола! Прямо в мамино декана!

Я мальчику говорю: «Это у тебя лазерный пистолет?»

Он помотал головой. А потом кивнул. А женщина все равно сказала: «Не приставай к тете, у нее собачка болеет».

А я не тетя. Это мерзотное слово. Как «сися». Или «кушать». Или «вкусняшка». Или еще «канцелярка»! Бр-р-р-р!

Мальчик сказал, что у него это «лазер», но он «р» и «л» путал немножко. Я не сразу поняла. Он засопел от обиды. Я тоже так делаю, когда обижаюсь. И Марсик умеет сердито сопеть. Все-таки мы немного собаки. Приятнее думать, что мы от собак произошли. Они умнее обезьян. И красивее в сто пятьсот раз.

Я говорю: «А из брелока стрелять удобнее, чем из ключа».

Но у них брелок дурацкий. Сердечко «хрустальное», на нем надпись «Людмила».

Женщину зовут Людмила. Мальчика — Кирилл. (Как КД!!!) Только этот Кирилл «р» и «л» путает. Он стеснялся сказать, как его зовут. А я тогда соврала, что тоже «р» не выговаривала в детстве. Это ложь во спасение, я знаю. Но кошку у них зовут Бублик, хотя она девочка. Мама — Людмила. А кошка — Бублик. Везде буква «л». Бедный Кирилл. Килирр.

Ужас.

Я хотела ему брелок от моих ключей подарить, но стор-мозила. Их вызвали на осмотр кошки. Я думала, что подарю, когда они из кабинета выйдут. Но меня с Мар-сиком позвали в другой кабинет. И мы не пересеклись. Я теперь свой брелок называю Кирилл.

А он меня даже не вспомнит.

Вообще, снова влюбляться, наверное, надо. А я стреляю из брелока. Он в форме ботинка со шнурком. Как от не-видимой небольшой куклы. Мы прошлого тридцать первого августа с мамой в книжном тетради и все такое покупали. А потом на рынок за цветами пошли. И я уже там говорю, что вот, на кассе брелок клевый был. А она: «А чего ты мне не сказала?» А я сама не знала, что он мне

так понравится. И мам вдруг резко поворачивает назад. А магазин до девяти. Или до восьми. Мы не помним.

И мы побежали на всякий случай. Мимо автобусной остановки. Кто-то решил, что мы на автобус опаздываем. И тоже побежал. А мы мимо автобуса. Бежим, и с моих астр лепестки сыплутся. Красиво!

Мам бегает лучше меня. И она прибежала в магазин первая. А я осталась снаружи. Я решила, что, если мама угадает, какой я брелок хочу, это будет... Я на это одно желание загадала. Очень хотелось, чтобы сбылось. Она же моя мама. И она угадала. Брелок-ботинок! Кукольный, замшевый, желтенький с красным шнурочком... Он был такой невозможно милый, что сразу захотелось стать маленькой и завести себе куклу. А та вещь потом не сбылась. КД!!! Ты вещь! Вот. Ты даже не придурок.

На самом деле, если честно, то я сегодня не стормозила. Мне жалко было дарить мой брелок совсем незнакомому мальчику. Мальчику как ребенку, а не мальчику как МЧ. МЧ я бы, наверное... А вот фиг! Мой брелок, не дам никому!

* * *

Ходили с Лилькой в школу за учебниками. А нам их только завтра дадут. Встретили Сончиту. У нас новая классручка, и это ВМ!!!! Удавиться и не жить.

Мы провожали Сончиту до автобуса. Сончита на остановке передразнивала ВМ, как та шепелявит. На уроках это смешнее, когда ВМ видишь все время. А так я не сразу поняла, чего Лилька согнулась пополам от смеха, когда Сончита шамкала. Потом дошло, что Сончита изображает англичанку.

«100 дней счастья»: Не знаю. Может, Сончита? Мы в реале сто лет не виделись, с июля.

* * *

Опять ходили за учебниками. Заодно попали в лапы ВМ, она нас напрягла оформлять свой кабинет. У ВМ вид как у вампира. Предвкушает кровавую свежую жертву. Меня и Лильку.

Какая же ВМ некрасивая! Когда она улыбается, заметно, что некрасивая. Не из-за зубов, а из-за улыбки. Как будто она не умеет улыбаться и никогда не умела, а только копирует улыбку. Как я в детстве выводила каляки-маляки в тетрадках и говорила, что «пишу конспект», врала,

что я писать умею. Вот ВМ так же улыбается. Притворяется, что ей хорошо. Или весело. Ненавижу ВМ! Не хочу про нее думать.

* * *

«100 дней счастья»: Первое сентября — воскресенье. В школу только послезавтра!

* * *

«100 дней счастья»: Завтра запишу. Не помню.

Сентябрь: «Дорогие девочки и Паша»

Нам с пятого класса долбят по мозгам, что у нас в конце девятого эта ГИА. Или «этот»? Государственная итоговая аттестация. Есть и другие расшифровки, тупые. Вообще, ГИА — «аттестация», поэтому она должна быть женского рода. Но называют чаще в мужском и среднем.

Год только начался, а ГИА нас уже задрал.

На классчас приходила директриса, говорила, что по итогам ГИА будут отбирать в десятый. Десятых будет два: математический и языковой. Весной говорили, что будут из нашей параллели делать маткласс и гумкласс. А теперь опять всё поменяли, потому что четыре школы слили в одну.

Я не знаю, куда мне потом идти. С алгеброй и геометрией у меня так себе, но английский я просто ненавижу! А тот одиннадцатый класс, который набирали как десятый гуманитарный, теперь сделали обычным, потому что «никто не тянул».

ВМ на классчасе так и сказала, когда директриса ушла. Что поживем — увидим. Может, нас тоже наберут, а потом перепрофилируют. Но мы же живые люди!

Перепрограммируют нас. С гума на мат. Как будто мы им роботы. Или кролики. Нас тестируют чаще, чем кролей в лаборатории, мне кажется.

Завтра тест по англ!

Все-таки ВМ моя классручка. Я до последнего не верила, что так будет! Как будто судьба нарочно издевается: теперь у меня в два раза больше ВМ. Как препода и как классухи. Это какая-то комедия ужасов. К концу фильма ВМ должна переехать в мой подъезд и жить у меня за стеной. А потом через стены просочиться ко мне в квартиру и сожрать мне мозг. Или выпить душу. Открываю холодильник или микроволновку, а там ВМ. И я сразу, как ее вижу, начинаю краснеть и закипать, будто чайник! И мы все мультяшки. Представила мульт, и психовать из-за ВМ уже не так хочется.

«100 дней счастья»: Я ненавижу школу, но все равно по ней соскучилась.

* * *

Нас опять поделили на англ группы по-новому. Из-за ГИА. Ну естественно, я у ВМ!!!! И Сончита. В нашей группе всего один парень, Фаддеичев. ВМ так теперь и говорит: «Дорогие девочки и Паша». Укуси меня енот! А у Лильки — добрая Алина Павловна. Они у нее

на уроках сидят в сети нормально. Алине все по сараю. Она сама сидит в сети, Л говорила.

Лилька ведет свой блог от мужского лица и просит теперь, чтобы я к ней в комментах обращалась, будто она парень. Мне не жалко. Но это глупо. И она бы не согласилась сразу, если бы я так попросила сделать.

«100 дней счастья»: Когда звенит звонок с последнего урока. Все, что до него, это не жизнь. Это школа.

* * *

Ненавижу свою англичанку ВМ еще больше, потому что ее тоже зовут Вера. У нее волосатые ноги. И она шепелявит. Как можно английскому учить с такой дикцией?

У меня завтра по расписанию первым уроком англ. До конца учебного года осталось восемь месяцев, три недели и два дня. Даже если меня возьмут в десятый, ВМ там не будет, она не ведет у старших классов. Все-таки это подло — учиться целый год в школе и не знать: ты в ней последний год учишься или у тебя потом еще два года впереди? Знать бы заранее, как будет в будущем! Как в конце фильма. А с другой стороны, это такой квест. «Вера и ГИА». «Вера и десятый класс». «Вера и англ».

Опять англ! Я как тот прапорщик из анекдота, который всегда о бабах думает. Вера и дурдом.

* * *

Алгебра! Дошло в два ночи. Завтра первым уроком не английский, а алгебра. Вера, ты debil. Я весь вечер ненавидела завтрашнее утро. Как можно так прочесть расписание? Предмет на «а», и я сразу про ВМ думаю. И ненавижу этот мир.

* * *

«100 дней счастья»: На перемене мама смс прислала. «В 19:00 в «Вавилоне». Дали з. п. Куртку хочешь?»

Мам мой! Красненькую хочу! С розами!

* * *

«100 дней счастья»: ВМ уволилась!

Это неправда. Это я мечтаю. Хочется соврать, чтобы это оказалось правдой!

Вы действительно хотите удалить эту запись? Нет.

Сегодня на литературе наша Олеся решила нам доказать, что мы ничего не помним. Начала спрашивать про основные размеры стиха. Прочитала строчку «Тучки небесные, вечные странники» и говорит: «Угадайте: анапест? Дактиль? Амфибрахий?» И смотрит на меня. Ну не на меня. Но я сама руку подняла. И Олеся такая обрадованная: «Ну что бы мы без Веры делали!»

А я говорю: ««Тучки небесные» — это Лермонтов, Олеся Александровна!»

Все грохнули впокат.

Неправда. Я думала, куда больше народу будет смеяться. А Олеся на меня посмотрела так, будто я при ней пукнула.

Не знаю. Ну смешно же я сказала!

Может, Олеся не поняла, что я хотела пошутить? Вообще, в старших классах, мне кажется, самое сложное — это не ГИА и не предметы, а то, что вдруг становится понятно, что некоторые учителя глупее тебя. Или они вдруг говорят фигню, и ты после этого их перестаешь уважать. Не как учителей. Как людей. Я не про Олесю и не про ВМ даже. Я как-то так. Вообще.

У нас раньше историчка была (сейчас она на пенсии), она все уроки вела по своей тетрадке. Просто садилась за стол, открывала и читала. И всё. И спрашивала только по учебнику.

Но мы ее презирали не из-за этого, а потому что она разувалась. Сидела за столом и весь урок незаметно выколупывала одну туфлю об другую. Я не знаю, пахли у нее ноги или нет, но нам всем казалось, что пахнут. Потому что. Ну, это неуважение к нам. Мы ее называли Коза. Коза Вонючая. И мы тоже снимали туфли под партой. В знак протеста. Вообще, кабинет истории на первом этаже. И там дует от входа, на полу сквозняк всегда. Холодно разуваться. А Коза сидела босиком. Может, она ноги так проветривала? Ходила бы в босоножках!

Эту Козу тоже Сончита передразнивала. Она всех передразнивает. А Паша из моей английской группы всех рисует. В смысле, всех учителей. В планшете.

Хотя не всех, кстати. Олесю не рисует. Ее как-то не хочется обижать, Олесю. Она мирная. И она правда думала, что я ей про «Тучки небесные» отвечу. Но я не помню стихотворные размеры. И мне кажется, что Анапест — это такая красивая фамилия. Как поэт Кантемир. Или Мандельштам. Так и скажу, если вдруг захочу подойти и извиниться.

«100 дней счастья»: Я пока не буду писать этот флешмоб.

* * *

Вчера вечером Лильку напугал пьяный мужик в лифте. Она перед первым уроком рассказала мне и Сончите.

Л такая спокойная, ржет. «Хорошо, что только напугал». И еще сказала, что «у него пугалка совсем маленькая была». А мне страшно. Потому что это Лилька. Почти что я. И со мной такое тоже может быть. Очень даже. Дошло посреди урока, и от испуга нос замерз. Хорошо, что можно отправить маме смс. «Я тебя люблю».

Сончита решила, что у меня любовник. Парень. Потому что у меня в мобиле все записаны сокращенно. И ее номер записан как «ММ». Это значит «Мой мам».

С этими сокращениями иногда бывает джек-пот! Можно прочесть как «Мой мальчик» или «Мой мужик». Или просто как инициалы.

А мам отвечает «И я тебя люблю, лохушка». У нее иногда автозаменой меняется на «лапушка» или «лампочка». Но мама меня правда ласково зовет «лохушка». Или «лох-нессик». Или просто «чудовище».

Сончита сказала: «Какой он у тебя нежный». Думала, что моя мама — это мой парень. В кино такие вещи смешнее. А тут я захотела заплакать. Представила, что мне 27 или 40 лет. И я всем вру. А все мои смс и подарки только от мамы. И больше никого у меня нет. Как сейчас. У моей мамы тоже никого нет, кроме меня. Я не понимаю, как можно столько лет прожить без мужчины. Сончита говорит, что неделю одна прожить не сможет. Как-то ужасно это звучит — что у Лильки с этим ее идиотом в лифте, что у Сончиты.

* * *

Классчас у нас теперь называют «классчай»: напротив кабинета ОБЖ, где ВМ нас собирает, потому что обе англ группы в ее кабинет не влезают, теперь стоит кофейный автомат. На переменах все таскают оттуда стаканы с чаем и кофе. А там все очень горячее, сразу не успеваешь выпить. И на уроке ВМ всегда ругается на стаканчики, а на часе — нет. Ну вот, теперь у нас «классчай».

Это, конечно, КД придумал. Все-таки не зря я в него когда-то влюбилась. Но это единственное хорошее за сегодня. Потому что все остальное — это домашка. И «впереди ГИА». И англ.

Англ. Англ. И снова англ. Иногда мне кажется, что, если я перестану думать о том, как я ненавижу англ и ВМ,

у меня в голове будет пусто. Словно там не осталось других мыслей. Только рефлексy: домашка на завтра, погулять с Марсиком, ответить на комменты, помыть посуду, ответить на комменты, кино посмотреть — одна или с Лилькой. Или с мам. И опять комменты. И сквозь это ползут ядовитые мысли про англ, как табачный дым.

Одиннадцатый факт обо мне: я никогда не курила, и мне не нравится запах.

Двенадцатый факт: и я никогда не была в Икее. В Париже я тоже никогда не была, но это никого не волнует. А когда я говорю про Икею, все так удивляются.

За окном ветрище дикий. Мне даже страшно смотреть в окно. Вижу, как прыгают бельевые веревки вместе с простынями и прищепками, и такая жуть берет. Сразу кажется, что меня тоже может унести ветром. Но надо пойти с Марсиком. Он уже кладет лапы мне на колени и ругается. Он так рычит, что кажется, что он мне говорит: «Вер-р-р-ра!»

ДЗ на завтра по био!!!! Не то, что на сайте!

* * *

Так странно, что я час назад писала про англ и био, про «Икею», простыни. Глупость такая. Как будто я не я.

Прошел час, а я как будто сейчас другой человек. Как будто из квартиры вышла одна Вера, а вернулась другая. Версия Веры 2.0. Как-то так. Ничего не случилось. И именно поэтому я теперь другая.

Меня сейчас чуть не убило деревом.

Меня сейчас чуть не убило дерево.

Я не знаю, как правильно, я набираю эту фразу, у меня дрожат руки, но я все равно попадаю по нужным кнопкам. А могла бы сейчас лежать прямо на асфальте с проломленной головой мертвая. И уже ничего бы не было.

Я сейчас опять перечла свой предыдущий пост. Он такой глупый. Он мог бы быть моим последним постом.

Может, это судьба?

Я только что избежала смерти. Марсик рванул поводок, я дернулась, упала. Пропахала кучу листьев, заляпалась как свинья, хотела его обругать. А тут треск. Громкий скрип. И дерево, под которым я раньше стояла, вдруг наклоняется вбок. Как зуб, который сейчас выпадет. Так же резко.

Как в мульте или в фильме, но по-настоящему.

Моя собака спасла мне жизнь.

Это тоже как в фильме. Как будто я героиня и у меня только что была инициация. Я чудом избежала смерти, и теперь мне надо как-то действовать. Это, конечно, детский сад — думать, что раз тебя спасли, то ты особенная.

Но я все равно особенная. Сама для себя. Я головой понимаю, что я чувствую, а словами объяснить очень трудно. Слова мелкие. А страх был глубокий.

Я сейчас сижу на кухне и хомячу все подряд: гречку, эклеры, котлеты, глазированный сырок. Как будто я вышла не случайно, а после какой-то катастрофы. После цунами? Или не успела на разбившийся самолет. И мне теперь надо набираться сил.

Адреналин. Отходняк такой.

Со мной так было однажды: мы с Лилькой смотрели кино про то, как один парень манипулировал людьми в инете и доводил их до суицида, потому что ему самому было слабо суициднуться. И у этого фильма очень мощный финал. Жесткий, как пощечина. Как не знаю что. Мне потом странно было, что мы выходим из зала, что в туалете очередь. А в холле на полу попкорн рассыпан. Я это все видела как продолжение кадров фильма. Не могла переключиться.

И мы потом пошли на фуд-корт и там что-то ели. Я тогда тоже ела как не в себя, как будто не понимала, голодная я или уже нет. Сейчас тоже не могу понять. Наверное, это из-за страха.

Так глупо. Я могла умереть. И я не помню, о чем я думала за секунду до того.

Это я вру. На самом деле помню, но мне стыдно. Я ругалась на Марсюшу матом. Он очень больно дернул поводок.

Моей последней мыслью могли бы быть матерные ругательства. А последней записью — всякая глупость.

Надо Марсюше вкусного дать. Он герой. Спас меня. Хотя он у нас не альпийский спасатель-сенбернар, а метис боксера с ризеншнауцером. Метисы самые умные и верные!

Может, меня не просто так чуть не убило?

Чтобы я все переоценила и стала жить иначе?

* * *

Я все время думаю о смерти. Какая-то я ненормальная.

«100 дней счастья»: Я жива.

Я хотела рассказать Лильке про дерево. Но не смогла. Не успела. Она меня первой начала грузить про своего отца, как обычно. Л всегда говорит: «Я с тобой, я рядом, я тебя поддержу», а потом, когда мне на самом деле надо выговориться, она начинает опять по сто раз гнать про своего папашу. Как будто нарочно. У меня нет отца, и я не знаю, каким бы он был. Такого, как у Л, я точно не хочу. Но как будто от того, что у меня нет отца, я какая-то особенно счастливая. Л так считает.

В общем, я сидела на кухне, точила все подряд, думала про дерево и про свою последнюю запись. А Л в домофон позвонила. Я не помню, мы договаривались, что она ко мне придет, или она сама захотела и пришла. У меня из-за дерева провал в памяти. Как будто меня им немного стукнули. Но мне у Л неудобно было спрашивать, договаривались мы или нет.

У Лильки нос был розовый — значит, плакала.

Я живу на семнадцатом этаже. Пока лифт приедет и вверх поднимет, можно заплакать и успокоиться. Или чуть не лопнуть, если надо в туалет. Или покраситься серьезно, не только помадой, но и подводкой. Или сделать запись в блог. Л плакала. Опять из-за отца.

Я его уже сама ненавижу за нее. Потому что Лилька после того, что у нее дома происходит, уже не Лилька.

Мы пили чай, и Л рассказывала про то, как он на нее орет и доскребаётся, а потом через пять минут к ней в комнату приходит с наивными глазами: «А как у тебя дела, доча?», как будто не он только что орал Л, что она тупая и ее правильно не возьмут в десятый.

Я пишу про Л, и мне кажется, что я сама как Л. Что я — это она. Она мне так про свою боль рассказывала, что как будто ей делилась. Если бы можно было сделать переливание радости, как крови, я бы отдала свою Лильке. Мне не жалко.

И зря она думает, что, если у меня нет отца, мне никто не жрет мозги столовой ложкой. Мама после родительского собрания точно так же мне жужжала про ГИА, англ и десятый класс. Как будто, если я пойду после девятого в другую школу, это будет самая страшная вещь на свете. Я не знаю. Я, после того как выжила, к этому по-другому отношусь. К этому — в смысле, к смыслу жизни.

Но я не успела рассказать Л про дерево. Я начала про то, что завалить ГИА — это не самое страшное, но дальше уже сама Лилька говорила. Про то, как это подло и мерзко, как она ненавидит отца, потому что она беспомощная и ей деться некуда, он это знает и все равно так

поступает, и про то, как я ее поддерживаю. И мы обе плакали.

Мы пили чай с эклерами и со слезами. Я Лильке об этом сказала, и она начала ржать. У нас с ней теперь новый мем такой.

Мне кажется, это столько раз было уже, когда Лилька ко мне приходит, и мы пьем чай, и треплемся обо всем, про одноклассников, про то, как мы выглядим, или Лилька начинает про сестер рассказывать, что Динарка отмочила в детсаду и что Алсушка написала в сочинении. Там невозможные косяки, то, как третьеклашки пишут эти сочинения. Вроде не смешно, а когда рассказываешь, то смешно. И про папашу Лилькиного можно придумать, как его тупизмы оборжать.

«Как в школе дела, доча?»

«Я взорвала школу, папочка».

«Ну молодец, доча».

Такие плоские шуточки, на уровне младшей группы детсада, но они очень помогают. Когда ты уже хохочешь, как-то глупо плакать.

Мы с Лилькой решили, что в любой ситуации можно или плакать, или ржать. Мы будем ржать. Как та девочка из анекдота, которая до сих пор бежит в каске и смеется.

Потом Л сказала, что пора забирать Динарку из сада и Алсушку с продленки. И шнуровала ботинки и одновременно жевала эклер. Он у нее торчал изо рта, и Марсик чуть с ума не сошел. А у него с печенью плохо. Ему совсем нельзя сладкое. Но он же Марсик и герой (хотя Л так и не узнала, почему герой).

В общем, была картина Репина «Кормление моей собаки эклером через рот». Я сфоткала, запостили у Л быстренько. И она побежала за Динаркой в сад. В тот самый, куда ходили я, Л, КД, Пашка и Катька Муравьева, с которой мы с Л дружили одновременно по разные стороны.

Странно вспоминать.

Я дружила с Катькой, и Лилька дружила с Катькой, но между собой мы не дружили. А в пятом классе Муравьева переехала на улицу Пестеля, ушла в другую школу, и мы с Лилькой начали друг другу рассказывать, как мы без нее скучаем. И тогда подружились. А как сейчас Муравьева живет, я не знаю.

Наверное, если бы она была здесь, Лилька бы к ней ходила, а не ко мне. Потому что они в одном доме раньше жили. В общем, как-то грустно про это думать. А так Муравьевой нет, и мы подруги.

Потом Марсика затошнило эклером. Я за ним убирала и думала, что я сегодняшний вечер запомню навсегда. Не только из-за того, что меня чуть не убило деревом. А из-за разговора с Лилькой.

Мне кажется, что мы у меня на кухне говорим без перерыва. Что это не много разных разговоров, а один долгий бесконечный разговор. Разговор-сериал, бесконечный, как лента в фейсбуке. Вроде смешно, а иногда — о смысле жизни. Я не знаю, как будет, когда мы с Лилькой вырастем. Как было с Катькой Муравьевой, когда я думала, что лучше нее у меня подруги нет.

Хочу в будущее. Не вырасти, а посмотреть, как там будет со мной, с Л. Вообще со всеми нами. С человечеством. И сдам ли я эти чертовы ГИА нормально.

* * *

Дождина такая. Марсик дошел до своих кустов, а потом сам повернул обратно. Порядочная собака, понимает, что мне холодно и чаю хочется. В осени самое паршивое, что она наступает, обязательно. Это как с возрастом.

Жалко, что нельзя прожить по кругу: семь лет, десять, тринадцать, пятнадцать и опять семь... Молодеть вместе с весной. Завидую Марсюше адски: мне по этой дождине в школу и обратно, а он будет спать на моей кровати. Как будто он — вершина человеческой эволюции. Будто это собаки заводят людей.

* * *

Отец Лильки подарил ей айфон. Просто так. Она принесла в школу. А потом опять придет ко мне и будет рыдать о том, какая она несчастная обиженка и как ей папочка жить не дает. А я опять буду жалеть. Овца.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Левел 2. Упр 13, упр 15–16, упр 17 (устно). Англ. Что же еще-то?

* * *

Мам сейчас пришла и говорит: «Будешь со мной кино смотреть?» Значит, у нее фигня на работе. Когда я была мелкой, мам приходила ко мне вечером смотреть мульты. А сейчас она качает с торрентов больше, чем я. Я с ходу спрашиваю: «Что у тебя случилось?» А мам не понимает.

Оказывается, она сама не обращала внимания, что, когда ей плохо, она смотрит кино. И ест мандарины. Реально может стрескать два кило за вечер, если ей плохо. Но сейчас все ок. Просто в мире кризис, в стране тоже. Но на работе у мам все ок пока что. Держимся. И мандарины лежат нетронутые.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Нет.

* * *

Я не понимаю, почему мам так любит смотреть про любовь. Она же сама все знает, как это бывает в жизни. А ей все равно интересно. А мне нет.

Когда я смотрю фильмы (одна, с Лилькой и Сончитой или с мамой), то у меня потом иногда бывает ощущение, что финал хороший, но все равно нечестный. Если это драма про мужчину — главного героя, то для хеппи-энда он обретает свободу или самого себя. А если главный герой — взрослая женщина, то она в конце фильма выходит замуж или у нее рождается ребенок. Как будто у мужчин и женщин разные смыслы жизни. Разная цель. И на вопрос «как найти себя?» есть два варианта ответа — для мальчиков и для девочек. Голубой и розовый.

А если я замуж не выйду и у меня детей не будет, но я при этом стану знаменитой не знаю кем или просто успешной в работе, я себя найду или нет?

Моя мама не замужем. Я не знаю, как это — быть замужем. Лильке и Сончите легче, они это дома видели. А я — только в кино. Про такое странно говорить вслух, мне кажется. Как будто все умеют что-то делать, а я не умею. Как во втором классе: пока я болела, они по английскому вон сколько прошли. И кажется, что я их никогда не догоню. Ни по английскому, ни по жизни.

Даже когда я думаю про семью и про любовь, все равно вылезает этот чертов английский. Застрелиться и не жить!

* * *

Я в четыре часа проснулась и поняла: если с мам что-то случится, мне придется жить с моим биологическим отцом. Я не знаю, почему я никогда раньше об этом не думала. Это все из-за кино. Теперь я паранойю. Мне мам его просто так предложила вместе посмотреть, или у нее, как у этой главной героини, нашли какую-нибудь гадость, и это она меня так «мягко подготавливает»?

* * *

Разбудила мам. Разумеется, я дура и у мам все ок. Спать теперь не хочется абсолютно. Дождь шуршит, шуршит. У нас последний этаж. Мне кажется, мы к дождю ближе всех. Самые близкие дождю люди.

Сию в пледе, ем печенье, смотрю дорамку про вампиров. Марсик в ногах валяется, будто сейчас каникулы. Или выходной. А мне на самом деле в школу вставать через два часа.

Спать не хочется. Надо сделать что-нибудь полезное. Но тихое, а то мам спит. Поэтому я не буду убирать босоножки на антресоли. Это громко и очень грустно. Примерно как елку разбирать. Мы с мам не любим разбирать елку. Однажды она у нас целый год простояла неразобранная.

Шарлотка! Тихо и полезно. Горячий завтрак!

* * *

Мам, блин, в состоянии испортить что угодно. Пришла орать, почему я гремлю миксером. Он не гремит, а жужжит. Вообще-то! У меня, по-моему, все тесто упало от такого ора. По-моему, надо радоваться тому, что тебе ребенок готовит завтрак, а не орать, что радовать маму

завтраком — это занятие для первоклашек и лучше бы я готовилась к ГИА.

Дорогое мироздание! Ну почему мне даже сейчас выносят мозг английским!!! Шесть утра. Шарлотка. За окном дождина. Такое ощущение, что в моей маме вдруг поселился вирус. Компьютерный или инфекционный, как в «Хаусе». И мам теперь на все реагирует одинаково. Что бы со мной ни случилось, она опять долбит про ГИА.

Если бы мы с мам плыли на «Титанике», то все бы спаслись, а я утонула бы, потому что сидела бы в каюте и готовилась к англ!

Жалко, что я не умею рисовать. Представила себе эту картинку. Смешно.

«В любой ситуации можно смеяться, а можно плакать». Наше с Лилькой правило. Смеяться.

* * *

Мам пришла мириться. Шарлотка вкусная. Достижение разблокировано: я умею печь шарлотку с мандаринами. А куда их еще девать? Мам их запасла, как снарядов к обороне. Как будто у мам впереди Великая депрессия. Не помню, что это значит. Не психологическое, а почему-то экономическое. Надо в Вики глянуть. Сончита

вчера запостила статью про то, как прокачать себе интеллект, там было про Википедию, что надо обязательно все незнакомые слова уточнять по словарям. И читать. И никому ничего не желать дурного. Хотя как это связано с интеллектом?

* * *

Завтра тест по англ. По-моему, такую вещь, как *Future Perfect Continuous in the Past* надо законодательно запретить судом. Я не представляю, как это можно вслух произнести. И употребляют ли это вообще в разговорной речи, или только в особо извращенных упражнениях: «I counted that by two o'clock Jack would have been driving for more than twelve hours». Застрелиться легче.

* * *

Вместо кнопки «Выйти из дискуссии» все время упорно читаю «Выйти из депрессии». Хорошая кнопка. Мне нра.

Великая депрессия — это экономический кризис в Америке в тридцатые годы прошлого века. Прочитала в Вики. Оказывается, мы про эту Депрессию читали текст по англ, а я его не поняла и накосячила с переводом. И ВМ, как всегда: «Цена твоему ответу — три копейки в базарный день». Ну как обычно! Англ! Укуси меня енот!

* * *

Тест по англ. Итоги: 27 баллов из 100.

Хочется стать маленькой, спрятаться в собственном брелочке-ботинке и затарить мам мандаринами. Тонной. А самой исчезнуть.

Я самая слабая в группе, ВМ меня сегодня буквально по плитусу размазала. А круче всех Фаддеичев. В смысле, Паша-и-девочки. 72 из 100. Две цифры местами поменялись. А какая разница.

Я мам пишу смс: «Ты только не рутайся». А она звонит. Я не хочу брать трубку. Я вообще не хочу.

* * *

Лучше бы мам меня просто убила или не рожала бы вообще. Ненавижу англ. Ненавижу ВМ. Ненавижу эту идотскую жизнь, в которой из-за какой-то оценки к тебе относятся как к рулону туалетной бумаги, на котором написано: «Просто смой меня в унитаз». Я сказала мам, что лучше бы меня убило тем деревом. А она: «ТЫ ОПЯТЬ ВРЕШЬ!» Я не вру. Лучше бы правда убило.

Это ведь даже не ГИА, а просто тренировочный тест. Потренируйся, привыкни к тому, что с тобой сделают, если

ты не сдашь. Пробный ГИА. Пробная попытка суицида. Я не знаю, что я сейчас пишу. Я не хочу ничего. Как будто я не человек. Как будто, если бы я написала на 100 из 100, в мире прекратились бы все войны, все кризисы и весь бардак. Как будто это конец света! Ненавижу!

Октябрь. Рыба Вера

Наша ВМ — самая тупая мерзкая...

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Марсик опять заболел. На улице опять мерзопакость. Мам все время ест мандарины. Я не могу. Они пахнут хуже, чем лекарства. Тревогой. А в ветеринарке пахнет лекарствами и мокрой собачьей шерстью. Грустный запах.

Мы сидели с Марсиком в очереди. А по второму коридору, на выход, шли женщина и мужчина. Женщина говорила: «Но она же живая была! Она еще утром играла, утром мяукала». Мужчина говорил неразборчиво. Мне их не было видно, только голоса слышны. Я подумала про женщину и мальчика Кирилла, которых я встретила здесь в августе. Но я не помню, как та женщина выглядела. Вот если бы у этой в руке был брелок «Людмила», я бы ее узнала, как в детективе. А так можно только надеяться, что это не она и что мальчик не расстроится. Их кошку звали Бублик. Зовут!

Завтра опять идти в ветеринарку, опять Марсику капельницу будут ставить. А я себя только-только уговорила, что сегодня в ветеринарку стаскаюсь и всё, больше не буду. Фигли. Мам без меня во вторник носила Марсика к врачу, и тогда прописали капельницы. Хотя бы сказала сразу, что его теперь колоть и капать надо так часто. Наверное, думала, что я скандалить буду. А я не буду.

Мне Марсика жалко. Но больше обидно, что надо все время в клинику ходить. Как на работу! Но Марсик лежит почти спокойно, так что чисто теоретически можно взять с собой учебник или просто по литературе читать то, что задали, с телефона. Олеся задала стихи Пушкина наизусть. Можно было бы выучить в очереди. Или по дороге.

Мне стихи легче всего запоминать, когда я иду куда-то. Ритм стиха и ритм шагов совпадают. Но это надо без Марсика, потому что он или быстро тянет поводок, или приседает надолго, а я стою. С ним на ходу можно только англ глаголы или правила по образованию времен повторять. Англ!!!

Это какой-то мазохизм про английский все время думать. Но самое странное, что про сам язык мне интересно. Если бы не ВМ. Может, если мам меня переведет в группу к Алине, все будет хорошо?

* * *

Лилька опять осалила флешмобом. Какой-то дурацкий. Про 10 фактов, 3 из которых правда, а 7 ложь. Но, когда я вру, я верю в то, что так и было!

Сказала маме, что хочу в другую группу по англ. Мама против!

Дождь. Сейчас опять в ветеринарку, на капельницу. Закачала две серии того сериала, что смотрит Лилька. Может, запишу прямо в клинике флешмоб про правду и ложь. Все очень надоело.

* * *

В ветеринарке работает доктор Евгения Константиновна, у нее на верхней губе шрам. И рот кривой немного. Я с ней говорила про Марсика и не замечала шрам. Слушала, что мне ответят. А вообще заметно, когда она улыбается. Мама сказала, что у Евгении Константиновны была, наверное, волчья губа. Или заячья? Врожденный дефект. А потом операцию сделали. Наверное. Я не знаю. Когда доктор в маске, вообще не видно, что у нее губы раньше были дефектные. Но она говорит очень странно. Как будто с акцентом.

Мне кажется, что Евгения Константиновна как будто сперва выучила звериный язык, а уже потом человеческий. Ей звери родные, а люди — нет. У меня в детстве была книжка про девочку, которая работала учительницей русского в школе для разных зверей.

Погуглила яндексом: Эдуард Успенский, «Меховой интернат».

* * *

Так интересно читать заново детское. Как будто мне опять семь. А мне, на минуточку, будет скоро пятнадцать. А пока я читаю, мне опять семь. Наверное, я тоже в детстве хотела быть учительницей в зверином интернате. Не помню. Но если спросят, кем я хотела стать, то скажу это. И не надо врать.

Вот ветеринар шепелявит — это одно. А ВМ — это как ногтями по стеклу. Бр-р-р!

Я никак не могу понять, почему я так сильно ненавижу ВМ, а она меня. Мне кажется, что в первом классе все было как-то по-другому, и с английским все было ок. Я не помню, когда это началось, что случилось и почему я ВМ так ненавижу. Раньше я об этом не задумывалась. Ненавижу, и всё. А из-за чего?

Как будто я в фильме или манге и у меня амнезия, из-за которой я не могу вспомнить какое-то важное событие, от которого зависит моя судьба или даже жизнь на нашей планете. Я не знаю, почему так произошло. И страшно спрашивать у Л, не помнит ли она, почему я ВМ ненавижу. Хотя Л вообще не в нашей группе. А Сончита пришла к нам в седьмом, я ВМ к тому моменту уже терпеть не могла. Сончита тоже не знает. А кто?

* * *

Мам купила себе синие контактные линзы. Сказала, что ее теперь можно звать Синеглазка. Как в книжке про Незнайку. Моей маме тридцать пять лет!!!! Это много. Кажется.

Еще факт обо мне: я никогда не читала «Незнайку». Только мульты про него смотрела в детстве. Рисованные и кукольные. Кукольные странные были. Как взрослое кино.

У мам на работе какой-то крошечный ад без перерывов. Иначе бы она на меня из-за того теста так не сорвалась бы. Я буду в это верить. А то смысла нет в том, что она у меня сегодня попросила прощения. Однажды мы мирились в пиццерии. Мам потом сказала, что ей ее собственные слова слишком дорого обходятся. Это когда нам счет принесли. А сейчас мы просто на кухне

поговорили, и всё. Потому что «ад крошечный» и курс доллара скачет.

* * *

ВМ заболела! Не вру! Она в выходные сломала руку. Придет завтра в гипсе. Мне про это Сончита сказала, а Лилька от Паши узнала, вчера, одновременно. И мы с Л друг другу пишем одинаково: «ВМ сломала руку! Жалко, что не ногу!» Мне Л потом прислала картинку, как ВМ лежит в гробу и из него ведет урок. Гроб в классе у доски. Сперва смешно. И страшно. И потом неловко. Рисовал Паша.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Кажется, мы не поедem на зимние никуда. Из-за кризиса! Мам хотела опять в Прагу на НГ. Я не хотела особенно, но теперь, когда мы туда точно не поедem, ужасно хочу. Да, я веду себя как маленькая, знаю. Но все равно хочу!

Пошла посмотреть наши фотки Праги с прошлого Нового года и расстроилась. Как будто меня подразнили конфетой и ее не дали.

Если сейчас выяснится, что Лилька или Сончита едут в Прагу на НГ, я буду думать, что это они мою поездку украли. Я знаю, что так нельзя думать. Но я не знаю, как перестать. Мне самой от себя гадко и от того, что мы никуда не едем, еще гаже.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Одному парню из восьмого класса родители запретили играть в «Доту». Он был геймером. Родители у него отобрали ноут и дали кнопочную мобилу вместо смартфона. Он вчера вышел в окно. У них последний этаж. Школа в шоке. А ВМ не плакала. Если бы я вышла в окно из-за нее, она бы тоже не плакала. Но я не буду. Даже и не собиралась.

Это невозможно.

Его звали АД. Как будто инициалы стали будущим.

Под окнами дома, где разбился АД, теперь цветы, цветы, икона и цветы. И свечи горели. А возле дома напротив — плюшевые игрушки на деревьях, их с начала лета кто-то привязывает. Вроде как украшение для клумбы, хотя там никаких цветов не было, даже летом. Мне это никогда не нравилось: они, когда мокрые и опухшие,

такие страшные. Мертвые игрушки. Будто их умирать бросили. А теперь я вообще не могу на них смотреть. Как будто дом напротив дома АД — это тоже кладбище. Цветы живые, а АД мертвый. А пламя свечи тоже живое. У Сончиты была зажигалка, мы тоже свечку зажгли.

У мамы новый загон: боится, что у меня интернет-зависимость, как у того парня. Спрашивает теперь, сколько я сижу в сети. Меньше, чем она. Она еще у себя в офисе в сети тупит. В Лайнс 98!!! Ископаемое!

Есть три страницы памяти АД. И его аккаунт. Но там одни ссылки на ту игрушку и музыка из нее. Я боюсь слушать. Будто это заразно.

* * *

«Дорогие девочки и Паша» и остальные девочки сегодня забили на английский. Никто не приготовил ДЗ!

ВМ такая своим гипсом пожимает и потом нам говорит: «Это флешмоб?» Как будто от того, что она знает это слово, она станет лучше. Наоборот. Теперь слово «флешмоб» хочется вымыть в теплой воде, погладить и просушить. Мне кажется, что слова — как вещи. Бывают красивые. А бывают мятые, рваные и грязные.

Не ругательства, а просто потрепанные слова. Как старые бумажные деньги. Я сейчас все время думаю о деньгах. Мам объяснила, что с нами будет из-за экономики. Со страной и с нашей семьей.

Стало страшно, что мы с мам есть друг у друга и всё. Больше нечего ждать. И не от кого. И мне Лилька может сколько угодно рассказывать про то, какой у нее отец. Но у нее есть отец. И деньги в доме. Мне кажется, если бы не кризис, у меня бы таких мыслей в голове бы не было бы. Не знаю.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Мама увидела у меня на «стене» в Вконтакте картинку с ВМ в гробу. Ы! Понеслась телега лесом! Самое обидное, что мама на меня кричит так, будто это я рисовала. А на Пашу-и-девочек никто не кричит. И я еще понимаю, если бы на меня кричала ВМ. Но мама!

Оказывается, перед первым сентября моя мама ходила в школу и просила, чтобы ВМ обязательно взяла меня к себе в группу. Мама! Сама!

* * *

Этот дневник больше не ведется. Ни почему.

* * *

«100 дней счастья»: Я люблю Юлю. Это моя новая репетиторша по английшу.

На самом деле я не люблю Юлю. Она мне вообще никак. Главное, что не шепелявит и не морщится, когда я пробую составить фразу.

Юля — мамина старая подруга. В смысле давняя, она сама вроде не старая. Мне по сараю, если честно. Главное, чтобы мама больше не пыталась сама со мной заниматься английским. Она «ни разу не педагог». Антипедагог. Мне кажется, что, если бы у меня в жизни не было ВМ в школе и мамы-непедагога дома, я английский бы не ненавидела бы до такой тошноты. Только до тошноты поменьше.

В общем, в Юле самое главное, что она не орет. И что живет на другом конце Москвы.

Я люблю в метро ездить. Но мне почти некуда и не к кому. А теперь я вся такая деловая и в гмайле у меня свое

расписание. И можно здесь тоже напоминалки ставить, в принципе. Но я и сама помню.

В общем, мой английский — это мое дело. Всё. Больше мама не скрипит и не лезет в мою учебу! Сама мне доверяет! Мы так решили.

А если написать сто записей с тегом «100 дней счастья», но в разные дни, это будет считаться флешмобом? Я жалею, что его бросила. Хочу, чтобы считалось.

* * *

«100 дней счастья»: Я ехала к Юле первый раз на занятия в легком метро. От нас до этого метро ехать час десять и по нему потом еще. Кажется, что вообще другой город, не Москва.

В вагон зашел клоун. То есть просто человек. С вешалкой. Я думала, что он будет продавать вешалки или пиджак на нее повесит. А он жонглировал. И гремел чем-то. Все на лязг оборачивались и потом на него смотрели. Там еще были шарики. Он их вынимал у пассажиров из-за уха.

А я стояла у дверей, потому что оттуда видно чужой район с высоты. Это легкое метро. Оно не под землей, а над. Рельсы на мосту все время. Мы летели.

Клоун подошел к моей двери и спрашивает: «Вам понравилось?»

Я говорю: «Да, но у меня денег нет».

А он говорит: «Не важно, главное, что вам понравилось».

И вынул у меня из-за уха шарик.

Я думала, он мне его подарит. Не подарил. У него лицо было мокрое от пота. И со шрамом. А он улыбался. Я не помню сейчас, кажется, шрам был на щеке. Клоунского грима не было. Но мне кажется, он был клоун, а не жонглер.

По английшу (Юлиному!) надо составлять фразы со словарными выражениями. Пишу все фразы про клоуна. Как будто подписи к комиксу.

* * *

Мам опять орет. Из-за того, что опять я посеяла мобилу. (Мне кажется, у меня ее в метро увели.) А у нас все еще плохо с деньгами. Но наше «плохо с деньгами» — оно какое-то несерьезное. Мы же не голодаем. Мы просто не ходим в кафе и покупаем Марсюше другой корм, подешевле, через инет-магазин с оптового склада. И мам купила кучу консервов. И гречки. Колготок и всякого

шампуня с прокладками. Запихнула это все в шкафы, а потом говорит: «Лохушка! Запомни! Что бы у нас в доме ни случилось, я никогда в жизни не буду больше штопать колготки!»

Я не поняла, в чем суть этого пассажа. Кажется, во времена маминой молодости колготки были дефицитом. Или дорого стоили. В общем, штопаные колготки — это для мамы такой символ нищеты, я вычислила.

Да, в кондитерскую в «Вавилоне» мы тоже теперь не ходим. Не будем ходить. Мам говорит, что в кризис выгодно сидеть на диете. А сама купила двадцать плиток шоколада. Молочного с карамелью. Моего любимого. Восемнадцать плиток мы реально заныкали, а остальные две поделили пополам. Мам смеялась и изображала советскую продавщицу: «По одной плитке в руки. Больше не выдавать!» Такие вот вкусные кризисные ништяки. Если что, я умею печь шарлотку, с мандаринами и без. Мы продержимся.

* * *

Новая мобила. На фоне айфона — фигня феерическая. Кризис, кризис. У Лильки кризис отношений с отцом. И по итогам у нее — айфон, а у меня — эта фигня в розовом корпусе. Алсушка, сестрица Лильки, ходит с точно такой же! У меня телефон как у третьеклассницы!

* * *

Мы с мам сегодня сделали генеральную уборку. То есть мы сперва ругались, а потом уборка.

Потому что у нас с мам одинаковая привычка швыряться вещами. Вдребезги и на осколки. В общем, я разобрала стеллаж. Получился большой голубой пакет для мусора размером с труп. Туда засунулось все то, что мне теперь не нужно. С первого класса по девятый. То есть мы с мам вынесли на помойку восемь лет моей жизни. Почему-то теперь плачу, когда смотрю на полупустые полки. Как будто мы мое детство на помойку выкинули, оно там, бедное, мокнет под дождем, а потом замерзнет и помрет.

Мам говорит, что я так же сильно плакала, когда мы в маршрутке потеряли моего жирафа. Я не помнила никакого жирафа. А теперь мам мне про него рассказала, и я снова помню. Я не понимаю, что со мной. У меня все хорошо, а мне так хочется плакать и всех убить. А потом обниматься.

* * *

Я не знаю, как написать про это. Мне так стыдно, как будто я сама эту гадость сделала! Короче, сегодня Лилька

на последней перемене не нашла свой айфон у себя в сумке. И начала обыскивать всех, кто был в кабинете.

Я не знаю, что сказать. Не знаю. Она такая решительная была, когда искала айфон. Причем она его искать начала у всех подряд. Сперва подошла к Сончите. И сказала, что если айфон не найдется, то ее дома убьют. И Сончита сама ей свою сумку открыла — как охраннику на входе в музей.

Мне кажется, если бы Сончита Лильку послала, то остальные бы тоже обыскивать не дали. А тут никто не сопротивлялся. И я тоже. Мне даже в голову не пришло, что можно не дать свою сумку. Вот сейчас пришло, я про это думаю и мне противно. А там я просто, как овца, сама же сумку раскрыла побыстрее, чтобы все видели, что я ничего не скрываю и не боюсь. Глупость и гадость.

Когда айфон нашелся, Лилька копалась у Машки Майоровой. Вообще, всем интересно было, что у кого в сумке. Но Л ничего не вытряхивала, просто перебирала внутри...

И тут айфон нашелся, он под партой лежал, у стены под рюкзаком у Руднева. Не в смысле, что Руднев его там прикопал, а именно вот айфон сам упал и скользнул. И тогда Л его сцапала и потом сразу у нас попросила прощения. Сончита сказала чего-то смешное. Все грох-

нули, и вроде как никто не возмущался больше. Я не помню, что она сказала, мне слишком обидно было.

Я из школы первая ушла, сменку не переобувала — не хотела, чтобы Л меня в раздевалке подхватила. А она за мной бежала. Цапнула на углу того дома, где живут Паша Фаддеичев и Надька. Мы встали как раз у Надькиного подъезда. И Л меня за руку держит, железно. Спрашивает, обиделась я на нее или нет. Такая простая прям. А рука крепкая. Мне вдруг показалось, что, если я скажу, что я на нее обиделась, она меня ударит.

Но она сама вдруг заговорила.

Сказала, что айфон ей так дорог, потому что на самом деле ей его не отец подарил, а МЧ. Не думаю. По-моему, она это просто на ходу придумала, чтобы оправдаться.

Я говорю: «Лиля, а почему ты решила, что я могу его украсть?»

Мне это правда было важно. Потому что Л — моя подруга, а она про меня такие вещи может думать.

Она говорит: «А если бы он не нашелся, а я бы тебя не обыскала, все бы думали, что это ты его сперла».

Неужели она реально думает, что я могу скрыситься у своих?

Л говорит: «Ну у вас же с деньгами сейчас плохо. Если бы у нас было плохо, я бы украла».

Я не знаю, что думать. Про себя, про Лильку. Я ведь тоже думаю иногда, что, если бы Л была бы мной, она бы вот так поступила, а вот так не поступила бы. Но я не знаю. Я про себя не думаю, что способна украсть чужую вещь. Хотя я не знаю.

Если бы я реально голодала, смогла бы или нет? По-моему, мне лучше этого не знать. На практике.

И я бы не хотела знать про Л. Про то, почему она про меня и про себя так думает. И откуда у нее на самом деле этот айфон. Если ей правда его подарил не отец, то кто?

И как теперь дальше общаться? Даже если выбирать варианты «смеяться или плакать», непонятно, какой из них сейчас поможет.

Я не знаю, почему я именно сейчас вспомнила, из-за чего я так не люблю ВМ. Это, наверное, потрясение из-за истории с Лилькиным айфоном. Как в кино. Шок, и из-за него потом вся амнезия проходит.

Напишу про ВМ вечером, когда с английского приеду!

Я не хочу помнить, что я Лильке ответила. Мы вроде бы помирились. Но мне кажется, что мы теперь не подружки, а как-будто-подруги. И как будто я в этом виновата, а не она!

* * *

«100 дней счастья»: Метро.

Я очень люблю метро. Мы живем на конечной станции, и можно всегда сесть в вагон, даже утром. А к Юле я езжу днем. И от нее тоже еду не в час пик.

Я летом каталась в метро просто так. Проехала всю нашу серую ветку, от А до Б. От нашего «Алтуфьево» до «Бульвара Дмитрия Донского». Выходила на всех станциях. Делала фотку и уезжала на следующем поезде. Как будто туристка. Это в июле было, когда Лилька умотала на Крит.

Она оттуда постила фотки с пляжа, фотки моря, фотки того, как они в горах на машине едут на розовые пески, и себя на розовых песках на раскладушке. Там был лежак на этом розовом пляже, который выглядел как обычная раскладушка. Меня именно это почему-то выбесило сильнее всего. Не то, что Лилька на море, а я нет, а что вокруг нее столько всего, что можно фоткать и по-

стить. Реально интересное. Я написала Л жуткий коммент, потом стерла. Успела не отправить (Я молодец!). Потому что мерзко было писать про то, как я ей завидую. Я смотрела фотки Л с Крита и почти ревела от того, что зависть к Л делает меня не собой. Я такая злая была.

Хотела с Марсиком пройтись. Он обрадовался и стал скакать по прихожей. Марсик лапами двинул меня по ноге, у него когти крупные и кривые, а ноги у меня были голые, потому что лето. Получилась глубокая царапина с кровякой. Марсик завыл. Я тоже. Стукнула его и выскочила из квартиры.

Просто шла непонятно куда. Оказалось, что к метро. Хорошо, что у меня проездной с собой всегда, в чехле мобилы. Я до «Тимирязевской» доехала и поняла, что больше не злюсь. Вышла на ней, решила, что поеду домой. А в обратный поезд не было посадки. Я шла по платформе и думала, что на этой станции никогда раньше не выходила, не было повода. Стала все разглядывать и фоткать, раз уж я тут. И когда поезд в сторону дома подошел, я в него не села. Поехала дальше, через центр на другой конец города.

Я много снимала. Надписи. Орнаменты. Люстры. Скамейки. Людей.

Я потом так и не выложила эти фотки. Их получилось слишком много, 200 или 300. Леня разбирать. И во-вторых, на фоне Крита это все равно не так. Ну, и в-третьих, я потом в одном блоге прочла статью, что есть флешмоб, когда по родному городу гуляешь «как будто приезжий» и на все смотришь «как будто чужими глазами». И замечаешь то, чего раньше не было. Я думала, я сама это первая придумала. Сразу стало неинтересно.

А сейчас смотрю снимки и думаю: это я зря не выложила. Все равно интересное. Не как Крит, а по-другому.

А еще на фотках лето. Московское, жаркое. Потное. Но все веселые. Летние. Не мерзнут, как сейчас. Сейчас если шесть человек сидят в вагоне на одном диване — они все могут быть в черных куртках, черных ботинках и синих джинсах. Ботинки иногда бывают желтые. А куртки — красные. Но редко. И по ногам дует на некоторых станциях очень сильно. Летом это приятно и прохладно, а сейчас — дубак. Но я все равно люблю метро.

Мы там как рыбы в аквариуме. Каждый сам по себе плавает. И можно рассматривать других. Я рыба и наблюдаю за другими рыбами.

Рыба Вера.

Ноябрь. Все мы — персонажи

Я думаю, я не доживу до каникул! А Лилька думает, что не доживет до показа следующей серии своего сериала. Даже СВОЕГО СЕРИАЛА! Она подсела на сериал про нечисть! За неделю посмотрела все сезоны, которые уже были, и теперь ждет новую серию как ненормальная. Ее теперь прет от двух главных актеров. Говорит, что они няшки. Ненавижу это слово. Но Лильке без разницы, она забывает, что именно я ненавижу. Меня этот факт бесит сильнее, чем сами ее косяки. Это как одной фразой сказать: «Верунчик — няшка». Убить готова!

«100 дней счастья»: До начала каникул осталось 37 часов и 17 минут. Или меньше, если Олеся отпустит с последнего урока. И мам смирилась, что по английскому будет трояк.

* * *

Я отомщена. У ВМ сегодня был юбилей! 55 лет. Она почти всю свою жизнь прожила в нашей школе. Бр-р-р! Мы с Лилькой дежурили по раздевалке и слышали, как к ВМ учителя

подходили поздравлять и говорили: «Держитесь, Вера Мироновна!», «Бодритесь, Вера Мироновна!». И все такое.

Если бы мне в день рождения желали не любви, счастья, успехов и быть фиалкой, а только держаться, как будто у меня жизнь словно отвесная скала, я бы пошла и сразу бы повесилась, чтобы не мучиться.

Не понимаю! Это ж насколько надо тухлую жизнь прожить, чтобы в 55 тебе говорили: «Бодритесь»?! И ни семьи, ни мужа. И такие кривые волосатые ноги. И шепелявость. ВМ монстр. Но мне не жалко. Я знаю, что я думаю как сволочь. Но это же ВМ! Так ей и надо.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

«100 дней счастья»: До начала каникул осталось 00 часов и 00 минут.

Я не знаю, как сколупнуть этот счетчик. Пусть висит.

* * *

Мой добрый мам сказал, что Лилька может у меня переночевать. Каникулы же! Мы валялись до ПОЛОВИНЫ

ЧЕТВЕРТОГО утра. Ночной образ жизни. Нехорошие девочки. Торт ночью ели!

Л на своей диете сбросила четыре кило. И теперь ей можно торт. А я не сбросила. Но я и не сидела, если честно. Я соврала Лильке, сказала, что я тоже на диете, а сама сразу же забила на это дело. Глупо как-то. Не знаю.

Лилька говорит, что, когда я влюблюсь в парня, а он в меня нет, я обязательно начну менять свои недостатки. Но у меня нет недостатков. Я про это никому не говорю. Могу вслух сказать, что, вот, я толстая или что у меня нижние зубы один на другой налезают. Но мне без разницы. Совсем. А волосы можно перекрасить, раз они удобного никакого оттенка.

Если бы можно было серьезно все менять, я бы меняла себе биографию, а не внешность. Но я не знаю, как это объяснить. Поэтому пусть думают, что я переживаю, что я толстая. А я не переживаю. Честно.

В общем, мы с Лилькой обожрались тортиком. Под ЕЕ ЛЮБИМЫЙ СЕРИАЛ. Она закачала мне первые три сезона. То, что мне совсем не зашло в ветклинике. Теперь зашло. Мы весь первый сезон сегодня посмотрели.

Лилька мотала очередной темари. Мне было интересно смотреть, как она мотает. А сама бы я не стала бы,

наверное. Мне вообще никакое рукоделие не нравится, ни японское, ни русское. Я какая-то недевочковая девочка.

Все девчонки думают, что они необыкновенные и не похожи на других. Это банально! Но я тоже не как они все. Девочка — не девочка! А Лилька раньше любила думать, что она мальчик. Как герой аниме. Хорошо, что она теперь по сериалу прется. Аниме я тоже не люблю. Раньше любила. А сейчас нет. И даже не бесит, что мама аниме называла всегда «японские мультяшки». Бр-р-р-р! Мерзкое слово — «мультяшка».

Мне не очень нравится сериал, который смотрит Лилька. Но дело в том, что актер, играющий второго главного героя, очень красивый. И Л читает фанфики по сериалу. Фанфики интереснее.

Л мне кинула ссылку на самый большой архив.

«100 дней счастья»: Фанфики!

* * *

«100 дней счастья»: Диван. Каникулы. Фанфики!

* * *

Я вперемешку пересматриваю сериал и перечитываю фанфы, которые мне особенно запали. И немного разговариваю с персонажами. Они не знают, как я к ним отношусь. Обидно. В смысле, мне обидно. Они сами даже не знают, что они на самом деле выдуманные. Так что и хорошо, что не знают — ни того, что их на самом деле нет, ни того, что в них разные люди влюбляются. И про них истории придумывают. А то неудобно перед персонажами — может, им бы не понравилось то, что мы тут пишем.

* * *

Фанфики. Я думала, я с ума сойду. Оно про любовь. Оно про вообще все.

Я начала читать один фанф на английском, там 48 глав. Он в процессе — все ждут, что автор закончит скоро текст. Это макси одна девочка начала на русский переводить год назад, а потом забросила. И я пошла в оригинал. Переводила текст с помощью гугла и чертовой матери! Но перевела же! Я могу ЧИТАТЬ НА АНГЛИЙСКОМ! Я понимаю!

Мне в пять часов надо быть у Юли. А у меня домашка вообще не сделана. Никакая. Я же просила маму отменить английский, потому что каникулы. Можно же было сказать, что мы уезжаем куда-то на ноябрьские? Бесполезняк.

«Юля! Я не смогу к вам сегодня прийти, потому что я думала, что сегодня было вчера, и перепутала дни!»

«Юля! Я не приеду, заболела!»

«Юля, добрый день! Я ничего не приготовила и не хочу к вам поэтому ехать. Можно я не приеду?»

Я могу отправить Юле любое из этих писем. И если она напишет «можно не приезжать», я останусь дома.

Я и тексты. Романтика! У меня такое ощущение, что то, что я сижу и все это читаю вместо занятий, — это преступление. И от этого читать еще интереснее.

Юля ответила: «Приезжай! Ругать не буду!»

«100 дней счастья»: Фанфики! На английском!!!!

* * *

Я ехала к Юле на английский, а в вагоне — бабушка. У нее рюкзачок с динозаврами. У меня в детстве был такой же. Я на конечной выходила, прошла мимо нее и говорю про рюкзачок.

А она рассердилась. Как будто в этом что-то обидное было. Милый рюкзак. Наверное, от внука.

Или она рюкзак на помойке нашла?

Или внук вырос и ее обидел?

Или вообще умер.

«100 дней счастья»: Фанфики! Еще больше фанфиков! Косая черта называется «слеш».

* * *

Есть сообщество для тех, кто любит Мой Сериал. У одной юзерши указан возраст — 57 лет. Это она по приколу или по правде? 43 года разницы со мной. Она старше моей мамы. Могла бы быть моей бабушкой!

Не по приколу. У нее сын старше меня. И старше героев!

Немного странно, что взрослые тоже могут так упарываться. И постить котят с сердцами-глазками вместо обычных смайлов.

Неужели я в старости тоже буду такой унылой няшечкой?

«100 дней счастья»: Фанфики! Больше фанфиков богу фанфиков!

Декабрь. Осторожно, злая Вера!

Еду к Юле. Пожилой чувак со мной в вагоне метро едет. Переписывается. Пишет: «Я на НГ к вам не приеду. Можем отметить у меня. Решай сама». Чувак — как для флешмоба «100 дней несчастья».

* * *

Я сегодня ПОНЯЛА слова из песни в титрах Сериала. То есть прямо целой фразой! Я начала переводить то макси для Лильки. Записывать его и вывешивать кусками. Если каждый день по 1000 слов, то как раз к концу недели успею первую главу. Главное, не лезть в самый конец. Л сказала, что я ее бог. Она на английском читать не может. Только с гугл-переводчиком. Но там такая бредяттина вылезает.

Мам счастлив. Реально! Она думает, я так английский изучаю. Укуси меня енот!

* * *

Снилось, что я завалила ГИА по английскому. Проснулась и расплакалась. Я думала, я тихо плачу. Пришла

мама, включила свет и сказала, что ей до сих пор снится экзамен по алгебре, который она завалила в девятом классе. Мам пожалела меня, я ее. Но вообще-то моя мама бывшая отличница. Или она мне так мозги пудрила?

* * *

Мне очень стыдно. Как никогда в жизни не было. Я не знаю, как это написать. Но если не писать, то будет еще хуже.

Это опять про ВМ. Она же в гипсе. И свой день рождения в гипсе отмечала. И она все левой рукой делает, а у самой лицо кривится. Она теперь еще некрасивее. Такая страшная, что смотреть жалко. Но мне не от этого стыдно. Все еще хуже.

Я уже писала, что наша Сончита умеет так смотреть, как будто она нас всех на триста лет старше или ясно-видящая? Я не знаю, по-моему, это из-за того, что у нее сейчас какой-то новый парень, старше нас, и она от него нахлебалась мудрости.

В общем, я на перемене шла по коридору в туалет, а впереди — ВМ с гипсовой рукой. И за ней шел один крендель из пятого класса, брат нашего Руднева. Передразнивал. А Сончита из туалета вышла. И увидела. И его в стену

впечатала. Я не поняла. Иду в туалет. А туда вдруг Сончита возвращается.

И она мне вдруг с порога: «А ты знаешь, что у Веры Мироновны мама погибла в том ДТП?» Я вообще про ДТП ни ухом, ни рылом. Оказывается, гипс на руке — это перелом. ВМ и ее мама попали в аварию. Мама — в реанимацию. А ВМ только руку сломала. И чуть ли не на следующее утро пришла на урок. И потом ездила к своей маме и все такое. А потом мама ВМ умерла перед самым днем рождения ВМ. И она маму хоронила вместо своего дня рождения. А учителя нам ничего не говорили. А ей соболезновали! А я думала, они ее так уныло поздравляют.

Стыдно! Если бы можно было стереть мысли.

И как мы с Лилькой ржали! И как я ВМ ненавидела и желала ей смерти.

Я не буду удалять эту запись. Это бессмысленно.

* * *

Я начала переводить вторую главу. Я крута! Там еще 46 глав. Но я посмотрела финал. Они в конце умрут. Убейте меня об стену, кто-нибудь! Не хочу переводить. Я написала сейчас «убейте меня кто-нибудь». А потом вспомни-

ла, что недавно было 40 дней, как разбился тот парень, АД из восьмого класса. Не хочу ничего писать и говорить больше.

* * *

А вдруг, точно, то, что произошло с ВМ и ее мамой, — это из-за того, что я ВМ так ненавижу? Вдруг я ее сглазила? Это бред бредовейший. Я не знаю. И никогда не узнаю.

* * *

Господи! Я вывесила свой перевод в пабlike! Это кошмар какой-то! По-моему, это жестоко. Я честно написала: «Не бейте тапком, это мой первый перевод». Лучше бы я перевела промтом или гуглом!

Я создала кучу мемов. Вся первая глава — один сплошной переводческий ляп.

* * *

Я удалила свой перевод. Все равно фигня. Пусть сами сидят и переводят, если они такие умные.

* * *

Я рассказала Лильке про маму ВМ и про ДТП. Сончита же не говорила, что это тайна. Л сперва решила, что я вру. А я сейчас редко вру. Тем более про такое нельзя врать. Это невкусно. Ну, я рассказала, а Л пожала плечами. И все. Как будто так и надо. Начала рассказывать про фанфики дальше.

Я даже не знаю. Вот так с человеком живешь много лет бок о бок, думаешь, что она тебе как родная сестра, самая близкая, самая лучшая. А она потом вот так. Но я все равно очень люблю Лильку, и это самое страшное. Я ничего не могу поделать. Она меня бесит ужасно, но я не могу! Она мне самый близкий человек! И я не знаю, почему она теперь стала такой!

* * *

Мне под переводом одна юзерша сказала, что я пишу столько отсебятины в переводном тексте, что могу сама уже фики писать. Я не знаю. Я никогда раньше не писала фики.

Но у нас в паблице много текстов, некоторые мне кажутся очень слабыми, но их не ругают так, чтобы прямо вообще размазать по плинтусу (как, например, ВМ нашу группу из-за плохо сделанной домашки).

Вообще-то мне кажется, что после всего, что ВМ нам говорит на своих уроках, даже критика в паблике — это не страшно. Потому что все юзеры только в онлайн, и можно тупо выйти из паблика, разлогиниться и не читать. А с урока ВМ никуда не сбежишь. Как будто она нас закаляет перед реаловой жизнью и даже перед интернетом.

ВМ иногда такие вещи говорит, как продвинутый тролль восьмидесятого левела.

В общем, она меня закалила как сталь. Пойду писать фик сама.

В жизни не думала, что я однажды скажу: «Спасибо вам, Вера Мироновна, что вы нас так троллите на своих уроках!»

Интересно, а ВМ вообще бывает в сети? Кроме электронного журнала, по-человечески.

* * *

Холод собачий. А мы с собакой собачимся. У Марсюши опять болячка, и надо его на уколы водить. Он подходит к ветклинике спокойно, а на столе начинает дрожать мелкой дрожью. И ветеринар Евгения Константиновна

говорит ему: «Ну что ты, маленький?» А Марсюша старенький. Маленький старичок. Дворянчик наш.

Лилька называет его «Мистер Моськин» и целует чаще, чем я. Подарила в школе мне для него брелочек-катафоту, который в темноте мигает красным. По-моему, Марсюша опупел от этого брелочка.

Брелок прикольный. Со стороны кажется, что собаку поставили на сигнализацию.

* * *

Я вчера написала две страницы фика. И на уроках все время думаю о том, как писать дальше. Я смотрела в школе на людей. Как они ходят и говорят. Запоминала для текста. Даже записывала немножко.

Я так долго сижу перед компом, что у меня спина болит и шея.

* * *

Три часа ночи. Я закончила. В школу вставать через четыре часа. У меня идет носом кровь. Я счастлива. И мне не хочется текст никому показывать. Он такой совсем мой, как «секретик».

* * *

Утром ВМ сказала, что наша школа опять взяла патронаж над домом престарелых. Патронат. Патронташ?

В общем, надо собрать подарки. Зефир и шерстяные носки. И все, кто хочет, те поедут к престарелым в воскресенье. Сончита сразу спросила: «А кто из учителей поедет?» Оказалось, что ВМ и Олеся-русичка. Я боюсь рядом с ВМ быть. Мне кажется, она понимает, что я ее обидела. Если бы не ВМ, я бы поехала, хотя мне страшно. Сончита едет. И Паша. И КД! А Лилька тоже нет.

В воскресенье — офлайн фэндома.

* * *

В школе самое паршивое — это лицемерие. Мне кажется, что мы ему учимся. С первого класса по одиннадцатый. Каждый день готовим домашку по вранью, потом наращиваем его, скилл прокачиваем. Сегодня пришла завучиха, которая занимается внеклассной работой, сказала, что у нас в январе будет конкурс патриотической песни. Что мы должны пройти в финал и представлять школу в округе.

И она это так говорила... Я не знаю. Если бы нам ВМ наша сказала про этот конкурс, то реально захотелось бы

что-то сделать. А эта стоит с таким покерфейсом: «Это нафиг никому не нужно, ни мне, ни вам, но так надо сделать, потому что надо». А вслух гонит про духовность.

По человеку всегда можно определить, когда он врет. Я сама вру много, поэтому знаю. Завучиха врала и жестами, и голосом. У нее даже слова были не настоящие. А такие, от которых тошнит, потому что их все время произносят. И ты уже не смысл слов ловишь, а то, что за ними последует. Если про честь школы, родину и величие страны, значит, опять конкурс — проектов или песен. Это как с Новым годом. Если нет настроения отмечать, а все равно отмечаешь, потому что надо. И от этого все еще хуже.

* * *

Я овца, реально. Я пришла на офлайн в кафе и постеснялась подойти к столу, где все сидели. Сидела за соседним и смотрела на них. Я надеялась, что Л придет, меня увидит и позовет к ним. Я стеснялась. А Лильки не было вообще. Она все-таки поехала раздавать подарки престарелым. Снегурить, дедморозить, жечь и пепелить.

Лилька сказала, что я дважды овца. Потому что они съездили здорово. И потому что на офлайнах многие друг друга первый раз видят. Половина фэндома вооб-

ще не развиртуализовывается никогда и ни с кем. Это нормально — никого не знать.

* * *

Мамины мандарины реально помогают от тоски.

В метро на меня всю дорогу пялился один парень. Я не знаю, вроде противно было, а вроде приятно. Странно.

Как в кино. Показывают героиню крупными кадрами, словно взглядом другого героя. А потом они знакомятся.

Парень не знакомился. Он просто на меня смотрел всю дорогу. Как будто оценивал. Дурак. Причем самое глупое, что я из-за того, что он на меня пялился, его самого не смогла рассмотреть как следует. Чтобы он не заметил, что я заметила... Сослагательное. Как в английском. Начала писать фразу и сама ее мысленно на англ перевожу, думаю, какие там могут быть времена. Психичка! В общем, парень мне не понравился. Он на меня смотрел угрюмо. И лоб у него прыщавый. Если бы он улыбался, прыщи было бы не так заметно.

* * *

Флешмоб. 10 вещей, которые я хочу:

0. ФАНФИКИ!!!!

1. Сдать ГИА.

2. Сжечь школу. Ладно, только кабинет ВМ. И пусть ее там не будет. И пусть она не знает, что это я сожгла.

3. Айфон хочу. Но его точно не подарят.

4. Нормальную кровать, а не этот диван. Я в него проваливаюсь, как Алиса в нору.

5. Желтые грубые мужские ботинки. Как у МЧ из Сериала. (Я не могу писать название Сериала. И имя МЧ. Пусть это будет моей тайной.)

6. Духи как у Лильки.

7. Выйти замуж. Не так: знать, что я выйду замуж и у меня будут дети!

8. ПЕРЕВЕСТИ уже наконец то макси. Меня на форуме и в личке каждый день дергают. Или нет, пусть кто-нибудь другой переведет. Я не могу переводить после того, как мне объяснили, что у меня плохой перевод.

9. Чтобы мама не болела. И Марсик тоже.

10. Хочу знать, что я останусь в десятом классе в нашей школе.

* * *

Меня тошнит мандаринами.

* * *

Еще один факт про меня. Не флешмоб, а просто так, наверное: мои дедушка и бабушка — это на самом деле мои прадедушка и прабабушка!

Вот, написала, и как-то фигово это выглядит, как сенсация из боковой рекламы. Когда сидишь на пиратском сайте, а сбоку плашки: «Трагедия в семье телезвезды!», «Мальчик увеличил грудь в три раза и теперь каждый вечер зарабатывает 1000 долларов». Причем эти плашки невозможно убрать, они все время мельтешат сбоку, там то кривые зубы показывают, то грибковые ногти.

Реально, как будто эту рекламу там размещают те, кто против пиратских скачиваний борется. Посмотришь на псориаз у лысых, и сразу хочется пойти на платный сайт. Как на платный пляж в Греции. Ну невозможно же читать нормально, если в рассказе чувства лезут из всех ушей, а сбоку — чьи-то потрескавшиеся пятки! Хотя, если книга хорошая, мне по сараю, что там сбоку торчит.

Можно этот факт переписать так, чтобы было понятнее: когда я говорю «моя бабушка», я имею в виду прабабушку. И с дедушкой та же самая история.

Потому что у нас семья какая-то несемейная. («Трагедия в семье телезвезды — у нее нет семьи».) Иногда, когда я про это говорю, люди удивляются, будто это что-то неприличное. Я не знаю, с чем сравнить. С врожденным уродством? Но если бы на это так не реагировали, я бы и не знала, что у нас в семье что-то не так. Меня все устраивает, если я не сравниваю.

Когда я топик по английскому делала про мою семью, я все время забывала говорить «прадедушка» вместо «дедушка». И ВМ не прискребалась, кстати. Я ей топик все равно сдала с третьего раза на тройбас, у нее же пунктик по поводу этих проклятых топтиков. Хорошо, что у меня семья такая маленькая, что можно объяснить только про маму и собаку и что дедушка с бабушкой уже умерли. В смысле, прадедушка тоже. А то я бы их всех возненавидела бы, пока про них учила!

У меня просто нет отца. А моя мама — «старший ребенок от первого брака». Два раза. По маме и по папе, которые мне дедушка и бабушка. И она почти все детство жила у своих дедушки и бабушки. В этой квартире.

Я их мало помню. Прабабушку я уже почти совсем не застала — она все время была в больнице. А прадедушка был лысый и много курил. Я из-за этого не люблю запах сигаретного дыма. Наверное, потому что до сих пор немножко не понимаю: как это — сигаретный запах есть, а дедушки нет.

Я немного чокнутая, мне иногда страшно, когда люди при мне закуривают. Потому что кажется, что я дым понюхаю, а вслед за дымом придет дедушка Котя. А он давно мертвый.

Это бредятина, конечно. Но я когда сериал про сверхъестественное смотрела, мне нравилось именно то, как мертвецы в нем иногда оживают не ради мести, а с добрыми намерениями.

Но в фильмах вся эта жуть не настоящая. То есть тоже не так: фильм выдуманный, а страх у меня настоящий. Вот с книгами так почти не бывает (со школьной программой — вообще никогда).

Наверное, хороший фильм — это на котором у тебя мозги отключаются и остаются только чувства. И ты не думаешь, могло так быть или не могло, тебе про это думать некогда, только про героев думаешь. Вместе с ними. Даже если не первый раз смотришь. Если ты в героев веришь, то фильм хороший.

Я хотела про прадедушку, а меня что-то занесло про кино. Я тут сейчас могла бы соврать, что дед Котя любил кино и мы с ним вместе его смотрели. Но это неправда. Дед Котя любил хоккей и пиво. Маму, меня, собак и мастерить всякие вещи своими руками. Он был фрилансером. Занимался обивкой мягкой мебели. Ходил по заказам.

Я могу написать десять фактов про моего прадедушку Константина Ивановича. Но это будет как-то странно. Как на уроке. Когда надо было доклад про родственников — участников войны делать. И я рассказала про прадедушку. Как он был шофером. Как его ранило, а он все равно довел машину до места назначения. А медаль ему за это дали, уже когда моя мама родилась. Потому что он не значился в списках. Тогда ему четырнадцать было, никто не верил, что он мог воевать. Ему было как мне сейчас.

Я сейчас только догадалась.

Я не знаю, что написать теперь. Что я водить не умею? Что я бы испугалась вести машину под обстрелом? Не знаю. Я просто держу себя левой рукой за бок, за то место, где у дедушки был шрам от пули. И мне тошно, что мне тогда за этот доклад поставили пятерку. Как будто дед Котя сражался не за родину против фашистов, а за мои оценки.

А вообще, на лестничной площадке кто-то курит сейчас (начал курить, когда я начала писать). И мне от этого не страшно, а грустно. И хочется, чтобы дедушка был жив. Жалко, что я про него почти ничего не помню и все, что знаю, это с маминых слов, ну еще по фоточкам и по тем бумагам, которые есть на сайте про подвиги народа на войне. Я ведь даже не знала, когда дедушка родился. Ну вот, теперь знаю.

Мама еще говорила, что дедушка свой день рождения не отмечал никогда. Потому что там дата неправильная, ему так в детдоме записали. У дедушки Коти тоже не было родителей. Наверное, именно поэтому он так любил маму и меня.

В общем, у нас семья какая-то странная: семья без семьи.

* * *

Я не уверена, что верю в Бога. Надеюсь, ему это без разницы. Не что ему все равно, а что он на меня не сердится. Вообще из-за того, что меня зовут Вера, разные придурки начинают знакомство в сети с того, что спрашивают: «Вера, во что ты веришь?» В себя. В добро и справедливость. В смысле, не знаю. Может, в любовь?

* * *

Проходим сейчас «Онегина». Олеся читает строчку «Был славный малый, но педант», и наши парни начинают ржать. Как будто «педант» — это синоним. Олеся сказала, что это «шутки ниже пояса» и что когда же мы повзрослеем. Сказала, что желает нам этого в наступающем году. Господи!

Почему нельзя пожелать простого счастья и здоровья, а не работы над собой? Мне кажется, если бы наша Олеся не думала все время о том, что ей надо нас образовывать и в нас «вкладывать», и про «духовное совершенствование», которого она нам нажелала (Кирик Дергунов сказал шепотом: «А можно деньгами?» — и мы все опять смеялись), то Олеся была бы лучше. Как препод и как человек. Когда тебя пытаются воспитывать даже в честь праздника, даже на празднике, это ужас какой-то. Это то, за что ты ненавидишь школу. Я ненавижу.

А Сончита на зимние все-таки уезжает. Но не в заграничку, а в скаутский лагерь, опять. Я не знаю, завидую я этому или нет. Наверное, да — тому, что она едет хоть куда-то.

* * *

Аккаунт можно вычислить, если дата рождения не скрыта и не изменена специально.

У меня были мысли про КД. Я его аккаунт искала. Как можно жить с фамилией Дергунов? А ведь думала, что красивая фамилия. Я ее примеряла мысленно. Как платье свадебное. Овца-овца-овца.

* * *

На последнем английском вместо английского ВМ собрала обе группы в кабинете у Олеси и показывала ролик о том, как они ездили к престарелым. От нашего класса всего пять человек. Лилька и Сончита. И три наших парня. Паша-и-девочки тоже.

Наша Сончита была снегурочкой. А она же очень смуглая. Как испанка или как цыганка. Поэтому Сончита, а не София, Соня или Софа, например. Она вправду немного на мулатку похожа. Самая красивая снегурочка-мулатка. Если бы я была парнем из нашего класса, я бы тоже на нее так пялилась. Я понимаю, почему они все на ней повернутые. Но она просто такая вот Сончита.

Когда она была снегурочкой для престарелых, она была как бабочка. Которая сама по себе красивая, а еще и летать умеет. А я, наоборот, как будто гусеницей стала. У меня все такое мелкое, обидки глупенькие. А они все — волшебные бабочки. Даже Паша-и-девочки, хотя он боится ВМ, как и я. Паша Фаддеичев — толстая бабочка. Не смешно.

В наступающем году желаю нам всем выспаться!

Трудно представить, что через три дня будет уже совсем другой год. А этот уйдет в прошлое. Это не книга с полки, это реальное прошедшее время, не дохлое, как в грамматике, а просто время. Хоть пиши старому году письма из нового.

Есть такой флешмоб — напишите письмо себе восьмилетней и себе восьмидесятилетней. Вперед писать страшно: а вдруг меня не станет раньше. А себе в детство писать глупо. Я там не пойму ничего из того, о чем я сейчас думаю.

Когда я вспоминаю себя в первом, третьем или втором классе, мне хочется убиться лбом об стену. Я такая дура была. И я об этом помню. И помнят те, кто со мной сейчас учится и общается.

Я не понимаю иногда, как мы можем друг с другом общаться, помня о том, какими мы были дураками в началке или в пятом каком-нибудь классе. Хотя Короб, или Кирик Дергунов, или Руднев, или Паша-и-девочки — сейчас еще бóльшие идиоты, чем раньше. У меня сегодня все идиоты. Всех ненавижу. Завтра итоги второй четверти. Я знаю, что по английшу опять будет тройбас

и что мама будет ругаться. И уже ничего с этим поделать не могу. Только ждать неизвестности.

Во втором классе было легче: мне мозгов не хватало подсчитать, что оценка за четверть — это средняя из всех полученных. И четверть казалась куда дольше, чем сейчас. И оценки были почти все хорошие. Ждешь итогов четверти как подарка. Опять похвалят: «Вера — молодец, старается». У меня почти не было троек в началке. А потом — только одна, по английскому, но навсегда. И если бы не он, все было бы так хорошо в этой жизни!

Обновила школьный сайт, там уже итоговые по русскому, литре, био, физике. Олеся нам всегда первая выставляет, раньше других учителей.

По литре «пять» — может, удастся умаслить маму?

А ВМ тянет. Хочется написать: «ВМ, зараза такая, тянет». Даже не зараза, хуже. Но я помню про ее гипс и про ее маму. И про дом престарелых. И ненависти нет. Только надежда: а вдруг школьный сайт зависнет, сломается или его взломают. Не я же одна из-за четвертных оценок дерганая. Было бы как в плохом кино: умный хакер спасает прекрасную троечницу. Бр-р-р-р. Пошлятина. Но я согласна и на пошлятину.

* * *

ВМ все выставила. Мам все посмотрела. Блинский блин.

Самое мерзкое — это то, каким она тоном со мной говорит.

Мандарины не помогают. У меня теперь слезы будут мандариновые. Все новогоднее настроение псу под хвост.

«Пора думать о будущем, Вера!»

«Что из тебя вырастет, уборщица?»

А что, уборщицы не люди, что ли?

«Если ты не сможешь себя обеспечить, как ты будешь жить?»

Как угодно. Как Сончита, например. Или как Лилька — ее папа их всех обеспечит на сто лет вперед.

«Ты будешь никем! Если ты не в состоянии себя обеспечить, ты никто!»

Ага, сейчас, четыре раза. Если бы у меня родители нормально зарабатывали. Если бы у меня вообще были ро-

дители, два экземпляра. У меня был бы папа, и он бы за меня заступился бы. Он бы ей все сказал!

Я сейчас печатаю и всхлипываю от жалости к себе. Когда Лилька мне на своего отца жалуется, я думаю: лучше вообще никакого отца, чем такой. А потом думаю, что, если бы у меня был настоящий отец, а не биологический, все было бы по-другому. И мне бы никто не орал сейчас о том, какое я ничтожество.

С Новым годом, мама, дорогая. Я тебя тоже ненавижу!

* * *

Мне Юля прислала по скайпу поздравление на английском, с Новым годом, я половину слов не поняла. Даже больше половины. Почти вообще ничего не поняла. И не пойму уже никогда, наверное. Я не знаю, зачем учить англ, если в школе все равно этот тройбас хронический и мама вопит, как пожарная сигнализация.

Я Юле написала *Thank you*, и все. А она спрашивает про оценку в четверти. Я ей печатаю, что трояк. Думаю, щаз она тоже пилить станет. А она такая пишет: а ты сильно расстроилась? Я соврала, что не очень. Я вообще терпеть не могу, когда я говорю, что у меня все ок-норм, а мне не верят. Даже если мне на самом деле фигово,

не надо меня об этом спрашивать — раз я об этом не говорю, значит, не хочу говорить.

Я ей чего-то такое про это напечатала, а она пишет, что все нормально. Что у меня прогресс есть, просто он скачками пойдет и по тестам может быть незаметен.

Я написала: вы моей маме об этом скажите, мне ни горячо, ни холодно, мне ваш английский вообще по сараю.

А Юля говорит, что не по сараю, что она препод и ей видно, что я тянусь и мне нравится.

А я уже не хочу никуда тянуться. У меня НГ сегодня, а я никуда не пойду из-за этого трояка вонючего. Я так и написала. А потом подумала, что, если уж совсем честно, я больше всего хочу сидеть дома и читать фанфики, а к Лильке домой не хочу: когда я ее отца вижу, мне хочется надеть капюшон, и вжаться в стену, и вообще свалить из их квартиры как можно быстрее. Но Лильку ко мне на НГ тоже не отпустят.

Я печатала Юле про все это сообщение, долго-долго, даже до середины не напечатала, а Юля из скайпа ушла. Я разозлилась.

А тут мам в дверь скребет. И спрашивает, сильно ли я на нее сержусь. Потому что ей Юля вот прям щаз звонила и объясняла про ступенчатый прогресс.

Тут я подумала, что вообще-то Юля мой препод, то есть за мои оценки как бы она отвечает. И она маме тоже так сказала. И мам наконец смирилась. Типа она же видела вообще-то, сколько я занимаюсь в последние дни. Но все равно сердится.

Ну это же мой мам. Как машинка на сбрендившем радиоуправлении. Обещает, что орать не будет, а все равно орет. И ее не переделаешь. Я смирилась уже.

Мам спросила, куда я хочу на НГ в полночь — в парк Горького или на ВДНХ? Я не знаю. Вообще, когда на Новый год снега нет, никуда не хочется. Или в такое место, где не видно, что у нас тут шестьдесят первое ноября.

Короче, мы дома будем. К нам, может быть, как раз Юля заедет, поздравит.

Скажи мне кто, что я буду отмечать НГ с преподам по английшу, я бы опупела. Но Юля будет не препод, а друг семьи. Мой друг теперь тоже, она же мне сегодня все разрулила.

Январь. Без комментариев

Второй год подряд первого января мой биологический отец поздравляет меня с Новым годом. Не знаю зачем. Как будто специально.

Ужасно. Ужасно несправедливо.

Плакать на морозе очень больно. Слезы к лицу сразу примерзают. А я не могла вытереть. У меня в одной руке была сумка, а в другой — Марсик на поводке. И он тянул. А в сумке сверху торчала такая колючка. Искусственная. Мы с Лилькой встретились только сегодня наконец, и она мне ее подарила. Это вешалка для бус и колец. В виде ветки. Я себе щеку ею чуть не пропорол. Л подарила и пошла обратно в свой подъезд. А мы с Марси-ком гуляли вдоль синих домов. И тут звонок! А когда плачешь, а слезы вытирать нельзя, это какой-то ужас. Ну зачем он мне звонит? Напомнить, что у всех отцы есть, а у меня нету?

* * *

Опять ругаемся с мам. Самое дурацкое в зимних каникулах — это то, что у взрослых тоже каникулы. Все

сидят дома друг у друга на голове. А потом ругаются. Из-за фигни. Из-за того, кто пойдет с Марсиком на улицу в такой морозище. Из-за того, что я, видите ли, немытые кружки у себя на столе держу. Мне же они не мешают! И это не последняя посуда в доме!

Самое поганое, что мама и сейчас снова умудряется орать про мое будущее. Ну при чем тут кружки-то?

Хочу жить одна!

Мы с мам друг от друга всегда звереем за праздники. Мы и в Праге ругались, и в Хельсинках, и в Испании. Наверное, если бы вместо меня у мамы был муж, она бы ругалась с ним.

Вообще, это из-за того, что у нас с мам кризис. На работе. В школе. И в стране.

* * *

Началась третья четверть. Бр-р-р!

Мне опять снятся неправильные глаголы. А я и без того мало сплю.

Расписание псу под хвост. У нас должна была быть химия, а с утра вместо нее поставили физику.

Разумеется, никто не принес форму, Наталья всех отпустила. Открыла нам раздевалку, а сама ушла. Мы с Лилькой и Сончитой пошли на первый этаж, в умывальку на подоконник. Сончита сказала, что если столовка открыта, то чтобы мы шли купили шоколадного молока и слоек. У меня денег не было, но это не важно, Сончита угощала. Но в столовке ВМ сидела, я застремалась идти, Л пошла за слойками одна. А мы с Сончитой ныкались в умывалку. Я очень редко бываю с Сончитой наедине, мы как-то всегда втроем тусим или с классом. А тут мы сидели на подоконнике, как будто только что познакомились.

Когда вот так с кем-то из одноклассников вдвоем остаешься, он тебе потом уже не чужой человек. Я не знаю, как это объяснить. Это как мое дерево счастья в Лилькином дворе за футбольным полем. Оно не просто дерево. Оно от других отличается, но не внешне, а потому что между ним и мной что-то есть.

Мы ни о чем не говорили. Я думала, Сончита мне опять расскажет что-то, как про ВМ и ее умершую маму. Но мы просто молчали.

Я думала, как Сончита была Снегурочкой в доме престарелых и с дедульками играла в «ручеек». Я не знала, как ее об этом спросить, чтобы было понятно, что я ее за это уважаю, но не заискиваю и не подлизываюсь. Просто спросила, поедет ли она туда еще. Сончита сказала, что обязательно. А я зачем-то соврала, что меня мама не пустила, а то бы я тоже. Сончита пожала плечами и полезла в телефон. А потом пришла Лилька со слойками.

Слойки были еще горячие, а варенье в них — вообще кипятком. Мы заляпались, обожглись и ржали так, что из столовки пришла ВМ и погнала нас в раздевалку. И потом устроила втык Наталье, что она нас с урока отпускает, а мы болтаемся по школе и гогочем. Тьфу. У меня язык болел от ожога, а губы от смеха.

А Сончита уже на перемене, перед руссишем, рассказывала, как она в своем Волгограде, когда в детсад ходила, ела корм для рыб. Была самая крутая у себя в группе. И вообще в саду. А Короб сказал, что он тоже ел рыбий корм, он рыб разводит. Сончита на него просто посмотрела. Даже не стала говорить, что он дурак.

Это уже была какая-то другая Сончита, не как на подоконнике. С такой тусоваться по кайфу, в школе выживать хорошо. А с той Сончитой интересно молчать.

Я сегодня в магазине расплачиваюсь на кассе, надо было восемьдесят три рубля, а у меня все деньги монетками — десятиюнчиками и рублевками. И я соврала продавщице: «Не хочу с собой мелочь носить, кошелек распирает». На самом деле у нас просто зарплата послезавтра. И всё. Больше ничего нет и ждать больше нечего.

Я когда иду из школы, то себе под ноги смотрю: вдруг купюру найду случайно. Машка Майорова рассказывала, как она первого января у метро нашла тысячу рублей — наверное, у пьяного выпала. Если ты видишь, как деньги из кармана падают, и молчишь — это одно. А когда просто на улице — это другое. Как будто судьба сама о тебе заботится.

А продавщица на кассе такая: «Давайте-давайте, нам мелочь всегда нужна». Я тогда ей соврала, что копилку принесу, что у меня много монет, типа накопленные. Ну, у нас в прихожей стоит красивая жестяная коробка из-под чая, и мы с мам туда реально мелочь кладем. В смысле, мам кладет. А я потом на буфет забираю.

Это у мам такое выражение «на буфет». Хотя у нас в школе столовка и автоматы. Я сегодня видела, как у одного чувака монетка под кофемат закатилась. Я думала, полезу ее вынимать. Сидела на алгебре и думала: вот

сейчас возьму линейку и пойду вынимать монетку. Хотя, может, там всего рубль. На него ничего не купишь. И вообще как-то унижительно. А главное, ни у кого линейки нет. Ни у Сончиты, ни у Надьки, ни у Паши с Кириком. Если бы мы в началке учились, то носили бы пеналы как миленькие. А сейчас-то эти линейки кому сдались? Если нужна прямая линия, можно приложить мобилу сбоку.

Хотя, если бы линейка нашлась, я бы все равно пошла к кофемату. Не из-за монетки. Я просто люблю ходить по коридору посреди урока. У всех занятия, а ты не при делах. Как невидимка. Или как взрослая, будто школу окончила двадцать лет назад и теперь вспоминаешь. Мысленно ходишь. Как призрак. И школа как в компьютерной игре.

* * *

В метро очень тесно и хочется спать. Я устала от метро!

Я не сделала ДЗ и вместо этого вдруг показала Юле начало перевода макси-фанфика. И мы его разбирали почти все занятие. Оказывается, у меня там косяк на косяке. Из-за путаницы во временах. И в выражениях. Ну, есть выражения, в которых все слова по отдельности значат одно, а вместе — вообще другое. В переносном смысле!

Юля мне рассказывала про такие косяки. Даже у профессиональных переводчиков.

Я начала Юле про ВМ рассказывать, что ее так ненавижу. А Юля сказала, что она мою ВМ знает, что училась у нее в группе, с первого класса по одиннадцатый! В нашей школе! Я думала, что Юля просто левая мамина подруга. А она одноклассница. Училась с моим мамом вместе. Ей тоже тридцать пять. Просто мам меня рано родила. А я вообще не знала, сколько лет Юле. Я знаю, что у нее нет детей и мужа. И всё. А теперь непонятно, Юля старая или молодая.

Но это отдельно надо думать. А сейчас я думаю о другом: Юля училась у ВМ. И при этом знает и ЛЮБИТ английский! Вот как так бывает?

Я вдруг начала рассказывать, как боюсь, что вдруг это я прокляла ВМ и она попала в ДТП. Мне надо было узнать, что это не так, услышать, что я дура и овца. Я бы пообещала, что не буду так больше.

А Юля сказала то же самое, что и я сама думаю. И чего я боюсь. Что так тоже могло произойти. Потому что никто не знает, насколько материальны наши мысли, где самовнушение, где совпадение, а где потусторонняя сила.

Это была какая-то страшная жуть, когда мне Юля про это говорила. Как в тот вечер, когда меня чуть не убило деревом. Я тогда поверила, что все в жизни не случайно и в каждую секунду может что-то произойти. Неправимое или роковое.

Мне опять казалось, что я чувствую время. Секунды были не песчинками, а пузырьками. Лопались. Как пена в ванной. Или как красная икра на языке. Или как пузырьки в кока-коле. Время визуально. И мысли тоже.

Я действительно МОГЛА это сделать с ВМ и ее мамой. Сама об этом не подозревая. Юля мне объясняла про карму и еще про одну вещь. Я не знаю. Я вообще ничего не знаю.

А самое странное, что разговор на этом все равно не закончился. Мы потом дальше разбирали перевод моего фика. А потом я начала Юле рассказывать про мой собственный текст. Пересказывать содержание. То, что еще не записано. Про то, как я не понимаю, как дальше писать. Что пока я пишу текст, мне нравится, а когда я перечитываю, он тупой, от него тошнит и стыдно. И страшно его вывешивать на форуме.

Юля говорит «Просто читай. Полчаса в день, не по школьной программе и не фанфики».

Надо читать, чтобы лучше писать. И с английским, она говорит, то же самое. Надо просто читать и смотреть что угодно. И язык сам прилипнет.

Я не понимаю, как мы это все впихнули в один разговор. Это как с Лилькой, когда она у меня на кухне чай пьет. Там тоже кажется, что мы только начали говорить, а потом уже мам с работы приходит. Так и тут. Как будто Юля мне подруга, а не репетитор.

Там было больше наших полутора часов, я знаю. Но сколько именно, я не знаю. Мне мам звонила из дома, я говорю: «Я у метро». Она думала, я уже из нашего метро вышла, а я только к Юлиному подходила.

И я не успела спросить у Юли, как не бояться ВМ.

Я не понимаю, как можно сделать, чтобы думать про людей только хорошее. Я людей иногда ненавижу до одури. Но если я действительно могу своими мыслями причинять зло, мне придется полюбить весь этот мир. Как-то так. Наверное, на это только святые способны. И еще супермены.

У меня опять спрашивают продолжение того макси. А я всю первую главу перевела неправильно! И больше не хочу переделывать!

Мам долбит про ГИА и «кем ты станешь». Шла бы ты, мама, замуж уж.

Я опять думаю про деньги. Нам надо дотянуть до двадцатого числа. Я сто пятьсот лет не слышала это «дотянуть». Когда я еще в школу не ходила, так тоже было, я забыла уже сейчас. Когда у деда пенсия и всё. И тоже кризис. Но я не помню, что было как-то плохо. Наверное, я не понимала.

Страшно быть взрослой. Страшно про деньги думать, про то, как жить дальше.

Мы с мам сегодня перебирали вещи в шкафу. Искали заначки. В карманах, в сумочках. И мам в чемодане, в боковом кармашке, нашла двадцать евро! Подарок от самих себя. Сувенир из Праги. Или из Финки? Как из другого времени.

Я на эту двадцатку смотрю и понимаю, что она изменилась. Что это не «два раза кофе попить». Это корм для Марсика, творог, яблоки, курица, и молоко, и про-

кладки еще. А на сдачу можно взять банку рыбных консервов.

На сдачу, хо-хо! Раньше сдача всегда шла мне «на буфет». В смысле, на что угодно. А сейчас на сдачу надо брать еду. А у меня тушь кончается. И я не могу, как раньше, думать, что вот, мам эсэмэснет, что ей дали премию, и мы просто так пойдем покупать что угодно. То есть я могу на это надеяться, но не сильно. Была бы маленькой — надеялась бы.

* * *

Так смешно было сегодня: на англише открыли упражнение, а там в первой же фразе слово, которое из всей группы знаю только я. И то только потому, что оно у нас с Юлей в тексте вчера было. Я с переводом всей фразы на косячила, там не прошедшие времена, а какое-то групповое издевательство над моим мозгом. Но слово я вспомнила и правильно перевела. *A blame*, обвинение. Это у меня было в статье с американского сайта криминальной хроники. Еще есть *an accusation*, тоже обвинение. А насилие — *a violation*. Я знала, а они — нет!

ВМ радовалась и зубы скалила, как конь маршала Жукова! Но если бы я ВМ сказала бы, откуда я такую лексику узнала, она бы в обморок грохнулась, задрав волосатые ноги.

ВМ и криминальные новости?! Никогдашеньки!

А моя Юлия меня сама спрашивает, про что мы будем читать сегодня. Кажется, ей реально в удовольствие заниматься со мной английшем. Без оценок и городского проверочного тестирования.

Интересно, если бы ВМ разрешили преподавать не по программе, она бы все равно проходила с нами эту ерундень из учебника? В сентябре я бы сказала, что да, конечно. А сейчас не знаю. Я все чаще вспоминаю ту ситуацию, из-за которой я начала ее ненавидеть. И все чаще думаю, что я себя вела как овца. Когда я в это поверю, я все запишу.

* * *

Я сегодня нашла на снегу монетки. У самого подъезда. Четыре десятки и рублей до кучи. Почти семьдесят в итоге вышло. Может, кто-то ночью вынимал ключи — и монетки высыпались. Тот, кто нашел, он же не виноват в том, что другой это потерял? Хожу теперь и смотрю под ноги. Вдруг еще чего найду.

Когда я была маленькая (ой! Вот я и написала эту фразу! Поздравляю, Вера, ты старушка) ... Когда я еще с Катькой Муравьевой дружила, а Сончиты у нас в классе вообще

не было, я тоже однажды нашла деньги. Пятьдесят рублей! Одной бумажкой.

Сейчас это меньше доллара. А тогда — не знаю. Мы их в школьной столовке потратили, с Муравьевой. А потом собирались смыться с продленки и ходить по улицам, искать деньги дальше. Верили, что еще найдем. Не смылись, нас охранница не выпустила. И мы потом долго переживали, что ничего не нашли. Верили, что это из-за охранницы.

Смешные глупые дети. Думаю, что мы бы все равно ничего не нашли и разочаровались бы. А так получилась несбывшаяся мечта.

И вот я теперь иду после уроков сразу домой без всякой продленки. Смотрю под ноги. И все подряд принимаю за монетки и купюры: крышки от пивных бутылок, рекламные стикеры, фольгу.

Потом я забыла, что я вроде как деньги ищу. Начала фоткать мусор на асфальте. Как летом станции метро на «серой» ветке.

Снимки плоские какие-то. Не потому, что я на мобилу снимаю, а потому что не знаю, под каким углом надо, чтобы было красиво.

Сугроб и в нем кусок картона — от новогоднего подарка. И непонятно, что это будто домик. Как в мультях и детских книжках рисуют домик енотика или ежика, где вместо крыши — книжка или крышка от кастрюли... А тут сугроб — как домик, а картонка — как крыша. Только никто этот домик не строил в сугробе. Просто выкидывали упаковку и промахнулись мимо урны. И получилась нечаянная красота...

Еще бывает красиво, когда кто-нибудь букет в сугроб выкинет. Даже если просто цветы завяли и их с балкона вышвырнули. Однажды видела березу, на ней гвоздики как будто цвели. Хотя я вообще цветы на земле не люблю. Сразу кладбище вспоминается и всякие места памяти, как под окном, из которого АД выпрыгнул. А ведь тоже, наверное, бегал по улицам, искал монетки, был маленьким.

Самое страшное, чего я боюсь, — это что мне однажды в голову придет мысль о самоубийстве и я не смогу ее прогнать.

Февраль. Внук Мороз и его открытка

У нас теперь есть искусственная елка. Маленькая. У мамы на работе стояла на письменном столе. Все их выбросили или спрятали в шкаф, а мама свою пожалела и захотела домой забрать. И забрала. Ура, теперь у нас снова Новый год.

* * *

картошка

черный хлеб (половинка)

кефир

молоко

туал бум

яйца

шпроты (если хватит, то 2 банки)

Учителям на подарки к 23 Февраля и 8 Марта!

Сдать до вторника, Надиной маме в раздевалке утром, до второго звонка!

* * *

Мам такая: «Я к тебе в интернет не лезу, вот и ты в мой не лезь».

Будто мы с ней реально сестры. Это она сидит и в планшете цветы раскрашивает. Разукраска-антистресс. Не знаю, я бы рехнулась. Это как вышивка или печенье печь. Не мое. Но печенье можно съесть, а картинки в интернете красить — это вообще детский сад, штаны на лямках. А мам нравится.

* * *

На русском повторяли сегодня типы неполных предложений. Олеся зачитывает пример: «На завтрак — пустая каша». И КД, как всегда, перекрикивает: «На завтрак — пустая тарелка». Ну, ляпнул этот чабан фигню, типа смешно ему. А Лилька с места сорвалась и Кирика вдруг сумкой по башке огрела. Будто мы в пятом классе учимся. Все как-то опухли. КД чего-то там про женские дни начал гнать, но вяло, будто сам себя стеснялся.

Лилька — в коридор. Я за ней.

Мы встали на лестнице, и я у Л спрашиваю, чего ее так вынесло. А она, оказывается, до сих пор сидит на этой своей стремной диете и завтракает сырыми овсяными хлопьями, от которых у нее мурашки по спине и внутри желудка. Я не знаю, бывают ли мурашки у слизистой оболочки, но это можно у биологички спросить. (Или нет, вдруг она начнет стебать, что мы это проходили и стыдно в девятом не знать такие вещи? Лучше проверю на форуме бесполезных вопросов.)

Короче, Л до сих пор типа худеет, ненавидит завтраки и эту пустую кашу в пустой тарелке. И не знает, худеет она вправду или нет, потому что ее папаша вчера совсем слетел с тормозов: выкинул с балкона электронные весы, и велел Лильке есть нормально, и ее чуть ли не лицом в тарелку тыкал. И все это «чтобы ты была счастлива и хорошо питалась».

Урод моральный!

У меня мам тоже может что-нибудь отморозить, а потом гнать, что это «ради твоего же блага». Как в анекдоте про тетку, которая всех любила ради мира на земле.

Мы опять рассказывали анекдоты, вместо того чтобы плакать. Мы молодцы! Мы не ломаемся. Вырастем. И наши дети ни за что не будут жрать кашу, если не хотят жрать. Или пусть жрут что хотят. И если мне мой

ребенок однажды скажет, что я ему жизнь испортила или что он меня ненавидит, я сразу пойду и в луже утоплюсь. А Л повесится на резинке от трусов.

Мы стояли на площадке между третьим и вторым этажами и шепотом придумывали, как будем самоубиваться, если наши будущие дети нас возненавидят. А потом я Лильке сказала, что ей эта диета реально не уперлась и что она уже достаточно похудела. Я, правда, не знаю, для чего именно достаточно. И вообще мне кажется, что у Л фигура такая же, как раньше, только сиськи как-то сдулись. Но ей про это знать нельзя.

(Я читала, что у многих женщин размер груди может меняться в зависимости от дня цикла. Британские ученые провели исследование! Я это читала на английском и с гугл-переводчиком, но кое-что переводила сама. Как нарочно, будто предчувствовала, что мне это пригодится для Л.)

В общем, я начала говорить про исследователей. Не помню, я это вычитала или сама придумала, что вес человека в течение дня может меняться на несколько килограмм.

Ну да, съешь килограмм салата, и в тебе появится килограмм салата, логично же? Не важно, правда это или нет, но мне надо было врать так, чтобы Лилька мне верила.

И я врала. На языке опять было сладко от вранья. Наверное, когда врешь для удовольствия, в организме что-то вырабатывается. Надо почитать. Можно на сайте британских ученых.

Мы после русского закосили от биологии, причем очень тупо — просто взяли сумки и в раздевалке внизу сели на скамейку. Хотя там учителя мимо нас к директору ходят и все такое. И если бы нас кто-то увидел, то накатали бы ВМ сразу. Но мы с таким серьезным видом сидели, наверное, что до нас никто не доскребся. А может, я своим враньем как будто сделала нас невидимыми, как в фильме про Гарри Поттера.

В общем, я задвигала Лильке про то, какая она прекрасная и как на нее уже подействовала эта диета. Я даже сказала, что сама на этой диете сбросила три кило. Хотя я на ней не сидела и не знаю — может, я, наоборот, за последнее время прибавила. Или реально сбросила? Надо бы проверить.

Л повелась на мои аргументы. Решила, что ну нафиг это похудание и что ее папахен был перстом судьбы. Пророком каким-нибудь. Как в «Сверхъестественном». В общем, мы пошли к автомату с шоколадками. Тут нас запалил охранник, но не ругался, а сказал, что медсестра сейчас в столовой.

И тут до меня дошло, чего к нам никто из учителей не прискробался: мы сидели на той скамейке, которая ближе всего к медкабинету! Все думали, что мы врачиху ждем, Л как раз удачно ревела, как будто ей вправду больно.

У нас хватило денег на пакет шоколадного драже. Л. на него накинулась, как Марсюша на корм после прогулки. А ведь даже похоже немного — коричневые вкусные шарики. Мы решили, что драже — это корм для грустных девочек. Бывает же корм для маленьких пожилых собак или вообще корм с учетом особенностей породы. Мы сразу начали придумывать, какой мы породы. Тут пришла врачиха, и Лилька ей наврала, что у нее месячные. А у меня запас вранья кончился. И я потом сидела на алгебре, физике, истории и литературе. Ну и на английском, куда ж без него. ВМ меня вызвала к доске, я иду, а она ящик стола задвигает. И там пакет с таким же шоколадным драже.

Без комментариев. Это просто конфеты за тридцать пять рублей.

* * *

Сегодня Лилька притащила мне на перемене свое ДЗ по английскому, им Алина на согласование времен дала упражнение, элементарное, причем можно при-

меры самой придумывать. У Л все примеры начинаются с «Если бы я была парнем».

«Если бы я была парнем, я бы убила одного человека».

И еще там чего-то сослагательное, там такие косяки с временами, я даже в смысл не вчитывалась. Поправляла ошибки и гордилась тем, что я Л домашку помогаю делать. Раньше, наоборот, она мне правила, хотя я знала, что у Л инглиш очень слабый.

А теперь сижу и думаю, что бы я делала, если бы я была бы парнем. Хм! Я бы поздравила меня с Днем всех влюбленных.

* * *

Завтра четырнадцатое! ДСВ! Неизбежный! Как начало четверти. Я боюсь, что будет опять как в седьмом классе!

* * *

Сончита притащила целый пакет валентинок и раздала их всем, вообще всем в классе. И Паше-и-девочкам, и Рудневу, и Коробу, всем нам. И физручке Наталье! Наталья сказала, что это «такой шикарный жест, прямо по-королевски».

Сончита реально королева. Она что угодно может себе позволить, в принципе. Она позволяет себе делать добро. КД у нас типа самый умный нашелся, сказал, что это «правильный пиар-ход». Может, если бы это Кирик сам так поступил, он бы именно пиарился на Дне святого Валентина. А Сончита — просто потому, что она Сончита. Как главная героиня фильма, в котором мы все живем.

Когда Сончита перешла к нам в школу, в седьмом, это тоже было перед ДСВ. У нас тогда был один парень, по фамилии Мороз, он мне даже не особо нравился. И он четырнадцатого ко мне вдруг подходит и дарит открытку с ангелами.

«Вера, поздравляю тебя с Днем всех влюбленных».

А имя «Вера» написано поверх белой замазки, и мне было понятно, что там сперва другое имя было написано.

Дома я показала открытку, и мне мам говорит: «Не отскабливай, не надо знать, это чужая тайна». А я все равно отскребла. Там было написано «Соня». То есть он сперва хотел подарить валентинку Сончите, но передумал или она его послала. Она тогда резкая была. И я не знала, что мне делать. А мам говорит: «Живи так, будто ты ничего не знала, и не лезь в чужую жизнь». Я не стала никому об этом говорить. Даже Лильке. Наверное, если бы открытка была не для Сончиты, а для кого-то другого,

я бы обиделась. Но это Сончита. Не знаю, можно ли так писать, но она хорошенькая, как мой замшевый брелок-ботинок. Мам говорит: «Как коллекционная кукла». Даже не обидно, что сперва этот Мороз хотел ее поздравить. Наоборот, приятно, что он меня выбрал после нее.

А больше я про Мороза ничего почти не помню. Он после того ДСВ сломал ногу и несколько месяцев в школу не ходил. А потом я сама привыкла думать, что ничего не было. А потом он перевелся в другую школу. Так что я про него только помню из-за этой валентинки и еще из-за того, что в первом классе его с продленки забирал дедушка. Входил в класс и говорил продленщице одно и то же: «Я дедушка Мороза». А мы все хором орали от восторга: «Дедушка Мороз!» А он потом исправился, начал говорить: «Я дедушка Димы». А так я бы и не запомнила, что Мороза звали Дима.

Внук Мороз с переправленной валентинкой. Блин, есть что будущим детям рассказать про первую школьную любовь. Вот! Пусть это и будет моей первой любовью. А все мои дурные пляски вокруг КД — это реально дурные пляски, ну их нафиг. А на английском в честь ДСВ мы полурока слушали всякую романтическую мутотень. «Когда я тебя люблю, все розы цветут» или что-то в этом духе. Не помню, кто поет. Он еще поет всякие рождественские гимны, ВМ их нам в декабре запускала, я помню. А когда еще не было запрещено праздновать Хеллоуин, ВМ нам

устраивала конкурсы с яблоками в тазиках, конкурсы костюмов и потом всех конфетами угощала. Не помню, я ее тогда уже ненавидела или еще нет? Вообще было здорово, мне кажется.

Глянула через поиск: фамилия мужика Синатра. Буду знать.

* * *

В феврале зима решила, что ей наконец-то пора начаться. В ленте опять у всех демотиваторы с замерзшими мордами и стишок про «минус тридцать три — сдохли воробьи». Я про этот стих каждый год забываю, а потом начинается холод и он опять ко мне приклеивается. Как жвачка к подошве. Я даже шагаю в ритме стиха. Это не значит, что он хороший, но пока его бухтишь, не так холодно к метро идти. И вот теперь мне жалко, что Юлия живет на легкой линии — там на платформе задубеешь поезда ждать.

Я от холода тупею. Когда мерзну, вообще ни о чем не могу думать. Только о том, что скорее бы в тепло забраться. Как будто я в прошлой жизни была голой китайской собакой, которая окоченела в снегу без комбеза.

В общем, я сегодня из-за мерзлоты адски затупила, решила обратно ехать не через серую ветку, а через рыжую, а потом дошло, что от рыжей до нашего дома на автобусе пилить дольше и я даже номер не помню. Раньше была сто одиннадцатая маршрутка, а как ее переименовали, я не знаю. Или забыла от холода. Вера — человек-дебил. И лохушка.

Я начала крутиться с пересадками — в самый час пик, я же говорю, лохушка. С рыжей на серую прямой пересадки нет. И я никак не соображу, куда мне идти, будто я в московском метро первый раз в жизни, а не родилась в нем практически. Короче, я стояла на кольцевой, на «Октябрьской». И думала только о том, что я через час выйду из метро, а там такой холодильник, что хочется разучиться дышать, чтобы не глотать морозный воздух!

А потом я посмотрела на кафельную стену. Она обычная, из квадратиков. Как всегда в метро бывает и в бассейне. И мне вдруг представилось, как из тоннеля сейчас вместо поезда хлынет голубая теплая вода. И мы все согреемся. Не намокнем, а оттаем. И вода нас как-то донесет до домов. Или, может, поезд будет плыть внутри теплой мыльной воды.

Я еще вспомнила мульт про желтую подводную лодку. Мы с Юлей смотрели сегодня, и она мне рассказывала, что у «*The Beatles*» песни на самом деле простые в плане

смысла текста. Но когда у нас в стране по ним люди фанатели, мало кто мог нормально тексты песен разобрать на слух и перевести, многие думали, что там что-то глубокомысленное, такая кастанеда головного мозга. А все очень просто. Хотя простое тоже может быть глубокомысленным.

Я сейчас в тепле оттаяла, и у меня мозги разморозились, я прямо чувствую, как мысли в голове крутятся все быстрее.

Я четыре вещи сейчас успела подумать. Там только одна интересная — что я сейчас не могу нормально песни на английском слушать, пробую перевести их смысл, сбиваюсь на первой или второй строчке и не могу следить за тем, какая музыка и каким голосом ее поют. А если это клип — мне еще и картинка мешает.

Вывод: английский язык взорвет мне мозг! И песни никогда не будут прежними.

У меня перед глазами — мультик про голубой подводный поезд метро! Совсем как с желтой подводной лодкой. Даже не надо объяснять, как бы я его нарисовала бы.

Остальные три мысли я уже забыла.

Я хочу айфон. Не то чтобы прямо так хочу, что сию секунду помру, если у меня его не будет. Но хочу. Так, что хоть проси его у золотой рыбки, Деда Мороза или бога. Вообще, я не знаю насчет бога. Мне кажется, неловко его беспокоить по материальным вопросам. А ГИА — это моральный или материальный?

Если выбирать между айфоном и ГИА, я бы, конечно, выбрала ГИА, потому что мне надо пойти в нормальный десятый. В смысле, мне бы пришлось так выбрать. Но на самом деле одно от другого совсем не зависит.

А вот если бы мама, например, решила меня замотивировать: «Если сдашь ГИА, я тебе куплю айфон», — я бы, конечно, впахивала как бешеный бабуин. Но у меня мам на такие подвиги не способна. И во-вторых, у нас в семье финансовый кризис размером с черную дыру.

Мам в очередной раз радуется, что Юля согласилась со мной бесплатно заниматься. А я, кстати, об этом не знала. Думала, мам ей через вебмани или с кредитки на кредитку кидает деньги. Или на мобильник. Потому что...

Ну вот не знаю, была бы я вот так способна заниматься с чужим человеком (даже не английским, им-то только

за деньги, даже если бы я его знала хорошо!), ничего за это не получая. Я не понимаю: зачем Юле это надо?

Я думала, она обычный фрилансер. Репетиторство и переводы с английского. А она, оказывается, вообще дефектологическими детьми занимается по жизни.

Я сегодня спросила, зачем она согласилась. Она ответила по-английски, я не все поняла, мы потом вместе переводили ее ответ. Ну, короче, Юля со мной типа отдыхает. Потому что у нее все остальные клиенты альтернативно одаренные. И ей надо иметь под боком одного стандартного ребенка, чтобы было с чем сравнивать. Так что я — как бы эталон. Как в анекдоте про носки обычного человека и носки курильщика. Или мозги? Я сейчас про другое задумалась.

Если бы моя мама не развелась бы с отцом, в смысле, если бы они вообще поженились, то у нас в семье было бы больше денег. И можно было, наверное, просто подойти и сказать: «Папа, я хочу айфон». И он бы мне его купил. Или, если бы у меня был парень, я бы могла его попросить.

Вообще это все как будто не я думаю, а как героиня одного фильма. Ну, не одного, многих. Мне опять кажется, что моя жизнь — это кино. Вот прямо сейчас — психологическая мелодрама. А в школу приходишь к ВМ на ин-

глиш — и там сразу начинается комедийный ужастик. У Сончиты — всегда романтическая комедия. А у Лильки — триллер иногда.

Вторая мысль не пересекается с первой, строго по геометрии Лобачевского: я же, наверное, могу просто так позвонить своему биологическому папе и попросить, чтобы он подарил мне айфон? Мне это реально в голову не приходило! Овца?

Нет. Просто неловко. Потому что папа мне как бы чужой человек, а у чужих просить стыдно. Но я ему скажу: «Ты только маме не говори».

Нет, не скажу.

Нет, просто спрошу: «А что ты мне хочешь подарить на день рождения?»

Вы действительно хотите удалить эту запись? Нет.

* * *

Я позвонила своему отцу! Черт!

Он снял трубку, я говорю: «Это Вера».

Он говорит: «Кто?»

Я: «Я твоя дочка».

А он: «Я тебе перезвоню через десять минут!»

А если бы я в этот момент умирала бы?! Я бы успела умереть.

10 минут. 11. 13 минут. Он не перезвонил.

У него вообще телефон отключен теперь.

Я пишу ему: «Ты мне не отец!»

Жалко, что нельзя удалять уже отправленные сообщения!

***

Вообще, все так паршиво. Папа не перезвонил. Я ему не нужна. Я об этом думаю, и мне ничего не хочется, даже дышать.

Не знаешь, что делать, — делай английский!

Сижу, делаю. Косячу по полной, потому что мозг занят будущим телефонным звонком от папы.

А он не звонит. А я неправильные глаголы долблю. Если мозг занят, психовать некогда.

If my mind is busy, I can't go crazy.

* * *

Я думала, это папа звонит. А это Ирина Болеславовна, соседка снизу. Я в детстве боялась ее отчества. Думала, раз она Болеславовна, значит, у нее болит все время что-то. Поэтому она такая злобная.

Она, когда переехала в квартиру под нами, нам все время в батарею стучала, ругалась, что я шумлю. Однажды написала на нас заявление в полицию. «Ребенок ночью бегают босыми ногами в туалет, и у меня трясутся люстра и стекла». Мам это заявление у себя в блоге вешала. А потом мама с Ириной Болеславовной однажды разговорились. Оказалось, что ИБ в эту квартиру переехала после смерти мужа. Они жили вместе тридцать лет, а детей у них не было. И ей было грустно от того, что у моей мам есть я. По-моему, она сама виновата, могла бы и усыновить в детдоме, если бы реально хотела ребенка. Но она на меня больше не писала заявления. Однажды подарила нам с мам билеты в цирк — ей на работе выдали, а ей идти не с кем и незачем. И мы сходили.

А теперь у ИБ наши запасные ключи хранятся. А у нас — ее. Еще она нам звонит, если надо поменять лампочку в люстре. У ИБ акрофобия, боязнь высоты. Она залезает на табуретку, и у нее сразу кружится голова. У меня не кружится, но я не люблю ходить к ИБ. Она разговорчивая. Вот мам к ней спокойно ходит. Часа на два с половиной. Как в демотиваторе: «Я к соседке на пять минут, а ты через полчаса суп выключи».

Я не хочу брать трубку. Я жду папу.

А звонит опять соседка.

* * *

Саму лампочку сменить — дело трех минут. Сколько нужно Вер, чтобы сменить лампочку у соседки? Ни одной. Пока соседка Веру выпустит, Вера распадется на аминокислоты. На нуклеотиды какие-нибудь.

Но мам сбросила смс, что ИБ очень просит зайти. И мам знает, что я сейчас дома. Не соврать, что меня нет. Я в założниках у ситуации. Если бы вдруг сейчас у Марсика понос бы начался? Когда не надо, он всегда хочет на улицу! А сейчас не хотел.

Я шла с семнадцатого этажа на шестнадцатый так медленно, что за это время могла бы до первого доскакать.

А я плелась. Как на скучном уроке, когда в туалет по-настоящему не надо, но сидеть и слушать эту муть невозможно. Тогда я отпрашиваюсь и специально иду в самый дальний. Сейчас я ползла на один этаж вниз. И первый раз в жизни жалела, что не курю. А то бы еще постояла на лестнице с сигаретой.

Между прочим, когда Ирина Болеславовна только переехала в наш дом, она курила на лестнице (хотя жила одна и на нее и в квартире бы никто не ругался). А когда она бросила курить, сразу начала ругаться на тех, кто курит. Как же раньше у нее от этого дыма голова не болела?! В общем, это такое же лицемерие, как с нашей завучихой и конкурсом песни. Я еще подумала про конкурс и немножко спела, прямо на нашей лестнице. У нас патриотичная песня совсем не патриотичная, без трескотни.

Нам ВМ ставила запись на «классчае», а сами мы еще не учили. Очень простая песня, но от нее страшно становится. То есть сперва не страшно, пока ВМ не объяснила, про что там поется. Про детский сад, который плыл в эвакуацию, а его разбомбили фашистские летчики. Они знали, что стреляют по судну, на котором плыли дети. И все равно стреляли. Судно утонуло, а панамки остались плыть по воде. И всё.

«Белые панамки», автор Егоров. Выучить к четвергу, даже если слуха нет!!!

Я решила, что на лестнице учить очень удобно. Эхо! И еще солнце сквозь лестничные окна — яркое, как будто летнее. И небо как летнее, если не знать, что сейчас зима. Яркий свет, и в нем пылинки крутятся. Как ноты песни.

Я слова почти не помнила, но можно и без них. Мелодию напела, одним звуком «а». Эхо откликалось.

И я не слышала, как Ирина Болеславовна открыла свою дверь. Она крикнула сквозь песню: «Веруня, я тебя жду!»

Я не «Веруня» никогда в жизни!

Жалко, что я была в тапках, а не в ботинках или кедах. Я бы тогда шнурки три часа вязала — сперва за-, а потом раз-вязывала.

Потом я подумала, что я себя веду как перед невыученным уроком. Получу скорее свою «пару» — и всё, Добби свободный эльф!

Захожу к Ирине Болеславовне. А у нее свет горит в коридоре и на кухне. И вообще везде. А где лампочка перегорела — непонятно. Все на своих местах. Чего меня тогда звали?

ИБ стоит на пороге комнаты. На ней пальто и ночная рубашка.

Я решила, что она рехнулась. Вот мам дает! Отправляет меня к соседке, а у той, оказывается, крыша съехала, остался один плинтус! Задушит меня не задумываясь!

Я от страха не сразу поняла, чего ИБ от меня хочет. Стало страшно. Как будто сейчас — начало новой серии Моего Любимого Сериала. Там до титров и заставки показывают, как нечисть нападает на жертв. И я будто в роли жертвы.

У меня страх сразу полез! Такой, интересный. Будто это немножко кино.

А потом Ирина Болеславовна говорит: «Плохо с сердцем».

Оказывается, она хочет вызвать себе «скорую». Но боится. Я не поняла, чего именно.

Мне показалось, что ИБ просто врачей боится и больницы. Я бы тоже боялась, мне кажется. Мне и сейчас стало страшно. Вдруг Ирина Болеславовна начнет прямо умирать, а я не знаю, чего делать. Вот если бы я была Сончитой, которая на ОБЖ рассказывала, как их в скаутском лагере учили помощь оказывать, я бы сразу все сдела-

ла как надо. Или хоть в инете бы пошарила. Но я была без мобилы.

Но ведь Ирина Болеславовна не знает, что я не знаю, как людей спасать! Она в меня верит!

Я об этом догадалась и как решение задачки ухватила, за секунду. Когда читаешь условия и сразу понятно, как решать.

Я решила, что буду как будто Сончита, неотразимая в своей крутизне! Я сказала: «Все будет хорошо! Вы прилягте. То есть приляжьте!»

Я не знала, как правильно. Ирина Болеславовна тоже не знала. Это было смешно. Она легла на диван. Так послушно, будто мы в доктора играли. Хотя я давно не играла. И она, думаю, тоже, раз у нее нет детей и внуков.

Мы решили, что правильно говорить «Давайте ложитесь на диван». И еще чего-то решили, тоже смешное. Я сейчас не вспомню.

Мне кажется, там у Ирины Болеславовны дома не я сама была, а будто в меня вправду нечисть вселилась. Чужая личность. Я вообще не помню, как я двигалась, о чем мы шутили. Помнила про себя две фразы. «Я Сончита, я кру-

тая». И «Надо смеяться». Это наш с Лилькой закон про то, как себя вести.

Я вызвала «скорую помощь». Я сказала, как попросили: «Моей тете плохо». А потом диктовала адрес и чуть не назвала нашу с мам квартиру вместо этой.

Когда меня диспетчер спросила, кто говорит, я чуть не сказала, что меня зовут Софья. Мне даже показалось, что я говорю голосом Сончиты. И двигаюсь, как она. И такая же красивая. Я специально старалась не смотреть на себя в зеркало, чтобы не отвлекаться на свое отражение. Оно мне было не нужно. Я была как актриса. Играла роль очень смелого человека.

Мы ждали «скорую». Я боялась, что они будут долго ехать и что Ирине Болеславовне за это время станет плохо. Но «скорая» — вправду скорая. Я только успела сложить в пакет то, что ИБ попросила, — чашку, тапки, зарядник для мобилы. И записала на отдельный листочек, как поливать цветы и чем кормить рыб.

Оказывается, у ИБ в той комнате, которая под моей, стоит аквариум. Наверное, когда я бегала в детстве, у аквариума стенки дрожали и стекла тряслись!

Я пока писала про рыб, у меня почерк был немножко похожий на Сончитин. И в голове как будто ее мыс-

ли появились. Я вспомнила, как Сончита говорила, что в стрессовой ситуации человека надо подбадривать и касаться только позитивных тем. Я подумала, что Ирина Болеславовна своих рыб любит, и хотела про них поспрашивать. Мне реально стало интересно: если рыбы тут давно, почему я их никогда не замечала в упор, хотя в этой комнате была и лампочки меняла.

Но тут врач зазвонил в домофон. И ИБ мне подсказала: «Ты моя племянница!» Я потом подумала, что, наверное, мне ее стоило называть тетей Ирой или тетей Ириной. Но вообще, племянница же может родную тетю называть по имени-отчеству, правда? А пока врач поднималась в лифте, мне ИБ успела наконец сказать, чего именно она так боится.

Боится, что в больнице узнают, что она одинокая, и заставят подписать дарственную на квартиру. Что одной ее знакомой старушке в реанимации дали такую бумажку, велели подписать, а старушка от возмущения в себя пришла!

Пока Ирина Болеславовна мне все это говорила, она на диване подпрыгивала немного. И руками размахивала. Как мы, когда на уроке шепчемся. А я, наоборот, стояла в шоке, потому что про такие вещи вообще не знала.

И тут пришла врач со «скорой». Сразу мне сказала: «Девочка, выключи телевизор». А я в упор не замечала, что телик работает. Он как-то сам по себе бухтел, почти без звука. Фоном.

Он у Ирины Болеславовны всегда так бухтит, я поэтому и не замечала. А врачихе он мешал слушать фонендоскопом! И писать бумаги.

Врачиха пошутила: «Ну вот, Болеславовна, а болеете». Не я одна, оказывается, так шучу.

А потом велела собираться в больницу. ИБ собиралась и меня все время называла «Веруня». Но мне теперь было без разницы. Я записала, в какую больницу Ирину Болеславовну положат. Врач велела. И я послушалась. Чтобы не выдать, что я не племянница. Племянницы навещают тетю в больнице. Но соседку же тоже можно!

Главное, я чуть не прокололась в конце. Когда ИБ вышла из квартиры, я тоже чуть не вышла. Хотя мне ИБ заранее показывала, на какой замок потом что закрыть! И просила везде свет потушить. А у рыб оставить все как было.

ИБ уехала, и я ее квартиру закрыла как можно быстрее. Я только теперь испугалась.

Я к нам поднимаюсь, а там вызовы от папы. На мобильнике. Восемь штук. Он звонил девятый раз, когда я вошла в дверь. Марсюша извылся, он не любит, когда телефон звонит. А я вообще забыла, что звонила папе. Что он у меня вообще есть. Я как-то к этому не привыкла.

Папа спросил, что у меня случилось.

И я ему начала рассказывать про Ирину Болеславовну, как мне было страшно сидеть у нее дома, пока ехала «скорая».

Я забыла, что я хотела попросить айфон. Папа решил, что я звоню, потому что мне страшно. Он меня успокаивал. Говорил «маленькая моя». И еще смешно меня называл, «картошечка». Я не знала, что меня так звали. Это моя мама про свой живот (со мной внутри) говорила, что ей как мешок картошки привязали. Я не только «чудище», «лох-нессик» и «лохушка». Я еще и «картошечка».

Я не знаю, почему у них не получилась семья. Мама мне про это несколько раз говорила — и все время по-разному.

Вообще, когда я своего папу увидела первый раз, я разочаровалась. Я его представляла совсем другим. Похожим на всех актеров одновременно. А он толстоватый и лысоватый, от него пивом пахнет, у него на правом

глазу родинка, на веке, большая. И мне как-то стремно было: вдруг у меня такая же вырастет? Если бы я была мальчиком, я бы знала, как я потом состарюсь.

Мы оба раза встречались втроем. Я, папа и мам. И я не знала, как с ним говорить. Мы же никогда не говорили на двоих. А тут я начала про «скорую» рассказывать. А он меня утешал. Я не знала, как это бывает здорово, когда тебя утешает папа.

Я потом говорю: «Приходи ко мне на выпускной».

А он удивился, он думал, выпускные только в одиннадцатом классе бывают, а в девятом их нет. Он вообще какой-то оторванный от реала: не знает, что теперь ЕГЭ и ГИА, а не устные и письменные экзамены, не знает, что в началке четыре года учатся. А я не знала, кем он работает. Теперь знаю. Водителем в курьерской службе. Развозит заказы. Какое-то оборудование, он сам не знает какое.

Я спросила, какая у него зарплата. Он спросил: может, мне чего надо купить? Я сказала, что нет. Я знаю, сколько получают водители курьерской службы. Там если айфон брать, то только в кредит. Я ему говорю «Ты приходи ко мне на выпускной, просто так, без подарков. У меня все есть».

Я думала, что он скажет спасибо. Или что он меня любит. А он сказал «хорошо». И попрощался.

А я потом пошла на кухню и начала есть мандарины.

Такой день длинный. Хочется лечь на пол, закрыть глаза и отключиться. А у меня геометра, руссиш и физика. Хорошо, что я английский сделала. На автопилоте.

Не знаешь, что делать, — делай английский.

* * *

Сегодня я выбирала себе свою будущую старость.

Я ехала от Юли. Еще по легкому метро, самую первую остановку домой. А там новые вагоны, с сиденьями, на которых умещается по пять человек. Напротив меня сидело пять разных пожилых теток. Разных и одинаковых. Они между собой не были знакомы. Они просто так сидели, поодиночке, но так странно, что хотелось вынуть мобильник и их сфоткать. Но в открытую стеснительно, а с другого ракурса не тот эффект. Я просто разглядывала их, будто они картины в музее. Часть экспозиции.

Причем «часть экспозиции» я сперва на английском подумала, «*the part of exposition*». Это из того документального фильма, который мы сегодня с Юлей смотрели

и разбирали, там про Сикстинскую капеллу и про всякие легенды, которые с ней связаны. Я про это должна написать.

Вторник: сочинение про капеллу Юле! На почту до 15:00!

В общем, из-за этого фильма в голове осталось ощущение, будто я видеокамера. И я на все, что происходило в метро, смотрела так, будто я это снимаю.

Я еще думала, что вдруг опять того актера-клоуна увижу. Но вот сколько к Юле езжу, ни разу больше не встречала. Может, он тогда всего один раз и случайно представление давал? Специально, чтобы я его увидела?

(Самое обидное: когда я мам про клоуна рассказала, она вдруг такая: «А ведь это он мог у тебя вытащить мобильник!» Будто мам его сама видела и прямо может о нем судить!)

Я смотрела на старых теток. Они примерно одного возраста — за пятьдесят. Как наша ВМ. И примерно одинаково одеты. Начнешь описывать — будет про них всех одно и то же: *a cap, a scarf, a bag, a coat, gloves, a book*, сапоги и очки. И очень яркая помада на губах. У всех пятерых. Помада разных оттенков, но вот реально яркая. Будто специально из-за того, что зима и холодно. И чтобы от этой унылости серой не озвереть, пожилые тетки ма-

жут губы самой яркой помадой и на свои черные пальто цепляют яркие шарфики, словно зиму отпугивают.

Я не могу объяснить, их надо было видеть, этих теток. Сидят все пять, с книжками — живыми и электронными. Все читают. У всех лица разные. Морщины по-разному лежат. Форма лиц разная, прически, цвет помады и теней, ну, одни тетки тощие, другие наоборот. Но главное, что ни одна из них не улыбалась. Я поэтому и задумалась: «Неужели я в старости тоже буду такой унылой?»

Старые люди гораздо сильнее отличаются друг от друга. Как осенние листья — не бывает двух кленовых одинаково красно-желто-зеленых, всегда узор будет отличаться. Так и со старостью. У всех стариков лица разные.

На самом деле я на этих теток совсем недолго смотрела, может, минуту или две всего, потому что на следующей остановке одна тетка вышла, а другая пересела. И «экспозиция» нарушилась. Но я какое-то кошмарное количество мыслей успела передумать: про себя, про мам, про то, почему людям так сложно улыбаться, про то, что, если бы все тетки читали одну и ту же книгу на одной и той же странице — с такими разными выражениями лиц, — это был бы флешмоб. Или кадр из социальной рекламы.

Наверное, надо было их просто сфотографировать, и все. А я упустила этот момент и не могу успокоиться до сих пор.

Мне не страшно, что я стану старой. Наоборот, это значит, что я проживу долго. Мне страшно, если я буду хмурой, мрачной старухой. И у меня ничего не будет в жизни, только, например, электронная читалка. И резиновые сапоги. Но они будут тоже дурацкие и яркие. Как я.

Подумала: а вдруг, когда я стану старой, все яркое будет не в тренде? И я такая еду, как сейчас, куртка красная, ботинки желтые, рюкзак голубой, перчатки, помада, шарфик, книжка — тоже разных цветов. И на меня какая-нибудь овца четырнадцатилетняя будет смотреть и думать: «Вот пожилая тетка вырядилась!» И пестрое будет считаться старушечьими цветами.

Ну и ладно! Главное, чтобы я не была хмурой. Чокнутой бабкой быть согласна, как в тех комиксах, у датчанина, что ли. А хмурой — ни за что в жизни. Буду веселой старушкой. Ездить в метро и хихикать. А метро, наверное, тогда вообще все станет легким, как у Юли на линии. А я такая: «Это вы, внучата, порошу не нюхали! Раньше-то метро было вообще подземкой!!! Страшной и черной».

Во, вырасту, стану внуков тоннелями пугать. Хотя нет, не стану! Тоннели клевые.

Интересно, а у этих пожилых теток из вагона есть внуки? Хоть у одной? Ну почему они такие мрачные-то все сидели?!

Апдейт: про веселых старушек — это не датчанин рисовал, а финка. Финляндка. В общем, художница-финн, Инга Лёёк. Я когда ее картинки смотрю в сети, то всегда боюсь, что на следующей вместо двух старушек одна останется, как в жизни.

Но они же рисованные! У них все будет хорошо!

* * *

Мне кажется, что я — это Ирина Болеславовна, когда я хожу к ней рыб кормить. Мне страшно. Я не знаю, если бы мне заранее сказали, что я буду одинокая и бездетная... Иногда лучше не знать свое будущее.

А вообще одинокой и бездетной можно по-разному быть. Как Юля. Или как ВМ. Они тоже без детей и мужа, но они другие. Не кричат по этому поводу. А у Ирины Болеславовны вся квартира кричит. Даже рыбы выглядят занудно.

У нее очень скучно. Будто она живет сама у себя в гостях и себя стесняется. В шкафу много полотенец, простыней и комплектов постельного белья. Нераспакованных. А между этими стопками простыней зачем-то лежат куски мыла.

Я не рылась у ИБ в шкафу. Это я полотенце и халат искала по ее просьбе. Халат был новый, с этикеткой. И полотенце с ценником.

Я не понимала, почему мне на эти простыни так грустно смотреть. Потом дошло. Для одной Ирины Болеславовны их слишком много. Она не очень молодая. Даже если она их будет каждый день менять, ей их слишком много. Тем более, что ее нынешний халат совсем старый и страшный. С заплатками на рукавах. И простыня с наволочкой на кровати тоже унылые до чертиков. А в шкафу лежат нарядные простыни в подсолнухах и кораблях. Зачем?

* * *

Дорогая Вера! Поздравляю тебя с днем рождения! Твоя Вера!

Все-таки хорошо, что у меня полное имя и короткое одинаковые. Потому что Екатерина и Катя — это разные статусы. Лилия и Лиля — тоже. А я всегда будто сразу

взрослая. Только еще есть старый фильм «Маленькая Вера». Я его ненавижу из-за названия.

Мне пятнадцать!

Хочу пролистать этот блог на десять лет вперед и посмотреть, какой я стану, когда выросла. И что сбылось.

* * *

День рождения, оказывается, это такой праздник, который никогда-никогда не сбывается так, как ты мечтаешь. Но иногда это «не сбывается» бывает куда лучше, чем мечталось. Ну, или просто лучше, но по-другому.

Я на ДР всегда плачу, хотя бы минутку. И мам плачет. Она от радости, потому что это трогательно, а я — от нервов. И еще как примета, что ли. Мне кажется, что такие слезы — это как жертва языческим богам, чтобы их задобрить. Один раз капнула — и откупилась, теперь все будет хорошо.

* * *

Мне не хватает слов, которыми можно говорить. То, что я чувствую, похоже на фильм. Но я не могу его никому показать.

Мне Юля задала сочинение, и я поняла, что некоторые слова не знаю. Не на английском, а на русском. Про эмоции. Про всякие переживания. Мне Юля говорит, что это проходит, если читать. Как можно больше, самого разного. Не фанфиков. Именно книг. Не знаю.

Мне с фанфами легче, потому что в шапке всегда стоит, сколько слов, пейринг и предупреждения типа «смерть персонажа». И если текст не зашел, можно открыть другой с тем же пейрингом. А в книге персонажи написаны один раз и навсегда. И они нереально огромные, эти тексты.

Кстати, Юля мне на ДР подарила абонемент на британское кино, три приглашения на два лица. Можно пойти на три любых фильма, там все с субтитрами будет. Хорошо, что три: можно по очереди взять Лильку, Сончиту и маму. И мне только сейчас пришло в голову, что с субтитрами — это как будто учебное пособие, что ли. Но мне не обидно. Юля знает, что я люблю кино. Поэтому и дарит именно его, а не книги на англ, например, — вроде учебник, а приятно.

* * *

Ирина Болеславовна выписывается завтра. Ура! Никаких рыб!

Еще один факт обо мне, который я про себя не знала: когда мне обидно, я начинаю повторять код нашего дофона.

Мы сидели на химии с Л, а за нами вместо Надьки и Светки сели Кирик и Фаддеичев (Паша-и-девочки). Сейчас грипп, народ болеет табунами. Химоза пошутила: «Первый вариант чихнул, второй завтра тоже начнет греметь соплями».

Вообще смешно. Хотя выражение «греметь соплями» мне не нравится дико. Ну вот, четвертая парта не пришла, и пятая села за нами. А у Кирика тоже насморк, и он все время сморкается с кошмарным звуком, как бомж в метро.

Такое один раз услышишь, и то тошнить станет. А этот чабан сидит буквально у меня за ушами. И гремит! Такое ощущение, что его сопли мне в уши сейчас прилетят. Детский сад, штаны на лямках!

Но если показать, как меня это достало, он обязательно этот свой дебилизм усилит. Не знаю, саксофон откуда-нибудь припрет и в него сморкаться будет.

Нельзя дергаться или ежиться.

Я знаю, что нельзя.

Я сперва сидела и изо всех сил думала, как меня вообще угораздило в том году в Кирика втрескаться и почему мне его замесы казались такими смешными. Почему я бы в том году, как дура, сама бы смеялась, что Кирик изображает сопливого слона. А сейчас меня тошнит не только от звуков, а просто от чужого дебилизма. Про это можно было долго думать, но тут он реально чихнул мне в шею. Я поворачиваюсь и говорю:

— Кирилл, пожалуйста...

А этот чабан такой перебивает:

— Спасибо!

И сам ржет, и у него еще улыбка, как у клоуна-убийцы из бездарного ужастика. И что-то такое мерзкое еще у него, я не знаю, то ли нос у него блестел, то ли уши слишком оттопыренные.

И он мне раньше нравился?! У него же волосы как пыльная тряпка! Как я в этот ужас влюбиться могла? Или он так опустил всего за год?

Я не помню, как я успела про это подумать за одну секунду. Наверное, всего одной фразой: «Ну Кирилл и коз-

лина!» Я сама от этой мысли в шоке была. И сквозь шок так спокойно говорю:

— Пожалуйста, пользуйся носовым платком!

Отворачиваюсь — и потом опять сразу мордой в учебник, типа я слежу, что нам химоза говорит. КД дальше своим насморком наяривает, ему Лилька говорит, что он нас всех заманал конкретно, и вроде Пашка тоже приложился, на пол его спихнул вместе со стулом. И вот уже КД лежит на полу и сопли по нему размазывает.

Химоза такая: «Цирк уехал, клоуны остались!» — и там дальше погнала про то, что ты чего, Дергунов, совсем, что ли, обкурился? Кирик ей чего-то вякает.

А я сижу за партой, прямая, как актриса из фильма про английскую королеву. И мне стыдно, что я в этого уроды была влюблена. А вместо мыслей почему-то: «Сто ключ три два один».

Я сперва не поняла, что это вообще за цифры. Пароль от старой почты? Или наш личный ящик у интернет-провайдера? Повторила несколько раз. Подумала: может, Л знает, что это? А потом дошло, из-за слова «ключ»: это код нашего домофона. Я когда из школы возвращаюсь, на автопилоте набираю код. Причем я его не по цифрам помню, а на какую кнопку в какой очередности давить.

Я в любой несознанке могу так в подъезд войти, наверное. Ну вот, на химии я тоже была в отключке, хотя вроде ржала вместе со всеми.

Потом в кабинет пришла ВМ и начала Кирика строгать — у нее как раз «окно» было. Ну он нашел время высморкаться... Повезло как утопленнику.

Проверила по Вики: поговорка на самом деле длиннее. «Повезло как субботному утопленнику — в баню ходить не надо».

Субботний утопленник — это как раз КД. Он не козлина. Он вообще... Умела бы рисовать — нарисовала бы, как он тонет в этих своих соплях дурацких. Ну мне иногда кажется, что пятнадцать лет — это такой специальный особенный возраст, который у девочек и парней вообще не похож. Как половые органы. Они же абсолютно разные! Мы такие умные уже, а эти полудурки ржут и соплями стреляются. Ну чего тут скажешь?

Сто ключ три два один!

* * *

Ирина Болеславовна дала мне тысячу рублей. Сказала, что я заработала. На уходе за рыбами и цветами.

Не знаю.

Она лежала в больнице десять дней. Цветы я поливала через день. Рыб кормить совсем не сложно. И всякие штуки им включать тоже несложно совсем.

Я не знала, что я работаю. Что зарабатываю деньги. Думала, я просто помогаю.

Я хотела отказаться. Но мам говорит: Вера, возьми.

Мы с ней вдвоем там были. Точнее, мама привезла Ирину Болеславовну из больницы. На такси, да. Она и сама могла бы. Но ИБ попросила. В больнице думали, что мама тоже родственница.

Все-таки жутко быть одной. Не без семьи, а без друзей. Я не представляю, как это. У меня есть Лилька и Сончита. И собака — мой друг. Я маме говорю про это. А она плечами пожимает: кесарю кесарево, а слесарю слесарево. Смешно, но непонятно. Так дед Котя говорил. Про то, что каждый сам решает, как ему жить.

Получается, что Ирина Болеславовна сама выбрала себе одиночество? А если бы мы не захотели помочь, как бы она тогда жила?

Думаю, что фигово. Но мам в этом не призналась. Она говорит:

— А ты заметила, у Ирины теперь постельное белье новое и халат нормальный?

Я не заметила. Я вообще в этот раз только на рыб смотрела. Привыкла к ним. А они не говорят. Были бы собаками — махали бы мне хвостами на прощанье.

Хотя хорошо, что рыбы не собаки. Они бы в одиночестве были бы с тоски. Нежными голосами. Как эхо в песне про белые панамки.

Я, кстати, текст так и не выучила. И буду фоном петь, только «а-а-а».

У меня теперь есть собственная тысяча. Ну, не первый раз, у меня и раньше бывали большие деньги. Но эта — заработанная.

Я ее мысленно уже несколько раз потратила. Надо бы тушь для ресниц. Себе и маме.

И Марсюше вкусенького.

Подарки для всей семьи.

Интересно, а у рыб бывают лакомства? Праздничные?

* * *

Лилька пришла ко мне вчера и говорит: «Можно я у тебя в тишине посижу, мне плохо. А у тебя так тихо». Л сказала, что Динарка у нее опять айфон стырила поиграть и экран треснула, был скандал.

Я до сих пор дергаюсь при виде ее айфона. И как она меня тогда обыскивала, буду помнить всю жизнь. Неужели Лилька этого не понимает?

* * *

Завтра «детский праздник на лужайке» в честь святого Валентина, доблестного защитника нашей российской армии.

* * *

Лилька танцевала с Кириком Д. Я его не люблю. Правда.

Но мне ужасно было на это смотреть. Она же знала, как я по нему с ума сходила. А теперь пошла и пригласила его. А потом Л опять придет ко мне на кухню. По-моему, она меня просто использует!

А я вообще-то тоже танцевала, с Божедомским и с Пашкой. Ничего так. Только у них обоих ладони мокрые! Как-то странно. Они же разные совсем, и по росту, и по интересам, у них даже изо рта пахнет по-разному. А ладони одинаково мокрые. Это у всех парней, что ли?

Я бы спросила у Сончиты, но мне чего-то кажется, что она не знает. Ну то есть она сто раз трепалась про всех своих парней, какая она влюбленная и какие они прекрасные. А теперь она ходит везде с мобилой, у нее там живет ее Виталик, и Сончиту будто из реала выключили совсем. И это вообще не похоже на все предыдущие разы. Может, она до этого нам свистела? Но по-любому, раз у нее нынешний парень настоящий, должна же она знать, мокрые у него ладони или нет?

А у Л я спрашивать не хочу. Она вообще не должна была приходить сегодня вечером! Ее отец не хотел никуда отпускать. Из-за оценок или просто потому, что ему так захотелось, не знаю. Короче, Л переживала, пойдет она или нет, и мечтала, чтобы отец разрешил. И я мечтала вместе с ней. За нее. А надо было наоборот!

Но мы не ссорились! И это, кстати, обиднее всего, потому что я хотела ей сказать все, что я про нее думаю. А она домой ушла. Как раз после медляка с Кириком. У нее мобильник верещал, пока она танцевала. А потом Лилька трубку сняла — и сразу умотала домой! Я боя-

лась, что Кирик попрется ее провожать. Но он не пошел. Я даже удивилась.

Но он меня не приглашал, кстати. Только Пашка второй раз. А я уже не хотела, я злющая была. А больше медляков не было, ВМ велела всем играть в «ручеек». Будто мы первачки из началки!

Но почему-то хорошо было! Казалось, что мы опять маленькие, без всяких влюбленностей, ГИА и мыслей про деньги. Когда ты маленький, ты не знаешь, что мир устроен очень криво, и не знаешь, как потом жить с таким знанием. Ну, мне сейчас так кажется. Может, я в первом классе тоже про смысл жизни думала, не помню уже.

А после «ручейка» Сончита, Пашка и те, кто в дом престарелых ездили, стали вспоминать про своих престарелых. И ВМ сказала, что мы туда обязательно еще поедем. А потом спохватилась, что у нас столько несъеденного и газировка стоит. И мы начали есть. Чуть ли не на скорость. А потом охранник зашел в класс и сказал, что пора сворачиваться. ВМ угостила охранника тортом и бутерами. И он засмеялся, сказал: «Гуляй, рванина, от рубля и выше», — и что у нас еще десять минут есть. И мы опять танцевали, в самый последний раз.

А вообще хороший валентайн был, только наши парни слишком мало нас приглашали, и то ВМ им напоминала. В том году хуже было, мне кажется. Или нет?

Я в том году только Кирика замечала, а на этот раз всех рассматривала. Было такое ощущение, что мы будто в кино про нас снимаемся и сами себя изображаем. Сончита — звезда, Кирик — клоун, Пашка Фаддеичев — ботан, Л — стерва...

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Мне снится ГИА. Что я его заваливаю и думаю: «Ну хоть готовиться больше не надо». Проснулась. Марсик на полу. Он обычно приходит спать ко мне. На кровать. На подушку. А он на полу. И к маме тоже не залезает. Старенький. Облезленький!

Мы помирились с Лилькой. Она сказала, что у КД изо рта пахнет просроченными консервами. Я надеюсь, что Л с ним только разговаривала. А не пробовала эти консервы на вкус. Фу, пошлятина какая-то! Я не знаю, как целоваться, если тебе в этот момент захочется сглотнуть слюну. Думаю, что Л об этом знает. Но не хочу спрашивать, а то выяснится, что она это узнала вместе с КД.

Ирина Болеславовна предложила мне стать рыбоситтером. Она хочет съездить в санаторий. А с рыбами туда не пускают. В смысле, ей оставить их не с кем. Оказывается, те козявки в аквариуме, которым надо было сыпать отдельный корм, — это креветки. Они редко у кого размножаются. А у Ирины Болеславовны — легко! И она их продает. Рыбок разводит.

Я думала, это анекдот. А это реально денежное дело. Ирина Болеславовна говорит, «на хлебушек с маслицем». Тьфу!

Она противно говорит, но рыбы клевые. И мне за ними теперь надо ухаживать за деньги. Воду опять менять. Корм сыпать. Про креветок-козявок она мне даст подробные инструкции. А если нет, я яндексом погуглю. Главное, знать, что козявки называются «соловецкие креведки». То есть креветки.

Слово-паразит! Привыкла, что в сети его пишут не так, как на самом деле.

Ирина Болеславовна попросила никому не говорить, что я буду следить за рыбами. «А то сглазят».

Мне кажется, она боится не сглаза, а жуликов. Но вслух почему-то говорит другое. Про сглаз — глупо как-то. А жуликов и я боюсь. Это нормально. Правило безопасности: никому ничего не свистеть лишний раз. Как в школе.

* * *

Первым уроком — англ. Я пришла первая. ВМ не было в кабинете. Потом Паша Фаддеичев. Он сидел, рисовал, не в планшете, а в тетради, икейским карандашом. Я хотела попросить Пашу нарисовать для меня один сюжет. А вместо этого сказала: «А я никогда не была в Икее. И в Париже тоже». Паша сказал, что, когда подлетаешь к Парижу, можно увидеть кусок города. Эйфелеву башню и Икею. Вот честно.

Потом пришла Сончита, какая-то мрачная. И я, чтобы ее растормошить, начала рассказывать, как я боялась ВМ и все время о ней думала в начале учебного года. Как я придумала, что ВМ меня должна преследовать — из холодильника высовываться, из микроволновки. Сончита придумала мою бредятину дальше еще немного и сказала, что это можно на последнем звонке показать как сценку. Мы до конца не успели придумать. Потом пришли Майорова с Надькой и Ольгой, потом ВМ.

А после урока Паша меня стопанул в коридоре. У него уже была картинка готовая: я с учебником инглиша

и ВМ, которая лезет на меня из микроволновки. Из рта у нее выскакивают неправильные глаголы!

Это куда смешнее, чем ВМ в гробу. Фаддеичев вообще какой-то умный стал за последнее время. И мне не хочется называть его «Паша-и-девочки».

* * *

Лильки сегодня не было в школе. Я не знаю, она сачкует или заболела. Мне, честно говоря, даже не особо интересно, потому что она в последнее время бесит меня кошмарно. Но она моя подруга, я же не могу ее бросить просто потому, что она меня бесит? Хотя хочу.

Я спрашиваю, чем ей помочь, а она то говорит «ничем», то орет, что всех ненавидит. Я не знаю. Я же в этом не виновата?

В общем, я обрадовалась, что ее нет. Но меня все про нее спрашивали, как будто я ее сестра и все про нее должна знать. Она на мои сообщения не отвечала. Тогда я пошла на этаж к началке — хотела найти Алсушку и спросить про Л, но не смогла. Потому что класс Алсушки увели на физру или на ритмику, не помню. Короче, я так ничего и не узнала. А еще я предложила Сончите пересесть ко мне за парту. Потому что Л какая угодно бывает, но без нее мне скучно, на уроках особенно.

* * *

Я не помню, где эта бумажка с инструкцией к рыбам. Вера — кусок дебила. Потеряла техзадание по креветкам. Помню, что Димка Короб — рыбозаводчик! Он проект по рыбам делал, несколько раз. И рыбий корм ел в детстве! Сам же хвастался!

Звоню Коробу? А куда звонить? У меня нет его скайпа, в Вконтакте и в фейсбуке он под никнеймом. Спалюсь за три копейки. До утра они дотерпят или нет?

Погуглить яндексом тоже не получается — по запросу «креветки» идут рецепты креветок, жареных, к пиву. А как их кормить — нету. Я забыла, какой они породы.

Я это не знаю.

А ведь это моя работа!

* * *

Позвонила Сончите, она все номера знает. Даже городские. Трубку сняла чужая мама. Я говорю: «Короба позвоните, пожалуйста».

Она говорит: «А кто это?»

А я: «Это ваш сын».

Я никогда его по имени не называю. Он сам себя называет Короб. Ну, нормально. Коробейников же. Кто он еще-то? КД и ДК... Негусто у нас с инициалами!

А в трубке: «Дима, тебя девочка к телефону».

Девочка! Я же ради рыб звоню. По работе! Сама бы ни за что! Я не люблю городские телефоны и чужих взрослых!

Короб ржал как гиена после наркоза. Оказывается, креветки не соловецкие, а сулавесские. И они ни у кого толком не размножаются. И стоят три раза до фига, на этих креветках можно на айфон заработать. Короче, он мне все в личку скинул. Не в эту, естественно.

За вечер Короб меня забомбил своими ссылками. Маньяк аквариумный! По-честному, лучше, чтобы он за рыбами у Ирины Болеславовны ухаживал. А деньги — пополам.

* * *

Одиночество — это когда некому сказать «я боюсь». Лильки нет в школе, а мы у ВМ сегодня контрошу писали. Я с первого урока боялась. А сказать некому.

Но оказывается, когда не говоришь, что тебе страшно, страх как бы меньше становится. Ты его не признаёшь. В упор не видишь и не говоришь о нем. Может, поэтому герои-одиночки самые смелые. Но я все равно жду, когда Л вернется.

* * *

Лилька сегодня опять не пришла. А Сончита мне на истории рассказывала про своего МЧ. Мне как-то странно слушать. Сончите, как и мне, пятнадцать, а ее чувак учится на втором курсе. Мне кажется, пять лет разницы — это очень много. Что он для Сончиты старый. Но она сама говорит, что старый — это лет тридцать пять. А двадцать — нормально. Оказывается, она его знает полжизни, он тоже скаутский...

На нас историчка рывкнула, мы сделали вид, что заткнулись. И я подумала, что если бы мы были не в жизни, а в кино, то Сончита бы познакомилась с каким-нибудь старым чуваком, а он бы, например, оказался моим биологическим отцом. Его никто в моей школе никогда не видел. Получилось бы совпадение. Как в комедии. Или в античной трагедии про Эдипа, который не знал, что его жена — это его мать. В общем, у меня в голове все время какая-то ерунда. Хорошо, что Сончита дальше про МЧ рассказывала. И у нее такое лицо было... Невоз-

можно объяснить какое. Не хватало закадровой музыки, нежной.

Я поняла, что ей завидую. Даже не тому, что у Сончиты есть МЧ, а что она про него может разные вещи говорить. Что она по-настоящему влюбленная в этого своего Виталика.

Я его успела немного представить, а потом Сончита мне фотку показала. Ничего особенного абсолютно. Просто она на него смотрит влюбленным взглядом. И это как правильный ракурс при съемке. Все хорошее видно, а плохое прячется.

В общем, Виталик как Виталик. Но мне теперь тоже хочется в кого-нибудь влюбиться, чтобы на него так смотреть и о нем так рассказывать. Ну не в КД же по второму разу?

Я сейчас вспомнила. Когда я была влюблена в КД или когда я думала, что я влюблена в КД, я несколько раз приходила в гости к Машке Майоровой из его подъезда. Придумывала поводы дурацкие и приходила к ней. То за тетрадкой, то за зарядником, то отксерить чего-нибудь.

Мне просто нравилось быть в его подъезде. Идти по его лестнице. Майорова жила на пятом этаже, а КД — на третьем. То есть Майорова живет там и сейчас, и КД

тоже, но сейчас не интересно. А в том году я как зачарованная ходила.

Мне Майорова сказала код от их подъезда, и я туда сама приходила, не к ней и не к нему. Такая игра для самой себя. Даже не тайна: если бы за мной кто-то следил, он бы сразу догадался, к кому я хожу. Но никто не следил, я надеюсь. И я ни разу не встречала КД в его подъезде. А каждый раз очень хотела встретить и очень этого боялась.

И когда я перед сном представляла всякие истории про меня и про КД, они начинались всегда с одного и того же. Как я иду за какой-то ерундой к Майоровой, звоню ей в домофон, она меня впускает в подъезд, а там КД. И мы с ним говорим совсем не о том, о чем могли бы говорить на самом деле, и поступаем тоже так, будто мы — это герои кинофильма. И все очень романтично. Только я почему-то все время помню о том, что меня ждет эта несчастная овца Майорова. И это ломает весь кайф. А позвонить ей и сказать, что я не приду, я никак не могу, я не могу никак остаться одна, мы с КД все время вместе. Как влюбленная пара.

На самом деле у нас ничего не было, кроме прошлого Дня святого Валентина, и там был идиотизм восьмидесятого левела.

Так что мне жалко моих выдуманных снов, а была ли эта любовь настоящей любовью, я не знаю. Нет, мне кажется.

Всё!

Я свободна! Словно птица в небесах.

Мужики, ховайтесь в бульбу, как говорит мой мам!

Кстати, поняла, чего мне так смешно, когда Сончита про своего чувака говорит. Потому что его зовут Виталик. Так звали того игрушечного жирафа, которого я когда-то посеяла в маршрутке. Главное — не проговориться об этом Сончите. А то она такая влюбленная, что чувство юмора у нее теперь странное.

Лилька отписала: «Завтра меня не будет. Все потом объясню».

Наверное, у нее тоже есть чувак. А у меня нет даже игрушечного жирафа.

Мироздание, ты несправедливо!!!!

И надо как-нибудь извиниться перед Машкой Майоровой за то, что я тогда к ней все время шаталась.

Я таскаю воду, для рыб! Ведрами! Как в деревне! На дворе двадцать первый век! Я позвонила Ирине Болеславовне и спросила, можно ли Короб придет посмотреть на козявок. Ирина Болеславовна рассердилась! Она же просила про рыб никому не говорить. «А то сглазят». А ведь нормальная женщина, всю жизнь инженером работала. И верит в эту чушь как деревенская бабка.

Про то, что Ирина Болеславовна — инженер, я раньше не знала. Я думала, она в музее работала смотрительницей. Или контролершей в театре. У нее вид оценивающий. И она на улицу одевается всегда как культурная старушка, очень скромно, а на шее — бантик или брошка. Когда нас на экскурсии таскают, такие старушки их проводят.

Но Ирина Болеславовна на экскурсовода только внешне похожа. А внутренне — нет. Говорит слишком бессвязно. Я не понимаю, зачем мне слушать то, о чем показывали по телевизору или печатали в журналах про звезд. Там про гороскопы и про знаменитостей, мурня редкостная. А ИБ про них говорит, одно и то же. Лучше бы рыбам дала имена и про них рассказывала!

Я предложила Коробу ухаживать за рыбами вместо меня. Потому что ему реально интересно. А мне только

деньги без души. И потому что я не выдержу больше слушать про звезд, кто на ком женился, развелся, потолстел и подтянул. Вообще, противно, наверное, быть звездой. Живешь как умеешь, а про тебя всякие ирины болеславовны гадости рассказывают. Но, с другой стороны, звездам (людям) про это ничего не известно. Как персонажам, которые не знают, что в них всякие фанаты влюбляются. В общем, черт с ними, с персонажами. А то я опять вспомню про недопереведенное макси.

Короб рвется к рыбам, а ИБ надо уговорить, чтобы она его на меня променяла. Если бы это был комедийный сериал, я бы какую-нибудь глупость совершила бы. Угробила бы всех рыб случайно, чтобы Ирина Болеславовна меня прогнала.

В общем, чушь. Ничего умного не лезет в голову. С чего ИБ взяла, что креветок можно сглазить? Это же средневековье.

Мы на перемене с Коробом ругались, он гнал, что я вообще это все выдумала, и обзывался соловецкой козявкой. Я потом Сончите рассказываю про это все. И она ржет: а ты соври, что Короб — твой парень. Не просто чувак с улицы. Я не знаю, мне как-то не хочется врать. Но это интересно и романтично. И в комедиях с таких подстав иногда начинаются самые настоящие отношения.

Март

Мне в личку постучалась незнакомая юзерша и спросила, буду ли я переводить то макси с английского. Я вообще не поняла, о чем речь. Это как в другой жизни было. Все так изменилось за этот месяц!

Апрель. Мандариновые слезы

Я весь март не писала! Все очень страшно и очень плохо. Есть ситуации, когда нельзя выбрать между смехом и слезами. То есть можно, но надо быть очень ответственным человеком, чтобы улыбаться, когда с тобой происходит такое паскудство.

Моя бывшая лучшая подруга Лилька — как раз такой человек. Я вообще не знала ничего о том, что у них дома происходило. Л. никому не говорила правду. Продолжала ходить в школу, ржать, прикалываться над нашими парнями, отжигать на ДСВ и вообще жить. А на самом деле это был ад.

Мне так страшно. Л. все время была рядом со мной и ничего мне не говорила о том, что с ней происходит на самом деле. Я всегда думала, что, когда она говорит: «Мне отец по башке за это настучит», — это она в переносном смысле. А это не так. Он ее бил.

Мне тяжело дышать, когда я об этом думаю. Это как читать про фашистов. Лилькин отец хуже фашиста. Они это делали с чужими детьми, а он — со своей дочерью. Я знала, что такое может быть. Я не знала, что такое может быть с кем-то из тех, кто рядом.

Мне страшно это вспоминать и еще страшнее записывать. Как будто, если я все запишу, оно снова произойдет. И Лильке опять будет плохо. И я снова ее предам.

Но я же не виновата!

Когда Лилька в тот вечер ко мне пришла, я собиралась вниз, кормить рыб. А тут звонок — не в домофон, а прямо в дверь. Я думала, это опять картошку продают или интернет-провайдера сменить предлагают. Крикнула:

— У нас всё есть и все дома!

Но никто не говорил про картошку. На лестнице было тихо. И тут я поняла, что Марсик не лает, а скребет когтями дверь. Значит, там свои.

— Это Лиля.

Я открыла.

Л не было на уроках целую неделю. Она написала, что все потом объяснит. Класе в первом или втором, когда мы с ней по очереди дружили с Катькой Муравьевой, Л тоже однажды уезжала почти на месяц. Кажется, к родственникам. Я думала, она опять так ездила.

Я обрадовалась. И рассердилась — могла бы и позвонить.

Лилька вошла и сразу сказала:

— Можно я у тебя переночую?

Я подумала, что она теперь весь вечер будет грузить меня своим папашей-козлом. Я так и подумала!

Но все равно сказала, что можно, если мама разрешит. Подумала, что теперь придется идти кормить рыб вдвоем! А Л про них ничего не знает. А я не хотела объяснять. Я уже немного привыкла к одиночеству. Иногда быть вдвоем с собой очень здорово. Я еще не знала тогда, что совсем скоро останусь одна. И я не знала, что случилось с Лилькой.

А она сняла капюшон.

У нее вместо косы теперь была очень короткая стрижка. Не стильная, а как у суворовца. Я вспомнила кино про женщин на Первой мировой. Как их стригли наголо перед отправкой в казармы, а они рыдали. Я подумала, что Лилька собирается в Суворовское поступать. (Оно рядом, на Бабушкинской, теперь туда берут девчонок.) Потом еще какую-то глупость подумала.

Л говорит:

— Мне этот гондон косу срезал. Ножом.

«Гондон» — это ее папа.

Л пошла ко мне в комнату, легла на ковер, в том углу, где всегда любила лежать. К ней сразу Марсик прибежал. Она его обняла.

Я боялась, что я заплачу раньше, чем она. Неудобно. Это же у нее беда, а не у меня.

Но Л не плакала. Обнимала мою собаку и смотрела в потолок.

В детстве мы верили, что, если задрать голову и смотреть в потолок не мигая, слезы сами закатятся обратно.

Потом я спросила, чего ее в школе не было.

— Я на катке упала и лицо разбила. Ясно?

Из-за того, что Лилька подстриглась, я не заметила, что у нее было с лицом. Наверное, синяки. Не знаю. У меня в комнате было темно — шторы задернуты и свет только из коридора. Скоро мам должна был прийти с работы.

— Ты правда на катке упала?

— Ты дура, что ли?

Я сказала, что не знаю. И я не помнила, какая была погода неделю назад. Мне кажется, что оттепель.

Л молчала. У меня телефон заорал. Я думала, это Короб. Насчет рыб и Ирины Болеславовны. Но Л крикнула:

— Меня тут нет!

Это реально была ее мама. Сказала, что у Лильки телефон отключен и что та ко мне собиралась. А я сказала, что Л у меня нет. Я врала, чтобы ее спасти. Когда врешь во спасение, во рту совсем не сладко. Наоборот. Язык как после зубной заморозки.

Я не понимала, что происходит, но я знала, что нужно врать. Мама Л попросила перезвонить, когда Л ко мне придет. Я пообещала и отключилась.

Л сказала:

— Он меня убьет.

Ее чокнутый отец. Он ее избил. И отрезал ей косу, ножом. Он гонялся с этим ножом за ней и за мелкими. Лилькина мама пыталась их защитить. А он ее избил. В смысле,

Лилькину маму. А когда Лилька полезла их разнимать, отец избил ее. До сотрясения мозга.

— Он был пьяный?

— Нет, просто гондон.

Лилькина мама отвезла ее к своей тетке. Во Владимир. Л жила там неделю. Лилькина мама боялась, что Лилькин отец вычислит ее по мобильному и по интернету. И просила не лезть в сеть и не звонить. Лилька надеялась, что мама и девчонки к ней приедут. Навсегда. Что мама наконец разведется и перестанет бояться.

Мама через неделю забрала Лильку обратно. Как раз синяки сошли. Пообещала, что отец ее не тронет. Но это она обещала, а не сам отец. Лилька его еще не видела. И не хочет. Никогда в жизни. А хочет, чтобы он сдох.

И тут мне позвонил Короб с сулавесскими креветками! Я его послала — к креветке в панцирь. И телефон вырубила.

А потом легла на пол рядом с Лилькой. Мне хотелось ее обнять и сказать, что все будет хорошо. Но Л была как раскаленная лампочка. Так дрожала. Она плакала без слез. Это страшно было. Мне хотелось включить свет и музыку. И вообще шевелиться. Но Лилька плакала,

а я лежала рядом. И вспоминала, как мы раньше чай пили на кухне по несколько часов. С эклерами и слезами. Сейчас пирожных не было. Но я бы могла пельменей сварить.

Я сказала:

— А ты здорово похудела.

В темноте было не видно. Но я сказала так, будто в это верила. Лилька ответила:

— Я три дня блевала. Сотряс же.

И я поняла, что я точно дура.

Лилька попросила никому ничего не говорить. И моей маме тоже. Но тогда непонятно, как она согласится, чтобы Лилька у нас ночевала, если не будет знать, что это форс-мажор.

Я помню, что когда думала эту мысль, то зачем-то подбирала времена английского языка, в каких ее надо переводить. И запуталась. Во временах и в том, что сказать маме.

И тут Лилька спросила:

— А чего тебе Короб звонил? Вы встречаетесь?

Это была подсказка!

Рыбы!

Ключи от квартиры!

Не надо ничего придумывать! Будто кто-то уже все решил за меня.

Мы почему-то завизжали! Но шепотом. И Марсик проснулся. Л его затискала, назвала «Мистер Моськин» и заплакала наконец. Но очень быстро. Надо было успеть до прихода моей мамы.

Сперва я отвела Л вниз, а потом принесла ее куртку и ботинки. Мы протупили — обе пошли в тапках, забыли, что Л нельзя возвращаться. Хорошо, что мам тогда еще не пришла с работы. Марсик не лаял, а спал. Я порадовалась, что он старенький.

Потом, когда я уже притащила вниз Лилькину куртку, мы сели пить чай. У Ирины Болеславовны на кухне ничего не было, кроме заварки и сахара. И всего одна кружка в посудном шкафу. А в серванте — три сервиза. Глупо. И было неловко вынимать чужой сервиз. Похоже на воровство. Я подумала, что меня точно выгонят

из рыбоситтеров! Ирина Болеславовна просила никого к ней не водить. Но правда же выхода не было.

А в холодильнике у ИБ не было никакой еды. Она его вообще отключила перед отъездом. Только гречка в шкафу.

Вообще Л гречку терпеть не может, она питалась одной гречкой, когда сидела на диете. Но сейчас без вариантов. Мы поставили гречку.

У меня наверху лежала тысяча. «Рыбные» деньги. Я их так и не потратила. Я сказала, что могу купить продуктов. Л сказала, что хорошо бы. Но ей еще надо на билет. Только она не знает, к тетке во Владимир или куда-нибудь еще.

Ей некуда.

Мы сидели на чужой холодной кухне. В кастрюле закипала вода, там булькали гречневые крупинки. За окном было темно, холодно и безнадежно. Я тоже не знала, куда Лильке можно пойти, когда Ирина Болеславовна вернется из санатория. Может, комнату у нее снять? За рыбоситтерство? Я покажу, как и чем их кормить. И Л может таскать воду в ведрах не хуже, чем я. Хорошо, что я не привела сюда Короба!

Конечно, это очень наивно — верить в то, что ИБ разрешит или что Лилькина тетка оставит Лильку у себя, не сдаст ее родителям.

Лилька сказала:

— А вдруг он завтра сдохнет?

И сказала, что прокляла отца, изо всех сил. Когда жила у тетки, то ночью, вместо того чтобы спать, она лежала и мысленно повторяла: «Чтоб ты сдох». Тысячу раз. Или больше? Одновременно повторять и отсчитывать сложно, я же пробовала.

Это в детстве была такая примета: если сто раз сказать «хоть бы не вызвали», к доске не вызовут. Мы ее вместе выдумали. И вместе верили.

А в тот же вечер я Лильку предала.

Я не хотела.

Я вообще думала, что все правильно делаю.

Я до сих пор так думаю.

А она мне не верит.

Я ушла домой.

Мам сразу спросила, где я была.

Я в тапках, джинсах и рубашке. А на улице — снегодождь и начало марта.

Я сказала, что кормила рыб.

Мам спросила, почему так долго. Я сказала, что надо было обновить воду в аквариуме. Ведрами! Ирина Болеславовна это называла «деликатный процесс». Я повторила, как подсказку. Надо было вести себя так, чтобы никто ничего не понял. Врать. Не для удовольствия, а во спасение.

И мам поверила. Сказала, что у меня телефон разрядился. Что она сама пойдет с собакой. И чтобы я уроки уже наконец доделала.

Я забыла, что у меня на столе учебники. Что я до прихода Лильки чего-то делала вообще. Даже по какому предмету, не помнила. Мне было страшно, что мама сейчас пойдет не с Марсиком, а к Ирине Болеславовне. Что она мне не поверит.

Когда мам обувалась в прихожей, я была готова заслонить ей входную дверь. Но это было бы подозрительно.

Тогда я пошла мыть руки. Второй раз. Мылила их и смотрела в зеркало. Мне сейчас казалось, что раз я совершила серьезный поступок, то у меня лицо должно стать немножко взрослее. А в зеркале была такая глупая детская морда, будто мне не пятнадцать, а пять. Но мне без разницы, сколько мне лет. А Лильке надо, чтобы ей было шестнадцать. Чтобы уйти из дома. А ей еще пятнадцати не исполнилось.

Мы про это говорили на кухне у ИБ. Лилька говорила, что боится органов опеки. Что, если она скажет, что отец ее бьет, их всех заберут у родителей и отправят в детдом. Ей отец так говорил. Что если она на него пожалуется, то она этим Динарку и Алсушку подставит.

По-моему, это самое большое его гадство. Даже не то, что он ее бил, а что вот так запугивал. Потому что Лилька ведь не знает, правда это или нет — то, что он говорил про опеку. Вообще, он врал, конечно. Но, может, он был чуточку прав?

Я про все это думала и стояла с намыленными руками у открытого крана. В ванную вошла мам. Оказываются, они с Марсиком уже вернулись с прогулки. Я вообще не знала, сколько времени прошло. Мам сказала, что я сплю на ходу. Я не успела ей ничего ответить — у мам зазвонил мобильный. Лилькины родители.

Мне надо было врать, что я ничего не знаю. Очень талантливо врать. Не только словами, а еще руками, жестами, походкой. Изо всех сил. Я подумала, что, когда это все закончится, я буду говорить правду и только правду, как в американском суде. В фильмах про суд, в смысле.

А пока я сказала, что Лильку уже неделю не видела. И что она к нам не приходила. Села за стол, открыла учебник истории. И стала читать. Не притворялась, а читала. Врать, что я читаю, я бы уже не могла.

Мам закончила говорить с Лилькиными родителями. Спросила, точно ли я ничего не знаю. Я сказала, что точно. И что мы неделю назад вообще поссорились. На дне Святого Валентина. Из-за Кирилла и медляков!

Когда мам вышла из моей комнаты, я полезла гуглить яндексом про ювенальную юстицию. И еще сайты организаций, куда можно обратиться, если нужна помощь. Телефоны доверия, там, благотворительные фонды, социальные центры. Я подумала, что мне надо самой позвонить и узнать, как и что. Объяснить, что надо для подруги. И, если они мне будут врать, я это просеку, мне кажется. Я хорошо разбираюсь во вранье.

Тут нам в дверь позвонили. Кто-то чужой, потому что Марсик сразу залаял.

Это была Лилькина мама. Она была, как всегда, маленькая и говорливая. Я смотрела на нее и пыталась найти следы от синяков. Но их не было. А волосы у нее были длинные, сплетенные во французскую косу, как всегда. Я разглядывала ее волосы и ее обручальное кольцо. И так задумалась, что перестала волноваться. Когда меня опять спросили, точно ли я не знаю, где Лилька, я даже возмутилась, будто у меня роль была такая — возмущаться после каждого вопроса. Я закричала:

— Чего вы вообще к нам пристали? Может, вы хотите наш дом обыскать?

И рассказала, как Лилька тогда шмонала наши сумки, когда у нее потерялся айфон. Мама Л стала извиняться. И потом все равно прошла по комнатам — проверила, нет ли Лильки под кроватью или за занавеской.

Когда мы были маленькие и ходили друг к другу в гости, то прятались вот так — в шкафу. Или под кроватью. Чтобы пугать родителей, когда они приходили нас забирать. Когда я была в гостях у Л, я всегда пряталась на втором этаже кровати. А она любила забираться в наш шкаф-купе. Нам было лет семь или восемь. Тогда отец Л ее уже бил?

Лилькина мама опять извинилась, а потом пошла проверять наш балкон и ванную. Обыскивать нас.

Наверное, это у них семейное. Если им надо чего-то найти, они ни перед чем не остановятся. А может, когда людей унижают все время, они перестают уже понимать, что можно, а что нельзя, что обидно, а что нет? Не знаю.

Я видела, что моя мам разозлилась. Но она спокойно разрешила все посмотреть. Сказала, пожав плечами:

— Нам бояться нечего. У нас все в порядке.

Я подумала, что надо научиться так пожимать плечами. Чтобы мне верили.

А Лилькина мама расплакалась. И начала говорить, что «Лиля с папой поссорилась». Так и сказала: «Поссорилась». Ни про нож, ни про сотряс, ни про синяки не говорила. Я даже почти поверила Лилькиной маме. Спросила:

— А она на катке упала, да?

И Лилькина мама сказала:

— На катке, на катке.

И мне было видно, что она врет. Я это точно знала. Ну, допустим, как если бы шел дождь, а человек говорил, что светит солнце, а я этот дождь бы тоже видела.

Короче, мы попрощались и обещали позвонить, если Лилька найдется.

Мам закрыла дверь, пошла ко мне в комнату и спросила:

— Ты ее внизу прячешь?

Я сказала, что нет. Но это все равно звучало как «да».

И на экране у меня сплошняком — адреса социальных центров и телефонов доверия. И я еще ляпнула, что Лилька упала на катке. А если мы с ней не встречались и не разговаривали, как бы я об этом узнала?

Короче, мам меня расколола за одну минуту. За одну фразу.

Вообще, когда родители говорят: «Я все равно уже все знаю», — это психологически очень бьет по нервам. Даже если они не знают, а только притворяются и пробуют тебя развести на информацию, будто вы в «мафию» играете.

Но тут все серьезно.

И мне очень хотелось посоветоваться. И вообще как-то сказать спасибо маме — за то, что ей можно доверять. Что она не ударит.

Мне раньше в голову не приходило, что можно быть благодарным человеку за то, что он не собирается тебя бить.

Ужас.

Мама сразу мне пообещала, что не выдаст Лильку. И что что-нибудь придумает. Я ей верила. Но все равно сказала:

— Ты поклянись.

Мам спросила, чем именно надо поклясться. А у меня в голове не было ни одной мысли. Потому что мам не верит в бога, она мне говорила. Мне в голову лез только мультик про Сейлор Мун, как она несет возмездие во имя Луны. И мама поклялась Луной, как в малышовом аниме.

Мы немножко улыбнулись. Стало легче.

Мы закрывали нашу дверь, а Марсик ворчал. Он не любит, когда мы уходим без него не вовремя. Мам ему сказала, как всегда по утрам говорит:

— Я на работу, остаешься за главного.

Это была такая обычная фраза. Из обычной жизни.

Мы соврали собаке.

Когда мы вошли в квартиру Ирины Болеславовны, Лилька сидела на кухне у телика и мотала темарик из соседкиных ниток. Она смотрела сериал. Не наш с ней любимый, а какой-то дурацкий комедийный, из тех, где тебе подсказывают, в каком месте надо ржать.

И было видно, что ей ни разу не смешно, а страшно.

Когда мы вошли в квартиру и моя мама включила свет в комнате, Л закрыла голову ладонью. Боялась, что ее сейчас ударят.

Мам сразу сказала:

— Я тебя не выдам.

Я боялась смотреть на Лильку. Она тоже меня в упор не замечала. Выключила у телика звук, мотала темарик, слушала мою мам. А та говорила, что Лильку ищут. Что она готова вести переговоры с Лилькиными родителями, как посредник с террористами.

Лилька сказала:

— Они вас слушать не станут. Вы им никто.

Мам спросила:

— А кого они будут слушать, как ты думаешь?

Лилька молчала. Думала. И я думала. Хотя меня никто не спрашивал. А на экране ржали персонажи. Хорошо, что без звука. Двигались, как в аквариуме.

Я Лильку спрашиваю:

— А ты рыб покормила?

Она пожала плечами. И я пошла проверять рыб. С ними все было в порядке. Я хотела войти обратно в кухню, но замерла. Услышала, как моя мама спрашивает Лильку:

— А почему ты раньше никому не говорила про отца?

— А он мне айфон подарил.

Моя мама ничего не ответила. Она теперь тоже знала, как Лилька нас шмонала из-за этого айфона.

Вот это было самое страшное, мне кажется. Не синяки и не то, как у Лильки дрожали пальцы. А что она про себя как про вещь думала. Себя оценила в стоимость

айфона. Я не знаю. Вдруг бы я тоже так могла, если бы со мной такое произошло?

Я вошла в кухню, но меня никто не замечал. Тогда я включила чайник.

Они обе вздрогнули. Моя мама сказала:

— Ирина Болеславовна просила сюда никого не водить.

Это было как взрыв лампочки. Как взрыв в кинофильме. Мама же обещала, что не будет возвращать Лильку к родителям! Но она добавила:

— Можно я позвоню человеку, которому я доверяю? Мы сейчас туда пойдем.

Все зависело от Лильки. Она кивнула. Не сразу и очень быстро, будто боялась, что передумает.

И тогда моя мам вытащила свою мобилу. Мне казалось, что мама движется медленно, как под водой. У меня сердце тоже шевелилось как-то странно, и не получалось как следует вдохнуть. И я очень боялась смотреть на Л.

Моя мама сказала:

— Вера Мироновна? Это Эля из одиннадцатого «Б». Можно мы к вам сейчас зайдем?

Мама всю жизнь училась в «Б», я знаю.

Я посмотрела на чужой будильник на чужом подоконнике. Была половина девятого вечера. А я думала, что сейчас уже полночь. Или больше.

Было слышно, как вверх едет лифт. Останавливается на нашем этаже. Я испугалась, что это полиция. Но это наша соседка и ее хаски Фил. Я знаю, как он лает. И как Марсик отвечает ему. И отсюда даже слышно, как Марсик чешет ухо и стучит остальными лапами об наш пол — здешний потолок. Мне было не по себе. Будто мы находились в чужом доме, набитом призраками. Или просто пришли кого-то грабить. Я спросила:

— Зачем ты ей позвонила?

Мама сказала:

— Потому что она меня спасла.

И добавила, что «ваша Вера Мироновна — единственный нормальный человек в этой чертовой школе».

Лилька закричала, что ВМ ее сдаст родителям. Моя мама пообещала, что нет. Что ВМ — наша классная руководительница. Официальное лицо. Родители должны ее слушаться. И что ВМ хорошо разбирается в вопросах опеки. И в ювенальной юстиции.

Лилька спросила:

— А далеко идти?

Мам сказала, что нет. До метро, а потом еще столько же дальше.

Я вспомнила, что, оказывается, знаю, где живет ВМ.

Мне Юля рассказывала про их с мам детство: однажды кто-то позвонил в школу и сказал, что в ней заложена бомба, их всех эвакуировали. Была зима. Никто не знал, через сколько начнутся занятия. И ВМ потащила их всех к себе. Всю группу. И даже немного второй группы — всех, кто жил далеко и у кого не было ключей от дома. И они грелись у ВМ и пили чай. А она не была их клас-сухой, кстати!

Мам вызвала такси. Чтобы нас никто не заметил на улице. Это уже напоминало детективный сериал. И я бы обрадовалась бы. Если бы Лилька на меня смотрела. А она мотала темарь и смотрела только на нитки Ирины Бо-

леславовны. Пока мам говорила с диспетчером такси, я спросила:

— Лилька, ты на меня сердишься?

Она тогда и сказала, что я предательница и что она меня ненавидит.

Но ведь...

Мы бы одни не справились!

Наверное, я могла бы остаться дома, раз Лилька меня видеть больше не хочет. Но я все равно поехала. Мне хотелось защитить Лильку, хотя сейчас было поздно.

Когда мы сели в такси, мам сказала:

— Вера Мироновна предложила у нее переночевать.

Лилька ответила:

— Я чего, совсем чеканутая?

А мам ей:

— А я у нее жила, когда идти было некуда.

Я про это не знала, кстати. Страшная семейная тайна, блин. Во веки веков и во имя Луны!

Лилька промолчала. Таксист сказал, чтобы мы обе пристегнулись.

Наша ВМ живет в точно таком же доме, что и я. И во дворе у нее, кстати, чужая школа. А она работает в нашей. Почему?

У подъезда мам перезванивала, уточняла код домофона и этаж. А я мерзла. Скучала по тем временам, когда мы с Лилькой не были в ссоре. Мы сейчас от машины до подъезда порознь шли, обгоняли друг друга, чтобы не вместе. И я боялась поскользнуться. Не боли, а что Лилька меня не подхватит за локоть, если я падать начну. Хотя, может, наоборот, она не выдержала бы, могла. И мы бы помирились.

Я не помню номер этажа и саму квартиру Веры Мироновны. Помню, что мы из лифта свернули не в ту сторону сперва. Мам вдруг засмеялась:

— Я здесь шестнадцать лет не была, представляете, девочки?

Мы не ответили. Я поняла, что хочу спать. И чтобы сегодняшнего дня никогда не было бы.

А потом ВМ открыла нам дверь. Она была в летнем платье. В том самом, которое в августе носила, когда мы пришли в школу и узнали, что она будет нашей класс-ручкой. Мне тогда казалось, что я это платье буду ненавидеть до конца своих дней. Оно розово-зеленое какое-то. И в нем видно, какие у ВМ ноги.

Мы поздоровались. Хотя сегодня уже виделись. Это было как на «классчае». Привычно:ходишь в кабинет ОБЖ и снова здороваешься, потому что с ВМ здороваются вторая группа.

Мне показалось, что я у ВМ в гостях уже была. Потому что у нее везде книги стояли, некоторые очень знакомые — учебники и домашнее чтение. И еще куклы-марионетки — они свисали с полки в коридоре. Когда мы были мелкими, ВМ нам их приносила на урок, мы с ними разыгрывали сценки по ролям. Я и не знала, что я о них помнила.

Кухня была как наша. Я села на табуретку у окна — как у себя дома сижу. Смотрела, как в темном окне отражается кухня. Мама, Лилька и ВМ. На противоположной стене, у косяка, был вбит гвоздик, на котором висели ручные часы на ремешке. Маленькие и старые. Циферблат мелкий, не разобрать, сколько там времени.

Лилька молчала. А мам говорила про Лилькину семью.

Мне хотелось зажать уши руками и завизжать. Вот тогда я подумала, что на месте Лильки тоже бы меня возненавидела бы: слушать про себя такие вещи и знать, что это правда! ВМ кивнула, сказала, что им с Лилькой надо поговорить вдвоем. И что она во всем разберется. И только потом она будет звонить ее родителям.

Лилька пожала плечами. Типа она и верит, и не верит.

Тогда мой мам говорит:

— Я на эту кухню пришла, когда узнала, что стану матерью-одиночкой. Боялась, что меня дед с бабушкой убьют.

Мне показалось, что я вдруг провалилась глубоко в воду. Сквозь лед. И я как из-под воды слышала Лилькин голос:

— И как, не убили? Ну тогда понятно.

И голос ВМ:

— Эля, вот только не надо из меня делать Жанну д'Арк!

Я услышала, как ВМ смеется — как всегда, шепеляво и с дребезгом. Но это был ее настоящий смех! Как у нас, когда мы думаем, что нам плохо и страшно, а сдаваться нельзя.

И Лилька вдруг тоже засмеялась. До слез.

У нее уши покраснели.

Мам говорит:

— Ну мы тогда пошли?

И дергает меня за рукав. Будто я маленькая.

А мне правда хотелось быть маленькой. Учиться в первом классе и никогда не ссориться с ВМ. Не ненавидеть ее столько лет.

Я не знала, куда смотреть. На ВМ — неловко, на Лильку тоже. Я посмотрела на наручные часы на стене.

ВМ сказала:

— Это моя мама так повесила. Я вместо них так хотела нормальные, а теперь снять рука не поднимается.

Моя мам сказала, что мы после смерти деда тоже не могли сразу все поменять. А я спросила вдруг:

— А как звали вашу маму?

— Елизавета Семеновна.

Для меня это почему-то было важно. Я, кстати, раньше не знала, почему меня назвали Верой. Мама всегда говорила: «Красивое имя. Мне так захотелось».

Мы одевались в прихожей. Лилька осталась в кухне. Я ей сказала «пока», а она не ответила. Считала меня предательницей.

Домой мы с мам шли пешком. Тут правда недалеко. Мы молчали. Я думала о том, почему так ненавижу Веру Миронову.

Я во втором классе проболела почти месяц, и потом пришлось догонять. Я ничего не понимала, я домашку делала с трудом, надо мной вся группа смеялась, что я такие ошибки делаю. А мама на меня кричала каждый день — из-за английского. Занималась со мной и орала. И я ненавидела ВМ за то, что думала, что из-за английского мама меня совсем разлюбила. Я однажды подошла к ВМ и говорю: «Не ставьте мне, пожалуйста, двойку, меня мама из-за этого разлюбит». А она сказала, что так не бывает. Что я вру. И двойку поставила. Глупо, да?

Мне вообще-то до сих пор немного обидно.

Я не знаю, о чем думала мам. Но мы в нашем лифте, когда в него вошли, обнялись крепко.

А потом я села доделывать англиш — тот, который школьный. Я знала, что завтра ВМ меня обязательно спросит. И если я не отвечу — размажет по плинтусу.

Лильки утром в школе не было.

А после третьего урока Сончита откуда-то узнала, что Л вообще с нами учиться больше не будет. Ее мама приходила за документами. Все спрашивали у меня, что случилось. А я говорила, что не знаю. Я ведь правда не знаю, куда Лилька уехала. И Алсушка тоже — я пошла к малышам, спросить у нее. Спустилась на этаж к началке, как всегда, когда мы Алсушку навещали на перемене. А ее тоже нет. И, наверное, Динарку из сада тоже навсегда забрали.

Надо было идти на физру. А я пошла к ВМ в кабинет. У нее один шестой класс уходил, а второй приходил, они сумасшедшие абсолютно — я думала, что в кабинете потолок отвалится. ВМ собирала тетради, ругалась на одного парня за несданный топик, говорила, что цена его ответу — три копейки в базарный день.

Она была как обычно. Но не потому, что ей все пофиг, а потому что у нее такая работа. И что она сама — вот такая. Я подошла к ее столу — будто она меня отвечать вызвала. И молчала. Будто не знала, что сказать. Потом говорю:

— А можно я домой пойду? Мне плохо.

ВМ на меня посмотрела и говорит:

— Нельзя, — и головой покачала. А потом руку мне на локоть положила и говорит: — Все будет хорошо.

Я спросила, куда Л делась. ВМ сказала, что уехала. С мамой и сестрами.

Я говорю:

— Только с мамой? Точно?

И Вера Мироновна мне отвечает:

— Да.

И мы с ней друг друга поняли.

Я после уроков сразу пошла в квартиру Ирины Боле-славовны. Рыб кормить и гречку выкинуть. И вообще убраться. А там все чисто. Мой мам прибрал.

До возвращения ИБ оставалось три дня. Я не могла этих рыб видеть вообще. В жизни не думала, что я их так ненавижу. Но я все равно их кормила.

Моя первая работа.

А потом ИБ приехала. И Короб послал меня лесом и сам пришел к Ирине Болеславовне в гости. Он же знал, что это моя соседка и в каком подъезде я живу. Всё!

У них там мир, дружба, жвачка и соловецкие креветки. Креветки! Сулавесские!

Никаких больше рыб! Даже в гороскопах!

И я вообще не помню, на что я потом все рыбные деньги потратила, и старые, и новые.

* * *

До ГИА две недели! Я ничего не знаю по английскому и ничего не знаю о том, как жить дальше. Лилька удалила свой блог и все аккаунты и поменяла номер телефона. А в ее квартире теперь никто не живет.

И я не пускаю никого за нашу парту.

* * *

У меня в голове последний звонок и выпускной — это одно и то же. Я последний называю выпускным и наоборот. Хотя настоящий выпускной — это у одиннадцатых,

а у нас все несерьезно, многие здесь останутся или в другой корпус комплекса перейдут. Ну, кто-то в физмат, типа Божedomского, или в художку, как Инка из «А». Ну, еще все девятые классы перемешают, если нас все-таки поделят на гум и мат. Или на языковой и обычный. Но там опять непонятки, и даже директор матшколы, который руководит всем комплексом, тоже пока ничего не сказал.

Опять цирк с конями, как всегда. ВМ, конечно, ноет, чтобы мы нормально сдавали ГИА, потому что с хорошими результатами примут куда угодно, но даже она сама, мне кажется, не знает, что будет дальше.

Еще она на «классчае» пообещала, что у нас на последнем звонке тоже будет что-нибудь нормальное. Потому что ашки едут в пейнтбольный клуб, а одиннадцатые — куда-то за город и арендуют под это дело лимузины. Хотя, зная нашу ВМ... мечтать не вредно! Она нас на последний звонок может повезти в музей или в свой любимый дом престарелых. Я не против духовного обогащения, но его должно быть в меру и добровольно, мне кажется. Хотя как раз мне лучше мечтать про то, как ВМ нас на последнем звонке в музей потащит. Потому что иначе — платье, туфли, клатч, чулки и парикмахерская. В смысле, у нас на все это богатство денег нет.

Блин, я не знаю... Я ужасно хочу платье. Когда девки у нас в классе начинают про звонок и выпускной гнать, мне кажется, что я ненавижу этот мир.

Я понимаю, что это, наверное, плохо — ненавидеть мир из-за платья, но мне реально обидно. Я думаю про Л и про все, что у нее было. И про того парня, который самоубился из-за «Доты». И я знаю, что из-за платья в окно уходить — это вообще идиотизм. Но если бы его не было! Но оно есть! То самое, конкретно мое синее платье! Я его видела!

Осенью, когда мы с мам покупали мне куртку с розами в «Вавилоне», мы еще мерили кучу вещей. Просто так. На мам иногда накатывает такое настроение, будто она моя подружка. Она еще обязательно говорит: «Вот для таких моментов специально надо девочек рожать!» Ну, короче, я примерила это платье.

Оно простое, как все гениальное. Абсолютно синее, вырез лодочкой и юбка шуршит. Ну, это глупо, но я люблю, когда юбка шуршит. Сразу принцесские платья из детского сада вспоминаются. Платье-сказка — я в нем наполовину девочка, наполовину женщина. И там немножко белого в складках юбки. Когда стоишь прямо, то не видно. А когда идешь, складки раскрываются. Будто платье меняет цвет.

Я думала, мы его на Новый год купим. Но тогда «Огонька» не было из-за гриппа. И я вообще про фанфики думала, мне не хотелось платье, а хотелось убойные ботинки и куртку как у американских летчиков-союзников. А потом начался кризис. А сейчас мне хочется платье. Как всегда, не вовремя. Не зря мама говорит, что я лох-несское чудовище.

Я понимаю, что это эгоизм. Но если бы Лилька была, как раньше, я бы ей пожаловалась, и мы бы поржали. Но сейчас про это думать стыдно. Как Л меня бы жале-ла, а у нее дома продолжался такой же кошмар. И все равно прошлое назад не отмотаешь, это же не англий-ская грамматика с согласованием времен. «Если бы Л была» — это *Past Perfect*?

* * *

Когда мы с Л учились классе в пятом, то думали, что, если люди «занимаются любовью», это они под одеялом всё делают. А если без одеяла, то это уже секс. Такие дуры были смешные. Я не знаю, к Л отец уже тогда при-скребался или еще нет? Я не могу представить. Она же тогда совсем маленькая была.

Я у мам спросила: «Почему ты не сказала Лилькиной маме, что она его должна выгнать? Он же их мог убить».

Мам говорит: «Она взрослая. Взрослый человек свою жизнь должен выстроить сам. И сам за нее нести ответственность. А то так и будет всю жизнь ходить только до остановки».

Я не поняла.

А мам говорит: «Знаешь, почему я не вышла замуж за твоего отца?»

Вроде бы я знала. Но мам рассказала совсем другую вещь.

Когда она узнала, что беременна, мой отец повел ее знакомиться со своей мамой. С той бабушкой, которую я никогда не видела. И моя мама этой бабушке не понравилась. Когда мама вечером собралась домой, бабушка (папина мама) сказала моему будущему папе:

— Володя, сейчас очень поздно. Проводи Элю до остановки и сразу домой. Я буду волноваться.

Мой будущий папа тогда жил в Ясенева. А мама, как и сейчас, у нас в Алтуфьеве.

Было лето, но все равно уже поздно и темно. А мама уже была беременная. И ее нельзя было одну на другой конец Москвы отправлять ночью. Они пошли на остановку.

И моя мама подумала: «Если он сейчас сам решит, как поступить, я с ним останусь».

А папа ее все равно только посадил на автобус и пошел домой. Боялся, что его будут ругать.

И моя мама его разлюбила. За одну секунду. Потому что он побоялся ответственности.

Наверное, когда я ему в феврале позвонила, он тоже сперва испугался?

И я не знаю, какой отец лучше — как у Лили или как у меня. Они оба неправильные. Наверное, если бы я с нашим отцом жила, я бы понимала, что он трус, и презирала бы его за это. Но я знаю, что он бы меня никогда не ударил. Мам бы не позволила.

И она в тот вечер к ВМ, оказывается, поехала.

* * *

Я Сончиту спросила, в чем она пойдет на последний звонок. Она плечами пожимает, традиционно, — это ее любимый жест. А потом говорит, что в джинсах и майке. Вообще Сончита может хоть в занавеске для ванной прийти — ей никто ничего не скажет. А если я приду в джинсах и майке, то найдутся разные полудурки

и полудуры. Хотя Сончите тоже могут такое сказать, но она опять плечами пожмет и ей все будет по сараю. А я не умею так пожимать плечами, чтобы было видно, что мне плевать. Я все равно психую.

Пока я про все это думала, я прослушала половину того, что мне Сончита говорит. Короче, она читала про один колледж американский. Такое адски пафосное место, там всегда на выпускной как на вручение «Оскара» одеваются. А в том году все пришли на выпускной в джинсах и майках. И деньги за платья и смокинги перевели то ли в фонд по борьбе с раком, то ли на лечение кого-то конкретного. А на майках сделали всякие надписи о том, что это их вечерний наряд и про сбор денег на лечение. И принты с изображениями галстуков, декольте и всяких цацек.

Сончита мне эту статью кинула, я потом тоже у себя расшарила. А тогда спросила: она чего, тоже деньги на платье куда-то перечислит? А Сончита говорит, что нет, но просто пойдет в майке своего скаутского лагеря — он какой-то особенный, они на Волге где-то каждый год заморачиваются. И туда съездить — это дорого. Она специально экономит, чтобы поехать. Она сама так выбрала — между платьем и лагерем.

Я тогда сказала, что пойду на последний звонок в фанатской майке с принтом фэндома. Мне ее Л на день

рождения подарила, а я ее так и не выгуливала ни разу. И получится одновременно память о Лильке и любовь к фэндому. И никто не догадается, что у нас с деньгами такой аллес капут.

* * *

Мам сказала, что ВМ на собрании хвалила мой английский. Блин, надо было ей начало того макси принести. Там рейтинговая сцена, в первой главе. Она бы мне помогала переводить, ха-ха! А Лилька так и не узнала, чем текст закончился. Я ей даже пересказать не успела!

* * *

У мам из кармана сегодня выпал билет в кино. На мультик. Она, оказывается, ходит смотреть новые мультики. Со мной уже нельзя ходить, я выросла и мне неинтересно. А мам привыкла смотреть мульты. И теперь ходит иногда одна. Втайне от меня. С ума сойти. Мам говорит: «Ты выросла, и я как будто выросла еще раз». О Господи.

Бедный мам.

Я говорю: «Ты возьмешь меня с собой в следующий раз на мультик?» И мы смеемся. Обычная фраза, а звучит как будто шутка. У меня был когда-то тег «смешная муть». Вот он сюда подходит.

Так странно. Мир как будто с ума сошел. А все равно есть мультики и фанфики и свет в лампочке зажигается. Вот это самое дикое: твой личный мир погиб, а миры всех остальных существуют дальше. И с этим ничего не поделаешь.

Не знаешь, что делать, — учи английский, чего уж там.

* * *

ВМ сказала маме (я почти случайно услышала): «Эля, мне как классному руководителю теперь цена — три копейки в базарный день. Я должна была отследить ситуацию». И дальше про семью Л. Так странно. Это у ВМ такое ругательство вообще-то на нас. Когда кто-то не учит ни фиги, ВМ так и говорит по жизни: «Твоему ответу цена — три копейки в базарный день». Она меня этими тремя копейками в свое время задолбала совсем.

И тут она сама про себя такое сказала. Словно сама себе дала пощечину. Не знаю. Вот я бы про себя так смогла сказать, если бы я так сильно накосячила? Не уверена. Мне кажется, я бы, наоборот, себя бы отмазывала и оправдывала. А ВМ — нет. Она к себе относится еще строже, чем к нам.

* * *

У новых соседей есть мальчик Витя. Ему два года и два месяца. Он говорит, что его маму зовут Мама. Он вообще ужасно-ужасно-ужасно... Я не люблю слово «няшный», но он правда няшный. НЕЖНЫЙ.

Я хочу, чтобы у меня родился сын.

До ГИА — неделя!

* * *

Блог человека можно вычислить по дате его рождения. Ага!

Кажется, я нашла мамин старый блог в Livejournal. Меня там сперва даже нет. А потом я на УЗИ, маме говорят, что будет девочка. А потом 3200, 53 см, девочка. И это я! Мой первый выход в интернет! А фотка от записи отвалилась, от нее — одна рамка с крестиком.

* * *

Мам периодически жжет и пепелит.

Сегодня вваливается ко мне без стука с какой-то синей папкой наперевес и говорит:

— Дедушка Котя тебя очень любил.

Я сижу, долблю инглиш, мозга нет. Решила: может, сегодня годовщина, его день рождения? Тот, который по документам. А мам вытаскивает из папки файллик, из файла сберовскую книжку — голубенькую, такую мятую, будто ее Марсик хотел сожрать, но передумал. И говорит, что дед знал, что не доживет до моего выпускного.

Вообще-то дедушка умер, не дожив до того, как я в школу пошла.

Хорошо, что я про это сказать не успела.

Мам раскрывает книжку и показывает мне запись, что на ней деньги лежат. Какая-то совершенно ущербная сумма в рублях.

Я и про это, слава богу, затупила сказать.

Потому что мам мне объяснила: дед положил заранее деньги на книжку, специально от него подарок на будущее. Я увидела записку.

«Верочке от прадедушки на платье и на туфли».

Я не сразу врубилась, что дед Котя мне прадед. Он же всю жизнь «дед Котя». Я не знала, каким был почерк моего

деда. А у него буква «д» похожа на «б», почему-то петлей вверх. Я такое видела на открытках про День Победы, так в старину писали, я знаю. Но чтобы реальные люди так писали, не видела никогда. А вот мой дед был таким. А почерк у него был мелкий, как дрожащей рукой.

Мам рассказала:

— Дедушка очень боялся, что мы останемся одни. Что мы будем голодать. Я его второго числа забрала из больницы, он мне говорит: «Эля, пятого пенсия, я должен дожить до пенсии». Пятого пенсия пришла, а шестого он умер.

Я не знала, что сказать. Поняла, что сегодня не шестое ни разу. Значит, не день смерти. Может, именины? Я взяла папку и стала разглядывать, чтобы было видно, что я занята делом.

В папке лежали фотки и рисунки, я дедушке на Новый год и на двадцать третье февраля дарила, всякие детсадовские аппликации. Мне было неловко их смотреть. Знаю же, что муря и наклеплено вкривь и вкось. Но вроде как ребенок старался, просто так не выкинешь. И потом остается на память. Может, когда я вырасту, я над этими косорылыми разукрасками тоже буду плакать от умиления, а сейчас меня с них воротит.

Я правда люблю дедушку, до сих пор. Но я не могу об этом вслух говорить. Да еще в тот момент, когда выясняется, что он мне деньги оставил. Пусть и просроченные. Я просто сказала, что потом посмотрю когда-нибудь эту папку.

Мам губами дернула, будто муху проглотила. И говорит:

— Сейчас на эти деньги только трусы купишь. На распродаже.

И сама вдруг от хохота сгибается пополам. Как мы в школе, когда опять какая-нибудь фигня происходит и остается только ржать.

А я ей тогда говорю про синее платье из «Вавилона». Что если бы были деньги... И молчу.

Мам говорит, что пошли на их сайте посмотрим. Это типа была осенняя коллекция, может, она сейчас со скидкой продается.

У меня от радости рот разъехался до ушей, как у Бурадино. Я же знаю, что у нас денег нет.

А мам такая говорит, что это же было дедушкино завещание! И что она на пупке извернется, а его выполнит. И что осенью все равно не имело смысла покупать,

я типа расту во все стороны одновременно, у меня бы подол сейчас уже сидел на бедрах.

Ну, я не знаю.

По-моему, мам соскучилась по тем временам, когда мы шмотки вместе покупали. И здорово, что она вспомнила про дедушку. Только я не знаю: понравилось бы ему это платье?

* * *

Сижу на каблуках, в платье и учу *Continuous*! И он офигенно учится, скажу я вам!

Жалко, что нельзя на тот свет отправить смс или фотку переслать. Представила, как дед снимок меня в этом платье по всей умершей родне расшаривает. «Какая у меня внучка выросла!» И ангелы лайкают.

* * *

До ГИА два дня. Мама на меня не рычит, только приносит чай в комнату и не ругается, что пустые кружки везде. Юля сейчас на какой-то конференции для дефектологов. Но она все равно проверяет и подсказывает по скайпу. А я хочу к ней домой приехать — заниматься и советоваться. И про Лильку рассказать. Я, кстати,

не знаю, Юля мне препод только до ГИА или мы и дальше с ней будем заниматься? И можно ли к ней просто в гости приехать? Я так хочу на метро поездить! Просто так! И чтобы при этом не думать про английский.

* * *

Завтра ГИА по англ, не могу больше!!!! Марсика вечером два раза рвало, а сегодня он три раза просился на улицу. А мама на работе. И я с ним ходила. Я не могу. Ему говорю, чтобы он все свои дела делал дома, я уберу.

Я говорю «можно», а Марсик не понимает. Мордой слюнявой мне в колени тычется и ругается. «Вер-р-ра! В сор-р-тир-р-р!» То есть это я сейчас так придумала, как его рык расшифровать. А днем я просто орала на него жутко.

Мне надо готовиться! Я из-за собаки не попаду в десятый. Это вот так и выглядит «вся жизнь псу под хвост»!

* * *

Мам пришла с работы очень давно, взяла Марсика и пошла к ветеринару. Их очень долго нет. Меня тошнит. Мандаринами.

* * *

Мама сказала, что Марсика оставили в стационаре. Ему поставили капельницу. Она завтра зайдет его навестить.

Я по нему скучаю, по придурку слюнявому.

Вернется — пойдем с ним гулять к синим домам. На сколько он хочет.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Вы действительно хотите удалить эту Веру?

Да. Очень-очень. Удалите меня кто-нибудь.

* * *

У меня больше нет собаки! Она мне врала! Чтобы я готовилась к ГИА. И ни о чем не беспокоилась! Марсик заболел еще в октябре. Я тогда думала, что уколы — это из-за печени. А это совсем другое. Мама решила, что усыпит его только тогда, когда ему станет совсем плохо. Марсик прожил с нами еще полгода. Мама знала, что он скоро умрет. Она мне не говорила. Из-за ГИА, блин!!!!

Я кричала маме: «А в следующий раз ты меня усыпишь, да?» И про газ «Циклон». Моя мама не помнит, что такое газ «Циклон». А он у нас был по истории. Она полгода каждый день смотрела на собаку, которую решила убить!

* * *

Сегодня первым уроком был английский. Я вошла в кабинет и заплакала. Из-за Марсика. ВМ не ругалась!

* * *

Мне Сончита кинула ссылку на одну песню, называется «*Memory*». Я ее по кругу слушаю. И у меня мурашки по коже. И в мозгах тоже одни мурашки. Если бы я умела делать клипы из любого сериала, я бы нарезала кадры и смонтировала бы под эту песню. Потому что эта песня — про смысл моей жизни. Как я теперь живу без собаки. Песня на английском, но я сейчас все сразу понимаю — и слова, и голос, и музыку. Если бы я английский не знала и слушала с субтитрами — вообще не то совсем. Такое ощущение, что я язык учила только для того, чтобы это слушать. Не зря. Оно того стоило.

«*Memory*» — это на самом деле из одного старого мюзикла, «*The Cats*». Так странно: меня не было на свете, а эту песню написали. И она мне впору.

* * *

Каждый вечер я собираюсь пойти гулять с собакой. А ее БОЛЬШЕ НЕТ. Мама мне прислала смс со стихами про Радугу, на которую они уходят. Сама убила и сама же жалеет!

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Пришло письмо от J. Это автор макси-фика. Письмо на англ, я все поняла. Она спрашивает: все ли у меня в порядке? Потому что другие тоже просят разрешение на перевод. А она только мне дала. И не знает, как ей быть. Надо ответить. Я не знаю. Я вообще ничего не знаю, у меня в голове от всего англ только песня «*We Wish You a Merry Christmas*». Как мы эту песню пели в первом классе. И как КД придумал ее петь «Мы вышлем вам эту крысу». Наверное, я тогда в него влюбилась. Это было почти девять лет назад. Как в прошлой жизни.

Хочу быть маленькой! Когда я пошла в первый класс, мы выбрали Марсика! Если мне будет семь, он будет совсем молодым псом. А я снова проживу всю свою жизнь и буду снова все помнить. И знать, что он умрет.

Надо ответить на письмо J.

I'm sorry. My lovely dog Mars died. I cry. I can't translate your fanfic, I'm sorry. The end. Sincerely yours, Vera. Erecb vtyz tyjn.

В смысле «Укуси меня енот». Ненавижу вас всех. Искренне ваша. Вера! С любовью!

* * *

Шла вечером мимо парка. Там собаки. Почему, Господи? Никогда ЕЙ этого не прощу!

Если бы я знала, что он умирает, я бы договорилась с богом!

Вы действительно хотите удалить эту запись?

* * *

Мама сказала, что я эгоистка и она теперь со мной тоже больше не разговаривает.

***

Мне очень жалко ту жизнь, которой больше нет. Там, где Лилька и Марсик. Лилька жива, но все равно. То, что было раньше, — оно будто умерло. Я об этом уже несколько раз думала, а записать, как я это чувствую,

я не могу. И не знаю, смогу ли когда-нибудь. Даже если прочитаю все книги на свете. Или все фильмы просмотрю.

Я вспоминаю все время, как Лилька про себя и отца рассказывала. Так просто и понятно, будто была совсем другим человеком. Другой Лилькой. Напечатала эту мысль — и она еще глупее выглядит.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

Май. Дерево моего счастья

В сквере у метро открыли лунопарк. Я его в детстве называла Лунный Парк. Там на ночь спускают батуты. И они лежат потом, как шкуры убитых фантастических зверей. А по утрам воскресают. А собачьи души могут воскреснуть или переселиться в другое существо? Душа Марсика — в теле кота. Или балерины. Или... не знаю. Главное — не бомжа никакого.

Пусть он будет счастлив.

Я хотела пойти под окна того дома, где жил АД, и зажечь свечки. За него и за Марсюшу. Но там нет свечек, цветов и икон. Они мешали жильцам первого этажа.

* * *

Мне опять пишут какие-то юзерши и хотят перевод того макси. Видеть вас не могу. Оставьте меня в покое. Всё. Пожалуйста. Мне жить незачем, а вы тут все. Вокруг меня слишком много смерти, а тут еще персонажидохнут!

* * *

Я сейчас чуть не написала незнакомому человеку, чтобы он горел в аду. Так нельзя. Я ненормальная. Я как тот парень-геймер. Только я не могу в окно!

* * *

Я дура.

Я не замечала, что теперь мама каждый вечер ходит в магазин на углу. То приносит сыр, то мороженое. Я не люблю сыр, а у мамы опять связки болят, она хрипит. Просто приносит мороженое и складывает в холодильник. Как дрова... Я сегодня поняла, в чем фишка. Случайно. Мама вышла и сразу с соседкой у лифта пересеклась, а у соседки хаски. Большой. Но он боялся нашего Марсика, когда был маленьким. А потом они дрались. А потом мы договорились, кто во сколько выходит вечером. Чтобы они не дрались в подъезде. Не лаяли друг на друга. А сегодня хозяйка Филя (хаски) маме говорит: «Вашего-то нет, а я все по-старому, после новостей гулять мы ходим».

И мама что-то ответила. Быстро. Будто ничего не говорила. Что-то вежливое и никакое. И пошла в лифт.

И я поняла. Мама до сих пор вечером ходит гулять с Марсиком.

Я тогда маме позвонила и сказала:

— Я тоже пойду погуляю с собакой.

Мама не удивилась. Спросила:

— Мне пойти с тобой?

А я говорю:

— Ну зачем? Со мной Марсик будет.

И я прямо вот знала, что со мной ничего не произойдет.

Мам разрешила. Попросила взять газовый баллончик из обувной тумбочки. И чтобы я его в руке держала, прямо чтобы он теплый был, а то плохо сработает. И объяснила, на какую кнопку жать.

И все. Больше не ругалась, не запрещала.

Даже не спросила, где я буду гулять.

И я пошла «с Марсиком».

Я представляла его себе. Не как крылатого ангела и не как призрака. А просто как будто он живой. Вот береза, где он почти всегда лапу задирает. Значит, в березе есть часть моего Марсюши. Его любимая дорожка между садиком и школой. А гаражи снесли. А в них — тоже его душа.

Я шла и говорила с ним вслух. Будто подзывала к себе. Только очень тихо. Я называла Марсюшу всеми ласковыми именами, которые знала. Даже «лохушкой» и «лох-нессиком», как мам меня в детстве.

Мне кажется, что, если у Марсюши есть душа, она все это слышала.

Я с ним прощалась.

Я плакала, и теперь у меня обе руки были свободны. Можно было вытереть слезы. Но я не хотела. Лучше бы эти слезы зимой ко мне примерзли и мне щеки прожгли насквозь до зубов. Только чтобы опять был поводок в руках и Марсик был живой.

Я стояла под тем кустом, где мы с Лилькой хохотали и фоткались. «Куст сожрал мужика, а ботинки выплюнул». И Марсик лаял и прыгал. Он был еще совсем здоровый, Марсик. А Лилька была моей подругой. И я наконец

стала вытирать слезы. А у меня в руке баллончик был зажат. Как я обещала маме.

Я не знаю, на что я там нажала. Руки были мокрые от слез, мне кажется. Я себе в лицо попала струей. Страшно дико. Думала, что ослепла. Что на меня напали. Я кричу. Меня хватают за плечи.

Я кричу: «Мама!» — от страха. Я вспомнила, как Л пугал ее отец. Она тоже звала маму, хотя никто же не поможет, когда вы в доме вдвоем.

И я звала!

А в ответ:

— Верочка!!!

Ненавижу такое ласковое. Но все равно.

Это моя мама была. Она шла за мной. Со мной.

Она за меня очень боялась.

Мы пошли в травмпункт. И, пока сидели в регистратуре, мам сказала, что надо было дать мне попрощаться с Марсиком. Что она была неправа. Но она сама никогда раньше не провожала животных и не знала, как потом

бывает плохо. Ей плохо, что мне плохо, что Марсик умер, что она его усыпила. И что она по нему скучает.

Тут меня вызвали в кабинет. Капали в глаза, проверяли зрение. Когда капали, было больно. Но как-то странно, словно это не со мной делали. Я все это время думала одну мысль, на боль почти не отвлекалась. И потом, прямо в коридоре, я у мам спросила:

— Ты же сама говорила, что каждый должен решать за себя сам. Как с Лилькой тогда. Ты говорила, что каждый должен сам выбрать свою жизнь. А тут решила за меня, должна я про собаку знать или нет. Почему?

Я сказала, что мне именно это было обиднее всего.

Мам вздохнула — так сильно, будто сигаретой затягивалась, — и сказала мне: «Извини». За все сразу. Потому что на самом деле люди знают, что каждый должен решать за себя сам. Но с собственными детьми это часто не срабатывает. Потому что мозгами человек (мама или папа) понимает, что так делать нельзя, а сам все равно делает. Ему кажется, что так будет лучше.

Материнский инстинкт — это как влюбленность, когда мозги отдельно. Я поняла.

Кстати, мам у меня курила, когда в школе училась. Я теперь знаю. Мне ее Юля спалила, случайно. Рассказывала что-то про нашу школку и говорит: «А мы с Элей стоим такие у трансформы». А за трансформаторной будкой все стоят, когда курят. Всегда. Я очень люблю тебя, мой мам. Твоя Лохушка.

Я спросила, какой врач усыплял Марсика. Я сама сказала это слово. И я не знаю, важно это или нет, но я помнила про доктора Евгению Константиновну, которая так шепелявит, будто говорит на человеческом языке со звериным акцентом. Я не хотела, чтобы этим человеком оказалась она. То есть я все равно ничего не могла бы изменить, но все равно не хотела. И мам ответила:

— Доктор Акимов. Мальчик совсем молоденький.

Мам сказала, что у этого доктора, кажется, это был первый зверь такой, доктор сам переживал. Или, может, он просто не привык. Я подумала, что ветеринары — как учителя. Сложная профессия. От их решения зависит судьба — зверя и людей. Трудно.

У нас теперь есть Марсикова береза. Можно к ней приходить. Но я, наверное, не захочу. Я с ним попрощалась.

Мы вышли из травмы, и я крикнула в небо: «Марсик, иди гуляй!»

Мама плакала.

И он ушел.

* * *

«100 дней счастья»: Мне в личку написала какая-то девочка. Сказала, что хочет переводить макси. С того самого места, где я бросила! Я ей готова на шею броситься, виртуально! Пусть забирает!

* * *

Мам рассказала, как они в одиннадцатом классе разыграли свою литераторшу. Написали несколько стихов о любви и сказали, что их написала ученица Бориса Пастернака. Что про нее была публикация в каком-то «Огоньке». Тогда многие имена возвращались обратно. Литераторша сделала вид, что что-то такое уже сама слышала. А мам с Юлей написали эти стихи вдвоем. И придумали так, будто одна делает доклад, а вторая посреди урока как будто «узнает» эти стихи и говорит, что «я их с детства помню, их моя бабушка в тайной тетради хранила переписанными». И они там еще такую слезливую биографию придумали этой «ученице Пастернака», как она умерла от чумки. Тьфу, от испанки. От гриппа в тридцатые. Про эмиграцию и про что-то там еще, про репрессии, кажется.

Литераторша сперва повелась, а потом выяснила, что ей мозг дурили. Был скандал. И ВМ отмазывала маму и Юлю.

Я фигею без баяна. И мам мне потом говорит, что врать плохо, и в кого я такая, и вообще. Потрясающе!

Жалко, что сейчас любые стихи можно пробить по интернету!

Мы бы так могли замутить с Лилькой. Год назад, например.

Иногда я думаю, что Л весь этот год как будто умирала по кусочкам. Каждый вечер ее как будто становилось меньше и меньше. А мы не замечали. Я не могу считать себя подругой Л. Потому что я была рядом и ничем ей не помогла. И потому что она мне не доверяла.

* * *

Шла сегодня мимо Лилькиного дома. А дерева моего счастья там нет. Грозой сломало, и его спилили. Если бы я знала, когда его будут пилить, я бы взяла себе на память веточку или щепочку. У меня больше нет собаки и нет дерева. И нет подруги. И детство, кажется, тоже уже кончилось.

Чай в пакетиках фруктовый

Зефир

Пастила

Мармелад

Футболки от 48 размера

Носки женские, мужские

Полотенца для рук

Крем детский

Одноразовые бритвы

Может, красивые пакетики надо, все это расфасовать?

Сончита сказала: лучше открытки! И каждому разную!

И гематоген!

* * *

Завтра едем в дом престарелых с ВМ, и Олесей, и ее пятиклашками! Не всех родители пускают, потому что ГИА.

А ВМ звонила родителям Пашки и многим другим. И говорила: «Под мою ответственность». Моей маме не звонила. Мам меня пускает. Мы вместе собирали подарки. Зефир, носки, футболки. И открытки. «Поздравляем с Днем Победы. Ваши Элла и Вера П.»

* * *

Я ничего не могу писать про то, как было в доме престарелых. Я всегда это буду помнить. Я потом плакала в автобусе. Мы сидели на одном сиденье с Пашей, и я плакала в Пашину куртку. У него не было платка. Он говорит: хочешь, я куртку тебе дам? Он не Паша-и-девочки, он просто Паша Фаддеичев. Хороший. Как моя собака.

Я говорю: «Ты добрый, как мой Марсик». И он не стал шутить. Ненавижу, когда люди шутят, чтобы сделать вид, что не больно и не плохо. Иногда нельзя так шутить! У Паши собаки не было, был кот. Поэтому он понимает, что в таком разговоре шутить нельзя.

Нас от нашего класса на этот раз было девять. Я не знаю, поедем мы в следующий раз или нет и с кем. Сончита у ВМ спросила раньше, чем я об этом подумала до конца: «А вы свой следующий класс будете сюда возить?» А ВМ пожала плечами. И Олеся-литераторша тоже. Потому что никто не знает, что там будет потом.

Сончита сказала, что она все равно еще приедет. Даже если у нас будет другая классручка и она нас сюда не захочет везти. Я тоже. Мне кажется, я сегодня сделала еще один шаг из гусеницы в бабочку. Это очень пафосно. И я все равно эгоистка. Но и бабочка тоже.

* * *

Блог человека можно найти по дате его рождения.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

По ночам здесь взмывают вверх и такси, и скорые.

Как чужая планета — большая окраина города.

Ты идешь в темноте, обходя на асфальте вмятины.

Осторожно неся на руках что-то очень мягкое.

И кричишь, глядя вверх, в безнадежную пустоту.

Понимая, что крик бесполезен, как вызов скорой.

«Господи! Эй! А в раю точно есть обои?!

Ты их точно дашь разодрать моему коту?!»

Стихи из сети, автора не знаю, очень в тему.

* * *

Это опять неправда. Я знаю, кто написал эти стихи.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Рисуем с Пашкой в скайпе карикатуры на учителей для последнего звонка. Такие, чтобы не обидно было. Придумали Олесю Александровну в обнимку с новыми поэтами по фамилии Анапест, Дактиль и не помню третий стихотворный размер. Послали эскиз ВМ. Она одобрила. А карикатура на саму ВМ будет называться «В базарный день». О том, что каждому из нас цена три копейки, а все вместе мы девятый «В». То есть сокровище бесценное. Глупо, но это правда!

* * *

Оказывается, всего один разговор может столько всего поменять в жизни, поменять самого человека. Я думала, так бывает только в кино или в книгах. Я сама сейчас как в фильме про себя. Один разговор, один шаг. Это

банально. (Банальное слово «банально».) И говорить «Я тебя люблю» тоже банально.

Вы действительно хотите удалить эту запись? Да.

* * *

Мы в апреле писали ГИА по русскому в «Пентагоне». Это школа за поликлиникой, ее так называли, еще когда моя мама была маленькой. А сейчас Сончита написала, что девочка из той школы, где мы его писали, русский завалила, а потом пришла домой и повесилась.

Страшно. Теория пяти рукопожатий. Цепочка из нескольких звеньев. И от тебя до смерти всего одно звено. Может быть, эта девочка сдавала свой ГИА как раз у нас в школе. Может, в нашем кабинете у нашей Олеси. И за моей партой. И я могла быть вместо нее. Не могла бы. НЕТ!

Как хорошо, что мой мам меня любит.

Я эгоистка, я знаю. Но это правда. Хорошо, что мы помирились. Потому что, если бы нет, я бы думала, что мам — мой враг. И от этого тоже не стала бы жить. Не специально, а по ошибке. Потому что трудно жить, когда думаешь, что тебя никто не любит. Так не бывает. Просто когда тебе

плохо, ты как будто глоснешь от боли. И не слышишь, как к тебе обращаются. Не словами, а любовью.

Мысли какие-то не мои. Словно я их под диктовку писала. Словно я не я.

* * *

Пошла перечитала свой самый первый блог, который вела еще до девятого класса. Там красные буквы на черном фоне, сплошная «моя жизнь навсегда искалечена» и инициалы, которые я теперь не могу разобрать. И в комментах никнеймы, про которые я ничего не помню, а тогда мне эти люди казались самыми близкими и дорогими, дороже реальных, тех, кто рядом. А бывает так, что человек одновременно в сети и в реале одинаково близкий и дорогой. И буквами какие-то вещи писать легче.

Но красные буквы на черном фоне! У меня мозг взрывается и глаза вместе с ним! Ничего не разобрать. И хорошо, что не разобрать. Глупости.

Я меняла никнейм четыре раза. А Лилька — не помню сколько. И я даже не помню, что значат эти никнеймы. И пароли от своих старых дневников. Надо дальше готовиться, а я перечитываю свои записи. И дивлюсь: какая девочка глупенькая. Бр-р-р!

Если бы я с собой прошлой встретилась, я бы подумала: «Какая эта Вера дура». А она бы, наверное, подумала: «И чего эта Вера так выделяется, умную из себя строит». А вслух бы мы, наверное, говорили: «Не могу поверить, что я — это ты!» И потом хором такие: «Укуси меня енот!» Я как будто стала самой себе старшая сестра!

* * *

Я сейчас попробую написать про то, что было в доме престарелых. Я все время про это думаю. Как будто воспоминание — это молочный зуб. Я его расшатаю, он выпадет и меня отпустит. Я даже губы все время облизываю, когда вспоминаю. Как будто вправду зуб шатается.

Когда мы туда приехали, нас встретила тетечка-администратор и велела всем надеть гимнастерки. А ВМ говорила, что можно ехать в чем угодно, лишь бы аккуратно. А Олеся своим пятиклашкам сказала про белый верх и темный низ. Мы были разные. А теперь сверху на нас был этот камуфляж.

Мы в нем были не похожи на солдат. Особенно маленькие девочки из Олесиного пятого класса — им эти гимнастерки были по самые голыфы. Это было как в дурацких снах, когда, например, приходишь в школу в ночной рубашке и как будто так и надо. Тут тоже казалось, что это сон. Нелепо.

Особенно песни, которые пели пятиклассники. Про прадедушку, который прошел войну до самого Берлина.

Если бы это было в школе, я бы вышла из актового зала в тубзик, и всё. А тут — чужой дом престарелых, где что находится — непонятно. Вообще, на больницу похоже: коридор, палаты. И много цветов на окнах. И жуткий желтый линолеум.

Тут не было актового зала. Просто холл в конце коридорчика. Телик на стене и ковер на полу. Как в рекреации на этаже, где у нас первачки и продленка. Наверное, в детдомах тоже такие ковры и телики. Или в больницах. А тут старички живут. Совсем старые и просто пожилые. И не все из них войну застали, но это не важно.

На стенах еще иконы и картины. И какие-то поделки бумажные на подоконниках — я не знаю, это сами старички делали или это им тоже шефы из школы привезли. Огромные бумажные фигуры, я не знаю, как эта техника называется, и не хочу сейчас в поиске смотреть, чтобы не отвлекаться. А то я никак не могла уговорить себя про этот день написать. А мне надо!

Старички сидели в креслах и на диванах. А мы стояли, заслоня телевизор. Сперва малышня пела про героического прадедушку и я смотрела на адский желтый пол

и на стены. А потом все вместе пели «Катюшу» и «Священную войну».

Я «Вставай, страна огромная» не могу нормально петь. У меня сразу горло болит, как при ангине, — я не знаю, может, это мне от прадедушки генетически передалось, что от этой песни мурашки по коже? Память поколений? На уровне стволовых клеток?

А в этот раз я расплакалась. Не из-за песни. А из-за того, что наши парни были в гимнастерках поверх белых рубашек или футболок. Кирик Дергунов, Короб, Руднев, Божedomский, которого в армию из-за зрения бы не взяли. Пашка, который, когда волнуется, слоги местами путает.

Они пели, что дадут отпор фашистской нечисти. А я думала о том, что нам пятнадцать лет. А в армию тогда брали с восемнадцати, но некоторые на войне оказывались раньше, как мой дед Котя. И когда он вел свой грузовик, он был младше, чем наши парни сейчас. Я не знаю, как написать. Я потом уже ничего не думала, просто поняла, что, когда песня закончится, все на меня обернутся и увидят, что у меня лицо в слезах. И, если бы я знала, где туалет, я бы спряталась.

А меня вдруг за плечи обхватывают сзади. Я думала, это Сончита. Или ВМ. А это русичка Олеся Александровна. И у нее тоже тушь размазанная. И не только она плачет.

Я только сейчас поняла, что старичков всего трое. А остальные — бабульки. Один из старичков был в пижамке, а правая рука у него пряталась в синей вязаной варежке. Я вспомнила документальный фильм про тыл и помощь фронту, про посылки для бойцов Красной армии, как в такие варежки вкладывали записочки «Бей фашистов!».

А когда мы закончили петь, старичок подошел к Сончите. Он ей ростом был почти до подмышек! Начал ей руку пожимать другой рукой, не той, что в варежке. И называл ее «Снегурочка»! Наверное, она именно с ним танцевала на Новый год. А потом еще спрашивал про «девочку с длинной косой» — это про Лильку. Я не знаю, что и кто ему ответил. Кажется, ВМ.

Я спросила, где тут туалет, и ушла. Мне было без разницы, будут меня ругать или нет. И потому что песня была настоящая. А гимнастерка — нет.

В туалете пахло хлоркой, а в кране текла только холодная вода. А на кафельной стене висел рисуночек в рамке: красные тюльпаны в синей вазе.

Наверное, шефская школа прислала в дом престарелых слишком много рисунков и их больше уже некуда было вешать. Я смотрела на кафельную стену и вспоминала, как придумала, что метро превратилось в бассейн

и как поезда плавали бы в нем. Я придумала это в феврале, а сейчас май. И мне кажется, что я за эти три месяца выросла на несколько лет. Но про это, мне кажется, я сейчас подумала, а не тогда.

Когда я сняла гимнастерку, то заметила, что все это время не могла нормально дышать. Что у меня спина была прямая. Как будто, не знаю, это была не гимнастерка, а непосильная обязанность.

Я вышла из туалета и поняла, что обратно в холл не могу вернуться. Вот прямо сейчас никак не могу. Дверь на улицу была совсем рядом. Тут пахло хлоркой, старым чистым линолеумом и столовой. А на улице росли одуванчики и солнце светило ярко, как всегда бывает перед грозой.

Я решила, что обойду дом престарелых, а потом поднимусь обратно наверх.

Крыльцо было обычное, как у нас в школе: три ступеньки и пандус сбоку. И трава и забор — тоже как в школе или в детсаду. Клумбы, кусты, одуванчики.

За углом на канализационном люке стояли блюдечки с кашей. Как будто кто-то в куклы играл и забыл убрать посуду. Я не успела придумать до конца. Заметила, что от люка в разные стороны разбегаются кошки. Чер-

но-белые и бело-рыжие. Пять или больше. Они были между собой похожи. Наверное, кошачья семья.

Сбоку от люка стоял стул, у него сиденье было обмотано байковым одеялом, а на спинке висела вязаная кофточка. Такой обжитой стул. Тоже, наверное, для кошек.

Было очень жарко, и цвела сирень. И у меня болела голова из-за слез и вообще из-за всего на свете. Я села на кошачий стул и стала смотреть на траву с одуванчиками. Было сонно и непонятно, как в тревожной сказке. Как у ВМ на кухне, когда Лилька правду про свою семью рассказала и никто не знал, что нам дальше делать.

А потом я услышала:

— Дочка, дочка!

И за моей спиной сирень зашуршала. Сразу стало как в триллере. Я обернулась очень быстро, чтобы не успеть испугаться.

Хотя ничего страшного не было. Ко мне шла бабулька в халатике и с блюдечком в руках. Она шла как-то боком. Будто она была фигуркой в часах-«кукушке» и у нее пружину заело. Такая мирная бабулька с седыми волосами. В ужастиках такие обычно оборачиваются монстрами.

Она снова сказала:

— Дочка!

Меня никто так никогда не называл. Особенно чужие бабушки. Я хотела встать и не могла. Чувствовала, что как будто сейчас усну. Со мной такое было после ГИА по английскому. И в тот вечер, когда мы с мам помирились после смерти Марсика. Я подумала про колдовство. А бабулька сказала:

— Да я кошку зову. Ты сиди, сиди...

У меня в руках все еще была эта чертова гимнастерка, скрученная жгутом. Я ее запижала себе под мышку. Мне стыдно было перед этой бабулькой.

За маскарад и за то, что я сейчас ее место заняла.

А она на меня вообще не смотрела. Она звала кошку. А та сидела на оконном карнизе первого этажа и шипела. Забилась за решетку. Такая вредная кошка, бело-рыже-черная. Я ее потом как следует разглядела. Потому что бабулька начала мне про себя рассказывать, про свою жизнь. Она то меня дочкой называла, то кошку. Говорила, что у нее дома всю жизнь кошки жили. Я не помню, наверное, я спросила:

— А у вас дети есть?

Мне страшно было узнать ответ. Я думала, что она скажет, что дети были, но умерли. Или что есть и что они ее сами сдали в дом престарелых. А старушка вдруг хихикнула и даже мне подмигнула — а у нее оба глаза с розовыми белками были и смотрели мутно, как сквозь кривое толстое стекло.

— Да какие дети, миленькая моя? Я же ни девушкой никогда не была, ни женщиной. У меня же как в ту зиму всё перемерзло, так и всё.

И сказала, что они в войну с сестрой жили в деревне в прифронтовой полосе. Сперва в доме, а потом, когда его сожгли, — в землянке. И их в этой землянке так проморозило, что ни у нее, ни у сестры не могло быть детей. И что сестра потом замуж вышла за моряка. А сама бабулька на заводе работала, потом училась, а потом опять на заводе. Мне сперва интересно было, потом грустно, потом просто хотелось в туалет. И странно было слушать про войну просто так, не в актовом зале, не в классе и не от автора документального фильма. Я не знала, как дальше быть. Я даже не знала, что сказать.

А она говорит:

— Вот по телевизору реклама идет: «У нас ликвида-

ция», — а мне, как услышу, так страшно всегда, дочка. У нас тогда про расстрел так говорили — «ликвидация».

Я не знала про такое. И что в таких случаях вообще говорить надо.

«Извините»?

Я сказала:

— Давайте я вам кошку сниму?

Подошла к окну и набросила на кошку гимнастерку.

Как будто я всю жизнь ловила кошек! Я не промахнулась. Но кошка из гимнастерки выпуталась и запрыгнула внутрь. Наверное, там была палата, я не знаю.

Мне показалось, что там что-то разбилось. Я испугалась, а старушка хихикнула. Как на уроке, когда кто-то пошутил. Я вспомнила рисунки финской художницы про старушек-веселушек. И поняла, что если сейчас начну хихикать, то просто лопну!

Я сказала:

— Мне в туалет надо!

— Да что ж ты раньше-то молчала, дочка!

Я пошла обратно. Оказывается, от кустов сирени до крыльца было идти меньше минуты.

Наверное, мне надо было попрощаться. Я не знаю.

Я вареная была, будто у меня грипп начинался. А надо было вручать носки, зефир, открытки.

И петь про День Победы. Я потом шевелила губами, будто у меня вправду простуда и нет голоса.

Хорошо, что меня никто не искал и даже про гимнастерку не спрашивал — она так и осталась в окне между прутьями решетки.

Теперь в доме престарелых будут думать, что шефские школьники у них в окна тряпками кидаются.

Но никто ничего не говорил. И я никому ничего не рассказывала. Мне некому просто. Ведь Лильки со мной больше нет. Мне иногда кажется, что она покончила с собой, а нам врут, что она уехала, чтобы никто не боялся и чтобы не пропагандировать самоубийства.

Но я знаю, что это не так.

Пока я сидела на кошачьем стуле под сиренью, я первый раз за этот месяц не думала про Л. Вообще никак не думала. Как будто серия закончилась. Какой-то кусок жизни про нас обеих.

И когда мы в автобусе обратно ехали, до меня все сразу это дошло.

Хорошо, что у Паши был рукав его куртки.

И я бы все равно не могла вернуться к той старушке и ее кошкам. Потому что наши пятikleшки играли сценки. И потому что началась гроза. Кошки попрятались, наверное. И старушка тоже. Наверное. Я не знаю. Но в холле на концерте ее не было.

Я ее не выдумала. Это правда.

Июнь. Самое дорогое

Я очень устала. Лежу у мам в кровати и читаю «Незнайку». Не с экрана, а вживую. Мне Паша принес. Я ему говорила, что не читала про Незнайку. Или писала?

Старое издание. Настоящее советское, а не репринт. Старые книги пахнут детством, даже если в детстве их не читала. Жалко, что не читала. Не похоже на мульт, совсем. Незнайка тоже все время врал. Если бы я про него прочла в детстве, я бы в него влюбилась бы. Он абсолютно не вписывается в окружающую действительность. Паша в курсе, я ему уже написала об этом. По-моему, Паше просто хотелось меня лишний раз увидеть, и он именно поэтому мне книжку принес.

Я все сдала. Я в десятом! В «А», в «английском» классе, если что. А «Б» будет физматным. У нас опять всё поменяли. Но всё в лучшую сторону. Для меня — в лучшую.

Не хочу уходить из нашей школы. Я попробую потом поступить в пед на иняз. Именно в пед. Чтобы одну параллель вести с первого по девятый, от слова «яблоко» до сослагательного незаконченного прошедшего времени. Хотя оно бессмысленно и беспощадно.

Я не знаю, хорошо у меня с английским или плохо. Если не для оценки, а для жизни. Юля говорит, что в сентябре в Москве будет какая-то конференция коррекционных спецов, она там, оказывается, чуть ли не в жюри. Я могу прийти ассистентом организаторов. Послушать носителей английского, посмотреть, как живые синхронисты работают.

До сентября еще два раза до фи́га. А в десятом у нас инглиш будет вести Марина Ивановна. Ей ВМ на выпускном говорит: «Я тебе отдам самое дорогое, что у меня есть». И мы вроде смеемся, но от смущения. И потому что приятно. И потому что это же ВМ, она никогда не врет!

Я не могу представить, чтобы вместо нее у меня была другая англичанка. Она нас девять лет мурыжила и целый год классручила! Это как с первой учительницей расставаться.

Как вообще педагоги работают? Если каждый год прощаться? Я не представляю.

Вообще на вручении аттестатов все как-то скомканно было. Директорша говорит, что мы — сложный выпуск, но хороший. Но она это каждому выпуску говорит каждый год. Мы в том году одиннадцатым на последний звонок делали литературный монтаж, она говорила то же самое. В директоршу не веришь. И в завуча по вне-

классной. И в директора физматлицея, который руководит всем комплексом, тоже.

А после вручения аттестатов ВМ ко мне подошла и говорит: «Ну наконец-то! Ведь видно же было, что ты умная девочка, ведь тебе все господь дал, кроме железной задницы. Молодец!» Надо было включить камеру на мобиле и заснять. И переслушивать. А лучше — отправить к себе в прошлое. В сентябрь. А себе сюда попросить прислать запись из будущего. Когда мне будет 27. Или 35.

* * *

Такое ощущение, что я за этот месяц прожила еще одну жизнь, совсем чужую и новую. А в эту больше не вернусь. Я из нее выросла. Закончила девятый класс и кусок своей жизни. И как будто сдала еще один ГИА — по себе самой.

Я подарила Пашке мой брелок-ботинок. Совсем облупленный, из него немного вата торчит. И замша стала жесткая, как кожа. А шнурочек потерялся. Ботинок не состарился, а вырос.

* * *

Ужасно непривычно снова писать каждый день. У нас есть другая собака. Тяпа. Девочка-дурочка. Также потеряшка и подобрашка. Марсюша бы нас понял, я думаю.

Тем более мы ее, как и Марсика, опять не планировали заводить. Это такой подарок моего биологического папы. Он на последний звонок не смог с работы отпроситься и на вручение аттестатов тоже. А я даже как-то и забыла, что его звала. Ну, не привыкла, что у меня есть папа. А он на следующий день приехал и привез нам собаку!

Мои родители делают совершенно одинаковые идиотские прекрасные вещи. Кажется, я понимаю, почему они были вместе.

* * *

Я нашла Лильку в интернете! По дате рождения и по юзерпику! У нее никнейм другой, а картинка та же самая! Я не знаю, написать ей или нет. Я очень хочу помочь Лильке. Но я не знаю. Если бы я начала новую жизнь, я бы пустила в нее людей из старой? Может, я для Лильки сейчас просто часть прошлого. И когда у нее перестанет болеть прошлое, она начнет вспоминать все хорошее. И меня тоже. Я не знаю. Я на это очень надеюсь. Лилька, я тебя очень люблю. Будь счастлива!

* * *

«100 дней меня»: Вчера мы с Пашей ездили в дом престарелых.

* * *

Этот дневник больше не ведется и закрыт для всех.

* * *

Этот дневник больше не ведется и открыт для всех.

Литературно-художественное издание
Серия «Встречное движение»

ЛАРИСА РОМАНОВСКАЯ
УДАЛИТЬ ЭТУ ЗАПИСЬ?

Для среднего и старшего школьного возраста
В соответствии с Федеральным законом
№ 436 от 29.12.2010 года маркируется знаком 12

<i>Граффити на обложке</i>	Ксении Туренко
<i>Верстка</i>	Валерия Харламова
<i>Литературный редактор</i>	Наталья Калошина
<i>Корректоры</i>	Надежда Власенко, Юлия Лосева
<i>Выпускающий редактор</i>	Мария Соболева
<i>Арт-директор издательства</i>	Влада Мяконькина
<i>Главный редактор</i>	Ирина Балахонова

КНИГА — ПОЧТОЙ
samokat.post@gmail.com
+7 915 164-52-57

ОТДЕЛ ПРОДАЖ:
+7 499 922-85-95
sales@samokatbook.ru

ПОЧТОВЫЙ АДРЕС:
ООО «Издательский дом «Самокат»
101000, Москва, а/я 487
Тел. +7 (495) 506-17-38
info@samokatbook.ru, www.samokatbook.ru

Книги по издательским ценам можно приобрести по адресу:
Москва, Малая Ордынка 13, стр. 3 (2 этаж)
или в интернет-магазине «ФрекенБукс» www.frekenbooks.ru.

Подписано в печать 18.07.2017
Формат издания 60х84/16
Усл. печ. л. 14,88. Тираж 3000 экз.
Заказ № 6034.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.ооомпк.ру, www.ооомпк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «САМОКАТ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

В МОСКВЕ

магазин «Москва»

*ул. Тверская, д. 8, (495) 629-64-83 ул. Воздвиженка, д. 4 / 7,
стр. 1, (495) 212-22-08 www.moscowbooks.ru*

магазин «Библио-Глобус»

*ул. Мясницкая, д. 6 / 3, стр. 1,
(495) 781-19-00 www.biblio-globus.ru*

магазин «Молодая Гвардия»

ул. Полянка, д. 28, (495) 780-33-70 www.bookmg.ru

сеть магазинов «Московский Дом Книги»

ул. Новый Арбат, д. 8, (495) 789-35-91 www.mdk-arbat.ru

сеть магазинов «Читай-Город»

*ул. Большая Ордынка, д. 21, стр. 1,
8-800-444-8-444 www.chitaigorod.ru*

магазин «Додо»

(495) 628-67-38 www.dodospace.ru

детский книжный автобус «Бампер»

(967) 041-95-12 www.bumperbooks.livejournal.com

сеть магазинов «Понарошку»

*Малый Палашевский переулок, 2 / 8,
(499) 394-16-04 www.ponaroshku.ru/stores*

культурный центр «Покровские ворота»

магазин «Первая строка»

ул. Покровка, д. 27, стр. 1, (495) 223-58-10 www.dbiblio.org

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «САМОКАТ» МОЖНО ПРИОБРЕСТИ

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

магазин «Санкт-Петербургский Дом Книги»

Невский пр, 28, (812) 448-23-55 www.spbdk.ru

магазин «Порядок слов»

Наб. реки Фонтанки, 15, (812) 310-50-36 www.wordorder.ru

сеть магазинов «Буквоед»

Невский пр., д. 46, (812) 601-0-601 www.bookvoed.ru

В БЕЛГОРОДЕ

сеть магазинов «Букватория»

(4722) 35-61-83, 41-99-42 www.bukvatoria.ru

В ВОРОНЕЖЕ

сеть магазинов «Амиталь»

(473) 223-00-02 www.amital.ru

В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

сеть магазинов «Дом Книги»

ул. Антона Валека, 12,

(343) 253-50-10 www.domknigi-online.ru

Сеть магазинов Люмна

ул. Студенческая, 1 «В», (343) 228-10-91 www.lumna.ru

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «САМОКАТ»
МОЖНО ПРИОБРЕСТИ**

В ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНАХ

«Озон»

www.ozon.ru, 8-800-100-05-56

«Лабиринт»

www.labirint.ru, (495) 276-08-63

«Читай-Болтай»

www.chitay-boltay.ru,

8-905-70-11-600

«My shop»

www.my-shop.ru, (495) 638-53-38,

(800) 100-53-38

**В ОТДЕЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «САМОКАТ»**

(499) 922-85-95

sales@samokatbook.ru

